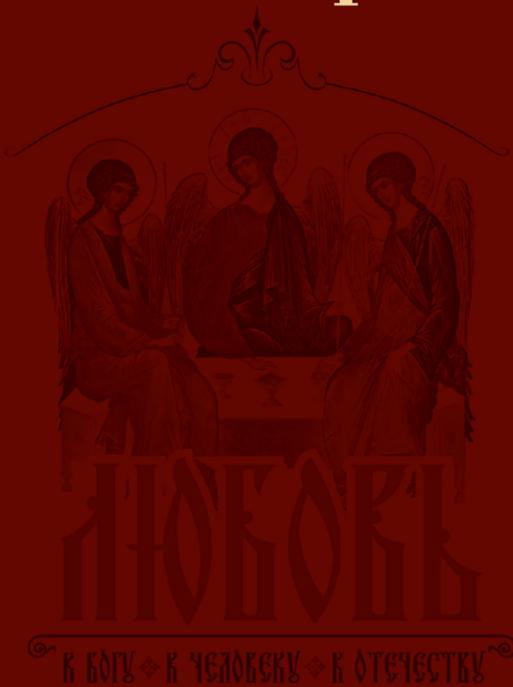

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Верить в Россию значит видеть и признавать, что душа ее укоренена в Боге и что ее история есть возрастание ее от этих корней.

Итак, душа русского народа всегда искала своих корней в Боге и в Его земных явлениях: в правде, праведности и красоте.

Россия есть прежде всего живой сонм русских правдолюбцев, «прямых стоятелей», верных Божьей правде. Какою-то таинственной, могучей уверенностью они знали-ведали, что видимость земной неудачи не должна смущать прямую и верную душу; что делающий по-Божьи побеждает одним своим деланием, строит Россию одним своим (хотя бы и одиноким, и мученическим) стоянием. И тот из нас, кто хоть раз попытался объять взором сонм этих русских стоятелей, тот никогда не поверит западным разговорам о ничтожности славянства и никогда не поколеблется в своей вере в Россию.

Иван Ильин

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Духовно-просветительский альманах

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Выпуск 3
2018

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ

Возвращение

Издается по благословию
Преподобнейшего Софрония,
епископа Губкинского и Грайворонского

На протяжении веков и тысячелетий люди бьются над разгадками таких животрепещущих вопросов как время и Вечность, добро и зло, жизнь и смерть. Многие выдающиеся мыслители всех времен и народов пытались давать свои ответы, которые были очень разными и, тем не менее, иногда весьма оригинальными, глубокими и интересными.

Но нам думается, что нигде эти ответы не звучат так просто и убедительно, как в Евангельских притчах. В частности, в притче о богаче и Лазаре.

Всю свою сознательную жизнь богатый человек проживал в роскоши, непрестанно устраивал пиры и веселился с друзьями, одеваясь в роскошные одежды и, вероятно, считая себя, если не самым, то одним из самых удачливых или, как сейчас говорят, успешных людей на свете.

А совсем рядом с ним жил бедный и больной человек по имени Лазарь, мечтавший о том, что какая-нибудь крошка упадет со стола богача, и он подкрепит свои силы.

В Евангелии не написано, каким образом богач разбогател, а также мы не знаем, по какой причине Лазарь был бедным. Но так ли это важно для нас?

Ведь как показывает жизнь и как учат нас умудренные духовным опытом Святые отцы, можно быть богатым и в то же время нестяжательным и вполне приличным человеком, а можно не иметь в кармане ни гроша и быть отчаянным жадиной, то есть завидовать богатым и желать в жизни только одного - разбогатеть и таким образом обрести счастье.

Но все когда-то заканчивается - и сытая и роскошная жизнь богача, и скудная жизнь последнего бедняка. Что же на этот счет нам рассказывает Евангелие? А оно рассказывает нам о том, что умирает бедный Лазарь, и ангелы сопровождают его, как мы говорим, в последний путь. Затем умирает богач, и его просто погребают. И перед каждым из них вдруг открывается абсолютно новая реальность. Где роскошные яства и красивые одежды? Где веселая компания, в глазах которой ты был самым влиятельным и уважаемым человеком? Ничего этого не встречает богач в том месте, куда он попадает. Только неистребимое ощущение жажды. Сухо, больно, тоскливо...

А Лазарь - и богач видит это своими глазами - возлежит в светлом и приятном месте рядом с праведным Авраамом. И здесь раздается крик, а может быть, даже и вопль богача: «Отче Аврааме, пусть Лазарь омочит мой

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ

иссохший язык хотя бы каплей влаги, ибо я мучаюсь в пламени»!

Но, увы, вердикт неумолим и суров: «Между нами и вами великая пропасть. Ни мы к вам, ни вы к нам».

Богач в отчаянии просит, чтобы Авраам послал кого-либо из мертвых, чтобы предупредили его братьев о том, что вечность существует реально, а не только на словах, что кроме жизни земной существует и жизнь Небесная, которая ожидает каждого.

Но, увы! Авраам говорит, что если не поверили Моисею и всему тому, что написано в Законе, то не поверят и воскресшим мертвецам.

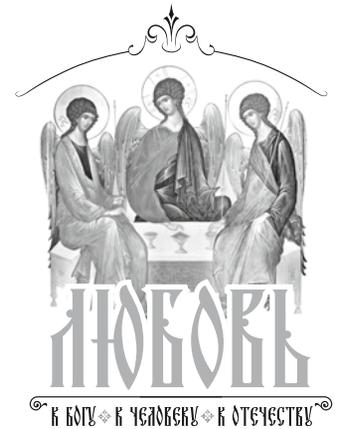
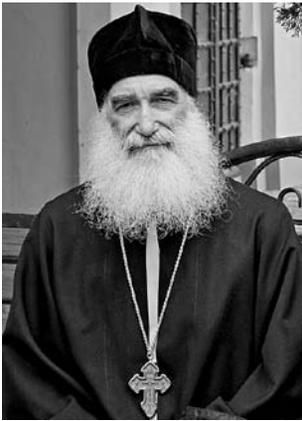
Так в чем же вина богача? Когда Лазарь терпеливо и безропотно страдал от голода и болезней, псы облизывали его раны, тем самым как бы жалея его в отличие от богача, который либо вовсе не замечал его, а может быть и замечал, что гораздо страшнее, но своим вселенским равнодушием презирал его.

По сути своей, отворачиваясь от Лазаря, он отворачивался от Самого Творца, Который, наверное, испытывал его богатством, а Лазаря бедностью.

Размышляя над этой притчей, невольно задумываешься о справедливости. Есть ли для неё вообще место в нашей жизни, а если она существует, то какая она? Представим себе такую картину. Лазарь долго и мучительно терпит и ждет: может быть, богач, наконец, заметит его и хоть как-то пожалеет. Разве он обеднеет от того, что поможет ему встать на ноги, обустроить хоть как-то его быт, даст надежду на то, что и он такой же человек, имеющий право на земное счастье и что обоим им жизнь дана одним и

тем же Богом? Но ожидания Лазаря оказываются напрасными, и, отчаявшись, он собирает таких же «Лазарей», как и он, подговаривает их, и они поднимают бунт против богача и его друзей, чтобы затем поделить их богатство поровну и тем самым совершить над ними, как им казалось, справедливый суд. Но позволим себе задаться вопросом, а попал бы Лазарь тогда после смерти в то светлое и приятное место, где был праведный Авраам? Едва ли. Скорее всего, он был бы вместе с богачом там, где они бесконечно продолжали бы свою «борьбу за место под солнцем». Таким образом, можно предположить, что существуют две справедливости. Одна человеческая, главными лозунгами которой являются такие прекрасные, но вывернутые наизнанку испорченным человеком понятия, как Свобода, Братство и Равенство, а вторая – Божественная, в сердцевине которой лежит Любовь, и только Любовь, которой Бог сотворил мир. И лишь тот, кто сознательно к ней стремится и приближается, все больше и больше начинает понимать, что такое настоящая справедливость.

Сегодня проблема богача и Лазаря звучит не менее остро, чем и в те, казалось бы, далекие времена. И если бы все или хотя бы большинство из нас стремились к Евангельской любви, то не было бы такой пропасти между людьми не только на земле, но и там, в Небесах, и не было бы нужды грабить награбленное, а было бы здоровое и нормальное желание всем вместе созидать красивую и справедливую жизнь здесь на земле, чтобы и там, в Райских обителях продолжать ее созидание на несравненно более высоком, уже духовном уровне.

СЛОВО РЕДАКТОРА

Как ни крути, но никто за всю историю человечества не дал такой ясной, красивой, живой и правдоподобной картины сотворения мира и человека, какую дало Священное Писание. И вовсе неспроста мировая культура, благодаря которой человечество осознает в себе то лучшее, что в нем заложено изначально, более всего опирается на эту Великую Книгу. Именно мировая культура во всех ее ипостасях и в своих лучших откровениях напоминает человеку о том, что он существо нравственное, что у него есть совесть, которая является главным мерилом его поступков.

Однако, вопреки этому, ложь и лицемерие, жадность и хитрость, равнодушие и безответственность повсеместно и безнаказанно процветают, пытаясь управлять мировыми процессами. Чем больше человек удаляется от Бога, тем сильнее искажаются в нем представления о счастье, справедливости и, наконец, о любви, что значительно затрудняет взаимопонимание между людьми.

Сегодня наши недоброжелатели, почти в совершенстве освоившие те качества, которые мы перечислили выше, культивируют по отношению к нам всеобщую неприязнь, пытаясь выставить нас последними негодьями, недостойными даже и жить на этой земле. И это от того, что мы не желаем соглашаться с их по сути безбожной философией жизни, основанной на поклонении «золотому тельцу», и тем самым остаемся для

них последним препятствием перед тем, чтобы стать первыми и единственными в установлении нового мирового порядка, в котором место Бога, по их мнению, должен занять человек. То, что они творят, и то, как бессовестно они пытаются нас травить, обнаруживает их тотальный страх, их полную несостоятельность и абсолютную мелкость перед Высшей Правдой.

Однако они великолепно используют свой веками наработанный опыт по созданию искусственного «рая на земле», ярко его рекламируют и успешно им торгуют. Духовно ослабленный мир не в состоянии устоять перед соблазном «земного великолепия» и заглатывает блестящую наживку. Но, как говорят Святые Отцы, «сладок грех во устах, но горек во чреве». Глаза у этого, хотя и ослабленного, но еще живого мира, начинают потихоньку приоткрываться, и мы должны ему помочь прозреть до конца. Но прежде мы сами должны утвердиться в той правде, которая подразумевает, что качество человеческой жизни определяется не столько материальным благополучием, сколько качеством человеческих взаимоотношений, которые в свою очередь определяются качеством взаимоотношений человека с Богом.

Когда мы говорим о «наших недоброжелателях», мы, конечно же, имеем в виду не простой народ, а элиту, с которой он далеко не всегда согласен, но, по большому счету, бессилён что – либо изменить.

А она, тем временем, делает все возможное, чтобы вести народ не к Высшей Правде, а к правде человеческой, которая выгодна ей и только ей.

Внешняя и внутренняя политика нашего, да и любого государства, это две стороны одной монеты. Но чтобы укреплялись обе эти стороны, а не только первая, необходимо, в первую очередь, думать об укреплении стержня, то есть родной веры, родной культуры и родных традиций. Когда народ духовно воспитан, тогда он счастлив, жизнеспособен и крепок. А разве это не то главное, что нам сегодня так необходимо, если мы, конечно же не желаем той участи, которая постигла Сербию, Ирак, Ливию, Украину, а теперь и Сирию?

Как ни крути, но никто за всю историю человечества не дал такой ясной, красивой, живой и правдоподобной картины о сотворении мира и человека, какую дало Священное Писание. Но человечество почему-то не хочет сверять свою жизнь с этой Великой Книгой. Разве не для того Господь создал всех нас, чтобы мы вместе возделывали земной сад? А мы уничтожаем его планомерно и жестоко, теряя живую связь и с Тем, Кто дал нам эту Книгу, и с тем, что написано в ней. Но справедливости ради все – таки следует заметить, что в России эту Книгу прочитали более внимательно и восприняли более глубоко, доказательством чему являются тысячи и тысячи мучеников, отдавших свои жизни за Правду Христову. Благодаря их великому стоянию Россия художественно все же старается вернуть в свою жизнь эту Правду. И пока мы будем чтить их память и те идеалы, за которые они отдали свои жизни, нас не одолеет никакой враг и никакая сила.

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ ВОЗВРАЩЕНИЕ

БЕЛГОРОД – ГУБКИН – РАКИТНОЕ
ЦЕНТР СОБИРАНИЯ РУССКОГО ОПЫТА
ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ИМЕНИ
АРХИМАНДРИТА СЕРАФИМА (ТЯПОЧКИНА)

РЕДАКТОР:

протоиерей Николай Германский

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ АЛЬМАНАХА «ВОЗВРАЩЕНИЕ»:

В.В. Аксютин – философ, общественный деятель

В.И. Аннушкин – доктор филологических наук, профессор Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина

В.В. Блохин – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и социально-экономических дисциплин РУДН

А.В. Богатырёв – режиссёр-документалист, писатель

В.Д. Ирзабеков – писатель, публицист, гл. редактор портала Благотворительного фонда свт. Луки (Войно-Ясенецкого)

М.Г. Калинин – ответственный секретарь и член Союза кинематографистов России, первый вице-президент Международной Академии творчества

А.Ю. Минаков – доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, руководитель Центра по изучению консерватизма

С.А. Минаков – член Союза писателей России

Т.В. Москвина-Ященко – киновед, преподаватель ВГИКа, член жюри кинофестиваля «Радонеж»

В.В. Овчинников – чл.-корр. Международной Кирилло-Медоидиевской академии славянского просвещения, заслуженный работник культуры РФ

Н.М. Ракитянский – доктор психологических наук, профессор кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

В.Н. Расторгуев – доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

В.И. Теличкина – народная артистка Российской Федерации

В.И. Тонких – заместитель председателя Союза кинематографистов России, политолог

И.А. Чарота – доктор филологических наук, профессор, академик Сербской Академии наук и искусств, зав. кафедрой славянских литератур Белорусского госуниверситета

Подписано в печать __. __. 2018. Тираж __ экз.

Отпечатано в типографии «Принт Мастер»,

г. Белгород, ул. Костюкова, 16а.

Тел. +7(47222)555-929

СОДЕРЖАНИЕ

Русская мысль

Игорь Андрушкевич	Русская власть в России	6
Вардан Багдасарян	«Русская идея»: чего не понимает власть Бжезинский – теоретик россиефобии	18 28
Владимир Блохин	Тайна происхождения русофобии. Исторический вызов русскому самосознанию. (Опыт исторической публицистики)	33
Валерий Расторгуев	Нетривиальный выбор России	41
Леонид Решетников	Пролог к книге «Вернуться в Россию»	50
Василий Ирзабеков	Кто светел, тот и свят	58

Цивилизация

Виктор Тростников	Размышления на тему...	68
Александр Евдокимов	Что впереди?	74
Наталья Нарочницкая	Свобода – категория глубоко христианская	79
Николай Ракитянский	Исламский менталитет в геополитическом пространстве XXI в.	85
Сергей Белов	Обречённые на евроинтеграцию	93
Игорь Шафаревич	Минуты роковые	97

Духовное наследие

	Поучения преподобного Паисия Святогорца	113
--	---	-----

Церковь и время

Иустин Попович	Введение в книгу «Философия и религия Ф. М. Достоевского»	121
Рафаил Карелин	Демоны и человеческая гордыня	129

Родные имена

Федор Достоевский	Старые люди	136
Иван Ильин	Очки	141

Книжная полка

Александр Шишков		152
	Мысли вслух на Красном крыльце графа Ф.В. Ростопчина	159

Чистое слово

Николай Лесков	Христос в гостях у мужика	161
Владимир Даль	Фома с Ерёмой Москву смотрят	168
	Стихи	171

Светлые образы

Марина Петрова	«Великий провидец времён минувших»	176
----------------	------------------------------------	-----

Игорь Андрушкевич –
*русский общественный деятель, публицист,
журналист и политолог, живущий в Аргентине*

Русская власть в России

«Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и распросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим».
(Книга Пророка Иеремии, глава 6, стих 16).

«Русскость есть качественность».
Архимандрит Константин (проф. Кирилл Зайцев),
редактор журнала РПЗЦ «Православная Русь».

Конкретный вид власти в России для России

В ответ на статью **«Три мифа о демократии»**, в «Русских тетрадах» № 30, от июля с. г., один читатель пишет: *«Вы рассмотрели вопросы, связанные с разными формами власти с самых древних времён (Греция) по XX век. Ваша работа пробуждает мысль относительно типов, форм правления при социализме, при нацизме в Германии, при «демократии» в США и Европе, а также поднимает кучу вопросов о типе власти и правлении в России при Ельцине и Путине. Некоторую незавершённость Вашей работы я лично почувствовал в обла-*

сти конкретного, практического анализа типа власти и форм правления сейчас в России. Можете ли Вы, хотя бы в общих чертах, сделать этот анализ? Какой вид государства и какую форму власти Вы считаете сегодня наилучшей для нашей страны?»

Государственная власть в России в исторической перспективе

Ответ на вопрос о том, **какой вид государства и какой вид власти для России сегодня можно считать наилучшим**, зависит от предварительного определения: будет ли этот ответ выражать личное мнение и личные предпо-

чтения автора, или же он будет сделан лишь после попытки предварительно объективно и рационально сопоставить «разные виды государства и разные формы власти в России», в течение её тысячелетней истории, дабы этот исторический процесс так или иначе принять во внимание при таком ответе. При этом будут неизбежны также и сравнения с другими видами государства и с другими формами власти в других странах.

Россия существует как государство уже одиннадцать с половиной веков, точно 1154 года, начиная с 862 года. За это время превышающее время существования всех сегодня существующих европейских и американских государств, форма власти и вид государства в России **органически эволюционировали в течение более тысячи лет**. Лишь через десять с половиной веков в России эта эволюция была грубо прервана подкинутой нам «цветной» революцией (по-русски «переворотом», по-гречески «катастрофой») в 1917 году, утвердившей свою власть над Россией лишь через пять лет кровавой гражданской войны, сопровождавшейся не менее кровавым террором. Значит, в течение более тысячи лет политической эволюции в России, в ней существовала лишь одна форма власти и лишь один вид государства, хотя и с некоторыми эволюционными изменениями: **соборная наследственная монархия**. Можно кратко отметить основные периоды и подвиды этой русской тысячелетней монархии:

1. Великокняжеская единовременная, надплеменная и надрегиональная власть в течение почти двух веков, от Рюрика до Ярослава Мудрого включительно, со столицей сперва в

Новгороде, а затем в Киеве (862 – 1054). Это был первый исторический период нашего общего государства, хотя на его территории и до него жили наши предки и даже создавали предварительную власть на родовом и племенном уровнях. Во время этого первого периода была создана общая надплеменная великокняжеская власть на Руси; была окончательно организована местная политическая жизнь на уровне главных городов; были основаны новые города, особенно в Суздальской Руси; были созданы Дружина, Ополчение и Морской Флот, который не раз осаждал Царьград и даже принимал участие в средиземноморских экспедициях; были заложены основы русских военных традиций и заветов, согласно летописным свидетельствам о новгородско-киевском роде воеводы Яна Вышатича; была определена первоначальная геополитическая программа России как «великий путь из Варяг в греки»; была определена военная доктрина России для обороны **единой и неделимой России**; были заключены первые международные договоры Руси, в которых впервые упоминается имя нового государства, по-гречески: «Россия»; было решено, подготовлено и реализовано Крещение Руси и учреждена Киевская Митрополия с епископами по всей тогдашней Руси (Новгородской, Киевской, Тьмутараканской и Суздальской); была учреждена киевским великим князем святым Владимиром **Боярская Дума**: «*Бе бо Володимерь любя дружину, и с ними думая о строи земле и о ратехъ и о уставе земле*» (Лаврентьевская Летопись); были налажены политические, экономические, торговые, культурные и династические

связи с Византийской империей и с другими тогдашними государствами; были воздвигнуты первые Православные Храмы, со школами и библиотеками при них; было широко распространено просвещение на народном уровне, как об этом свидетельствуют новгородские берестянные грамоты; в Киеве было положено предварительное начало Русским Летописям и вообще литературе на Руси (например «Слово о законе и благодати», «Молитва преподобного отца нашего Илариона, митрополита Российскаго», «Исповедание веры», «Похвала Ярославу Мудрому»); был составлен и опубликован великим князем киевским Ярославом Мудрым первый свод русских законов под названием «Русская Правда».

2. Великокняжеская удельная власть, с центробежными тенденциями, начиная с сыновей великого князя Ярослава Мудрого, со столицей в Киеве (1054 – 1240).

3. Удельная княжеская власть под татарским игом, при стремлении западных соседей оторвать от России её окраинные территории. Спротивление княжеской власти, начиная с великого князя святого Александра Невского, этому первому расчленению Руси. Частичное переселение населения из Киевской в Суздальскую Русь и вынужденный перенос церковного, а затем и государственного центра из опустошённой Киевской Руси в Суздальскую Русь, первоначально со столицей в городе Владимире, основанном святым Владимиром. Главной политической задачей этого периода было стремление максимально сохранить русскую власть над максимально возможной частью территории Руси, ибо характер госу-

дарственной власти на Руси, по своему происхождению, является русским, а не последствием завоеваний, как практически во всех западноевропейских государствах.

4. Великокняжеская объединительная власть, стремящаяся к реконкисте и собиранию всех разрозненных и оторванных от России частей, вследствие татарского нашествия, начиная с великого князя Ивана Калиты, со столицей в Москве (1328 – 1462).

5. Великокняжеская и царская власть, начиная с великого князя Ивана III, венчавшегося в 1472 году с наследницей Константинопольского престола, царевной Софией Палеолог. Внук великого князя Ивана III, Иоанн Васильевич IV (Грозный) венчается в 1547 году в Москве на царство. В своей Грамоте царю Иоанну Васильевичу, от 1561 года «*Иоасаф, Божьей милостью, Архиепископ Константинополя, Нового Рима и Вселенский патриарх*» подтверждает ему этот царский титул: «*Да будешь и ты между царями, как равноапостольный и приснославный Константин*».

6. Всероссийская имперская власть, начиная с императора всероссийского, царя и великого князя Петра Великого, с новой столицей многонациональной Всероссийской Империи в Санкт-Петербурге (1703 – 1917). В результате исторической эволюции эта имперская власть частично приобрела некоторые конфедеративные аспекты (например: Великое Княжество Финляндское, и даже Ханство Нахачиванское, с собственным ханом). Большой титул носителей этой власти начинался со слов: «*Император и Самодержец Всероссийский,*

Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский».

Затем, за столетие после революции 1917 года, в России было ещё три вида власти, которые можно охарактеризовать как: 1. 70-летняя диктатура одной партии, от имени т. н. «международного пролетариата», за эти 70 лет имевшая четыре конституции, но с самого начала в своей программе наметившая второе расчленение нашей страны; 2. Олигархия, состоящая из участников и наследников этой партократии, с демократическими декорациями, в рамках расчленённого государства, под ширмой «содружества независимых государств» при частичном покровительстве западных олигархий; 3. Частично авторитарный смешанный строй с разными резидуальными элементами, возникший в результате реакции и сопротивления расчленению и разграблению страны.

Россия не начиналась и не кончалась одновременно с началами и с концами этих периодов. Россия даже существовала **до** формального учреждения русского государства в 862 году, с культурной, этнической, социальной и бытовой точек зрения, ибо на её территории уже тогда было много городов, с вечевыми, военными и гражданскими структурами; действовали славянское обычное право и местная власть племенных князей, и через её территорию уже проходил великий международный путь «из Варяг в Греки».

Исходя из этого краткого перечня реальных видов власти в истории России, можно наметить несколько политических проектов для будущего, которые можно определить как:

1. Возврат к исторической эволюции нашей страны, исходя из первоначаль-

ных истоков, при учёте опыта всех исторических периодов.

2. Продолжение эволюции с момента её насильственного обрыва, что равносильно практической реставрации дореволюционного статус-кво.

3. Продолжение эволюции, исходя только лишь из постреволюционных реалий.

4. Созидание **«нового государства»**, в согласии с западной тоталитарной идеологией «state building» для полной ампутации всего нашего исторического прошлого.

Разумный, рациональный выбор из всех этих вышеотмеченных политических альтернатив неизбежно будет гласить: **«Возврат к органической эволюции нашего государства, исходя из первоначальных истоков, при учёте опыта всех исторических периодов»**. Т. е. разумное предпочтение имеет первый вариант из перечисленных четырёх политических проектов. Кроме того, этот вариант органической эволюции является самым демократическим, в современном понимании этого выражения, ибо он соотносится с реальной исторической суверенной волей народов нашей страны, перманентно высказываемой в течение веков, а не с подбрасываемыми извне отвлечёнными идеологическими схемами. Затем идут остальные варианты в порядке их перечисления.

Самым отрицательным и антидемократическим (в современном понимании этого слова) проектом является последний, четвёртый вариант **«нового государства»**, ибо он предполагает обрыв всех наших собственных верований, убеждений, традиций, нравов и конституционных прецедентов, для их

подмены чужеродными идеологически-ми домыслами, часто задуманными во вражеских кулуарах. Задуманными для провокации очередных у нас катастроф.

Алексей Хомяков писал в середине XIX века, что тогдашние главные идеологии Запада – капитализм и социализм – были негативными отпрысками его декадентства. Затем, уже в XX веке, испанский философ Хосэ Ортега-и-Гассет выдвинул свою социологическую теорию о **идеях-домыслах** и **идеях-верованиях** (*ideas y creencias*), согласно которой, идеологические домыслы возникают в результате расщепления, а затем вырождения и упадка предыдущих общественных верований. Россия не нуждается в подбрасываемых ей Западом идеологиях (либерализме, социализме, коммунизме, фашизме, национал-социализме и т. д.), ибо она ещё не отступила полностью от своих традиционных верований и убеждений и не отказалась от своего быта (т. е. от «**свободы**», согласно А. Хомякову). Россия ещё не вступила окончательно в декадентство, а посему и не может возводить у себя новое государство на фундаменте идеологий типа вавилонской башни. Тем более, что все до сих пор предпринимавшиеся попытки построения такого искусственного государства, на базе подкинутых идеологий, всегда кончались плохо.

Исходная точка политической эволюции России

Алексей Хомяков утверждает, что «история (любого) народа представляет собой процесс проявления в его общественной жизни некой изначально присущей ему **первичной идеи**». Каждый

народ обладает своей особой субстанцией, «началом». Достоевский, в свою очередь, пишет: «*При начале всякого народа, всякой национальности идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала её. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических. . .*» (Дневник писателя, 1880 г.).

Эта первичная, коренная идея может иметь сложный и многогранный характер, несмотря на её гомогенность и компактность. Тридцать лет тому назад, в моей передовице в газете «Наша Страна», в № 1861, от 29 марта 1986 года, я по этому поводу писал:

*«Первым, в хронологическом порядке, элементом **русской коренной идеи** было стремление к объединению восточнославянских племён для лучшего **сохранения своего быта**, то есть свободы, от внешних и внутренних угроз. Само по себе объединение, как таковое, ведёт к концентрации своих внутренних сил по отношению ко всем внешним силам, что в результате обеспечивает не только самостоятельность и независимость, но также и внутреннюю самобытность, свой быт, то есть **свободу**. Свобода, как на это впервые указал Алексей Хомяков, и есть свой быт. Это наше стремление к **самобытности**, обладающее невероятной инертной силой, является одним из важнейших признаков **свободолюбия русского народа**, никак не замечаемого многими наблюдателями по злобе или невежеству.*

Одновременно, другой целью нашего объединения было стремление к достижению **справедливого порядка и суда** в согласии с уже существующим у нас правом, выработанным тем же бытом. Обе задачи, вставшие перед нашими предка-

ми в середине девятого века, были ими разрешены ясно и категорически: только надродовая, надсословная и вообще надгрупповая верховная государственная власть может обеспечить собственный быт, то есть свободу, через силу вовне и применение права внутри. . .

Существенный смысл начала русской государственности в Новгороде, условно отмечаемый 862 годом, заключается в том, что с этого момента была провозглашена **верховная власть** для всех объединяющихся русских племён. Эта верховная власть не имела задачей исполнять также и власть управительную: для этого продолжали существовать посадники, тысяцкие, воеводы и другие выборные начальники, а также и городские советы, в которые входили все действительные и все «старые» (то есть отслужившие свой срок) начальники. Таким образом, управление продолжало по сути быть **самоуправлением**.

Наряду с этим самоуправлением сохранялось и прямое **участие всех граждан в решении особо важных государственных вопросов**, через институцию **веча**. Для верховной власти отводилась функция судить «**по праву**». Эта функция является самой существенной, так как даже функция военного предводительства имеет скорее профессиональный характер, несмотря на то, что верховная власть объемлет несомненно также и верховное командование. . .

Таким образом, если наше государство зародилось на севере, в Новгороде, то уже при сыне первого князя его политический центр переносится на юг, в Киев. Новгород – Киев и есть та ось, вокруг которой развивалось наше государство в своих зачатках. Но кроме

этих двух кардинальных направлений, сразу же выступает и третье направление, образуя треугольник: север – юг – юго-восток. Однако, степь вскоре отрезает, а затем и ликвидирует это наше изначальное направление на юго-восток: Тьмутараканская, Сурожская Русь вскоре выпадает надолго из этой первой геополитической фигуры нашего государства. Вскоре направление на юго-восток будет дополнено **направлением и на восток**. Суздальская Русь, сначала с центром во Владимире, а затем в Москве, окончательно образует направление России на Восток, приведшее её потом через Сибирь к Тихому океану, в будущем **новому Средиземному морю всего человечества**. В трёх столицах России – Новгороде, Киеве и Москве – были заложены основные геополитические фундаменты нашего государства,

Крещение Руси при святом Владимире, внуке святой Ольги, вывело новое государство на вселенский путь. Не только потому, что **Русь стала по-гречески Россией**, единым митрополичьим округом Вселенского Константинопольского Патриархата, но и потому что **завершилось оформление, по свободному выбору, трёхгранной коренной идеи, души новой зарождающей нации**:

Православная вселенскость дополнила **самобытность** и дала прочное основание, почву также и для **вселенскости политической**: не сходя со своего собственного пути, **Русь стала полноценной, но самобытной частью тогдашнего мира**.

Единоначалие в соборности осветилось новым светом и приобрело новое, более глубокое значение.

Стремление к **справедливости**

через право (справедливости) обогатилось новооткрытой связью права с Законом.

В будущем всякое отступление от любой составной части этой нашей тройственной коренной идеи будет чревато катастрофическими последствиями».

Исторические обстоятельства эволюции русского государства

Эта сложная коренная идея России в основном истекла из общих индо-европейских источников, из которых также истекли и другие политические традиции, по существу родственные нам. Политические формы и структуры отдельных народов в сильной степени отображают их социологическую действительность, слагающуюся из ряда составных элементов (этническо-генетических, религиозных, мировоззренческих, исторических, социальных, хозяйственных, геополитических и иных).

На заре истории мы видим народы разного профиля (например: кочевые, оседлые, земледельческие, скотоводческие, и т. д.). Например, древние греки были поначалу скотоводами и земледельцами, с языком и с общественным родовым строем индоевропейцев. Этот родовой строй был присущ практически всем западным индоевропейским народам: грекам, кельтам, италийцам, германцам, славянам. При эволюции этого общественного строя в племенной, а затем и в государственный строй, естественно и органически возникавшие **политические структуры** всегда имели **соборный** (общий сложный, смешанный) характер: Рядом с **князем** (монархический элемент) всегда существовал

аристократический **совет старейшин** (вначале состоявший из представителей родов, а затем из действительных и бывших начальников), которые выносили свои совместные решения на одобрение общих **народных собраний** (демократический элемент). Значит, мы видим в истории этих индоевропейских народов четыре государственных элемента: князь, старейшины (магистраты, архонты), совет старейшин (сенат, ареопаг, боярская дума) и народные собрания (курии, веча, соборы).

Наиболее яркий и законченный подобный соборный строй был достигнут в Римском Государстве. Краеугольным камнем в этом строе был **Сенат**. Самой важной политической функцией Римского Сената было **обеспечить легитимное правопреемство государственной власти, даже в случае гибели всех предыдущих носителей этой власти**. Значит, Римский Сенат был постоянным, **перманентным регентским советом** Римской Республики. Кроме того, Сенат был **единственным резервуаром кандидатов на высшую государственную власть**: все кандидаты на все ступени государственной власти, кроме самой низшей, должны были уже быть членами Сената. Причём, требовалась строгая последовательность при прохождении всех ступеней власти, что римляне называли «курсом чести», *cursum honorum*.

Сенат обеспечивал устойчивость, длительность и продолжительность реальной политической власти в Риме. Римский Сенат был своего рода **осадком** опытной **политической элиты** римского государства. Моммзен определил Сенат Рима следующим образом:

«Сенат – это учреждение, образованное из мужей не только **назначенных** в силу своего **происхождения**, но также и **выбранных** волей народа, каждые пять лет **подтверждаемых** нравственным трибуналом (цензоров). В Сенате состояли пожизненно лишь самые достойные (граждане), **свободные от краткосрочных мандатов и от меняющегося мнения толпы...** Сенат включал в себя весь политический ум и весь государственный опыт нации». (Теодор Моммзен. Римская история. Книга II, глава III, 33).

В Афинском Полисе эту роль исполнял Ареопаг, состоявший из бывших архонтов. Аристотель отмечает, что во время военной катастрофы, в результате нашествия персов, через тридцать лет после демократических реформ Клисфена, в Афинах все растерялись, кроме Ареопага. Тогда аристократический Ареопаг, под монархическим руководством василевса-архонта, взял инициативу спасения в свои руки и призвал демократический «плефос» (толпу) занять места гребцов на военных кораблях под аристократическим командованием. Ареопаг даже оплатил предварительно из своих средств эту службу гребцам. Афинский военный флот (около 350 кораблей) тогда одержал полную победу у острова Саламины в 480 году до Р. Х. над персидским флотом (от 600 до 800 кораблей), и Греция была спасена.

Аристотель пишет, что Ареопаг этим ещё больше увеличил свой авторитет, хотя и толпа (у Аристотеля «плефос», иногда «охлос», но также и «демос») тоже сохраняла своё влияние (и доходы) в рамках тогдашней демократии: **«Итак, Полис прогрессировал досе-**

ле вместе с демократией, развиваясь постепенно. После персидских войн снова стал преобладать и управлять Полисом Ареопаг, без необходимости для этого никакого декрета, потому что он был зачинщиком морского боя у Саламины. Ибо когда стратеги (воеводы), в отчаянии от положения, возвестили, что каждый должен пытаться спастись в одиночку, Ареопаг добыл и роздал восемь драхм каждому и посадил их на судна. По этой причине все признали достоинство Ареопага, и тогда афиняне были очень хорошо управляемы». (Аристотель, Конституция Афин, 23. Знаменательно, что Аристотель в данной фразе ясно различает «полис» от «демократии»).

Значит, пока все составные элементы соборного государственного строя находятся в симфонии между собой, дела всего полиса идут хорошо. Когда же какой-нибудь из этих составных элементов начинает стремиться к абсолютной гегемонии, наступает вырождение всего строя, в конечном итоге кончающегося его гибелью, в том числе и гибелью элемента, стремившегося стать абсолютным.

В Византии Сенат назывался Синклитом, а в России, до 1711 года, Боярской Думой. Боярская Дума не только восстановила 320 лет тому назад (в 1696 году) в России её Военно-Морской флот, но и решала династические вопросы, в случае нужды. Она не могла менять или тем паче отменять постановления Земских Соборов, но могла регламентировать их исполнение, как, например, в случае первоначального провозглашения Петра Алексеевича царём, ввиду плохого состояния здоровья его старшего брата Ивана Алексеевича.

Как вернуться на пути древние?

Русский мыслитель, богослов и философ Алексей Степанович Хомяков обратился в 1860 году с личным посланием к сербам. Вот некоторые выдержки из этого послания:

*«Более всего держитесь всякого учреждения и всякого суда общинного. В нём более правды, чем во всяком другом; да через него и люди привыкают искать доброго мнения у братьев своих. Где сход сельский или городской решает дела, там уже с ранних лет воспитывается в человеке здоровое понятие о законности и справедливости, развивается разумное суждение и уничтожается губительное и весьма обыкновенное у многих народов равнодушие к общему делу. **Сход мирской** есть для народа училище, которое выше всякого книжного воспитания и никакою книжною мудростью не заменяется. Мирскими сходами были спасены дух и разум Русских крестьян, несмотря на рабство, в которое заковал их несправедливый закон.*

*Желательно, чтобы сход решал дела **приговором единогласным**. Таков был издревле обычай Славянский. **От Немцев перешёл к Славянам обычай считать голоса, как будто бы мудрость и правда всегда принадлежали большому числу голосов, тогда как действительно большинство зависит весьма часто от случая.** Рассудите ещё и о том, что где дела идут на решение большинством, в людях пропадает или, по крайней мере, слабеет желание убедить своих братьев, а следовательно, слабеет и самое стремление к согласию в совести и разуме. Если уже нельзя получить решение единогласное,*

лучше передать дело посреднику излюбленному от всего схода. Совесть и разум человека, почтённого общим доверием, надёжнее, чем игра в счёт голосов. У Англичан в суде уголовном требуется единогласие присяжных для осуждения, и их суд уважается всем миром.

*Вы Христиане, вы Православные: да будет же у вас **правда выше всего!** Не верьте, чтобы какому-нибудь народу могла служить неправда основой долговечного успеха и счастья; она восстанавливает против него чувство злобы в других народах и окружает его врагами. Много на свете людей, которые думают, что доброй цели позволительно достигать и злыми путями. Таково, как известно, учение иезуитов; но оно строго осуждается Святым апостолом. **Всякая неправда от лжи и от тёмного духа;** а его не заставишь служить свету Божию, разве побеждая его правдою. И перехитрить его нельзя, ибо весь ум его в хитрости. Если когда и кажется, что добрая цель бывает достигнута злым путём, это только обман, которому не должно поддаваться. От злых средств остаётся в самом добре закваска, чрез которую видимое добро обращается в неожиданное зло, и люди неразумные удивляются потом такой перемене, не рассуждая путей Божией правды, которая всегда неизменна. Мы смеем вас предостерегать в этом деле, братья наши Сербы; потому что некоторые из вас, как известно, привыкая к жизни других народов, привыкают и к хитрости их, особенно в сношениях дипломатических, и думают через неё послужить своему отечеству. Обманчива такая надежда. В хитрости нельзя победить ни иезуита, ни Австрийца; но хитрость его легко побе-*

дять прямодушием и простотой: в них сила, и сила истинная.

Вы создали у себя власть. Повинуйтесь ей и укрепляйте её, дабы не впасть в безначалие и бессилие; но охраняйте также у себя свободу, и особенно свободу мнения, как словесного, так и письменного. Она созидает силу духа, царство правды и жизнь разума в народе. Без неё гложут и умирают все добрые начала, как видно из опыта многих народов, и отчасти из нашего собственного. Она нужна гражданам и, может быть, ещё более нужна самой власти, которая без неё впадает в неисцельную слепоту и готовит гибель самой себе. Мы говорим: охраняйте свободу мнений, и охраняйте её не только от власти, но и от самих себя. Пусть высказывается всякое суждение, как бы оно ни было противно вам самим! Если оно справедливо, оно распространится к благу общему; если оно ложно, оно обличится также ко благу общему: ибо правда всегда разумнее лжи. Что же бывает там, где мнения не высказываются из страха? Справедливые пропадают, потому что они любят свет, а ложные, которые любят тьму, не будучи обличены, разрастаются, как скрытая язва, и заражают собою самые источники жизни. Выслушивайте всё, **обличайте неправду**, и вы победите её своею верою в силу истины, которая есть от Бога.

Не говорите много о праве и правах и не очень слушайте тех, которые говорят о них, но слушайте охотно тех, которые говорят об **обязанности**, потому что **обязанность есть единственный живой источник права**. Знание собственного права в сильном ничего не значит, освящая только его волю, а в бессильном оно ничтожно, по

самому его бессилию. Знание же обязанности связывает сильного, созидая и освящая права слабых. Себялюбие говорит о праве, братолюбие говорит об обязанности.

Уважайте своих пастырей духовных! На них лежит великая ответственность перед Богом, и справедливо, чтобы они имели великий почёт у людей; **но не позволяйте, чтобы они величали себя Церковью отдельно от народа**. Будьте в этом ревнивы к своей чести, ибо вы все члены Церкви Божией...

Сохраняйте же и развивайте у себя все добрые начала! Будьте верны Православию и едины в просвещении духовном! Не изменяйте никогда братскому равенству и **будьте едины в цельности народной!** Стремитесь к образованности и правде и будьте едины в достижении всякого общественно-го блага и разумного совершенства!»

Конкретные меры для возврата на «пути добрые»

Сама жизнь своевременно укажет, как можно будет разумно восстановить русский «вид государства» и русскую «форму власти» в нашем Государстве. Сегодня его конституционные нормы состоят из частей трёх разных происхождений: из некоторых символов и понятий русской самобытной исторической тысячелетней многоярусной конституции; из пережитков революционного «пролетарского» режима с интернациональным мировоззрением; из современных конституционных и законодательных текстов.

На пути окончательного возрождения русской государственности сто-

ят весьма серьёзные затруднения. Совместное одновременное сосуществование разнородных учредительных начал в современном государстве иногда создаёт абсурдные противоречия. Например, можно указать на продолжающуюся юридическую действительность распоряжений одной из воюющих сторон в Гражданской войне 1917 – 1922 годов о лишении русского гражданства участников другой стороны, даже до провозглашения нового государства, при одновременном конституционном запрещении современной конституцией любого лишения гражданства. Причём, в возглавлении этой воюющей стороны тогда состояли многие иностранные граждане, так что иностранные граждане лишали русских граждан русского гражданства, подкидывая нам при этом силой и обманом чуждую нам иностранную символику.

На другой возможный юридический нонсенс обращают внимание существующие сомнения в подлинном происхождении и авторстве современного конституционного текста, не говоря уже о его одобрении меньшинством избирательного корпуса. Хотя, это обстоятельство не всегда является обязательно существенным. Ведь, конституционные тексты в их оперативно-нормативной части являются всего лишь своего рода **правилами игры**, происхождение которых менее важно, чем **согласие самих участников игры** на их соблюдение. Кроме того, эти тексты всегда могут быть исправлены внесением соответствующих конституционных поправок.

Гораздо более важными являются принципиально-декларативные конституционные аспекты. В этом отношении необходимо ввести неизбеж-

ные дополнения и уточнения. В первую очередь – необходимо недвусмысленно указать на **происхождение современного государства от исторического Государства Российского**. Россия должна вернуться к соблюдению своих самобытных начал, норм и нравов в согласии с её собственным историческим мировоззрением, отражающим её собственную шкалу ценностей, и категорически не допускать вмешательства в наш русский быт иностранных инстанций и русофобских мировоззрений, зачастую инспирированных разными сектами. Из этого нашего исторического (православного и эллинистического) мировоззрения вытекают также и принципы исторической международной политики нашей страны: **строгое соблюдение международного права и предпочтение полифонической политической модели во всемирном сообществе**.

Россия должна подчинять своё законодательство международным решениям лишь аналогично тому, как это делают другие постоянные члены Совета Безопасности ООН, но не больше. Россия не должна подчиняться никаким надгосударственным судебным юрисдикциям, кроме своих собственных. Кроме того, она не должна ставить иностранную и международную символику наряду со своей, а тем паче выше своей. Также нужно уточнить, что современный Глава государства, с современным титулом Президента (какового титула у нас раньше никогда не было), является Верховным правителем Государства Российского и Местоблюстителем исторической Верховной власти в России.

Исторические народные институты России никогда не были законоотменены, а лишь долго не созывались.

Посему **Земский Собор** всегда может быть созван, для решения конституционных вопросов учредительного характера при соблюдении прецедентов для его созыва и состава. Исторически, в принципе, это были **совместные заседания всех государственных органов власти** (Верховной, Исполнительной, Законодательной, Судебной и Военной) при их традиционной инаугурации представителем Русской Церкви.

Боярская Дума была в 1711 году переименована царём Петром Великим в Правительствующий Сенат со значительными реформами организации и состава этого учреждения. Однако реальная правящая власть этого высшего государственного органа была сильно ампутирована этими и другими позднейшими реформами, что и дало возможность мятежникам из военных лож по иностранным указаниям и при их содействии во время войны в феврале 1917 года обезглавить Государство Российское и ввергнуть его в анархию для его временного упразднения – сперва чтобы его лишить обещанных плодов победы в Первой Мировой войне, а затем, через семьдесят лет, и для его расчленения. Посему возможность

реального преодоления любой новой смуты в России тоже будет зависеть и от своевременного **учреждения новой Верховной Думы** с характером **постоянного регентского совета**, имеющего исключительное право назначать во время любого безвластия единственно законную временную власть из своей среды. Этого можно достигнуть даже и путём расширения современного Сената **пожизненными сенаторами** из высших военных и гражданских сановников Государства – по образу и подобию других стран, например, современных Италии и Испании.

При этом также можно частично реформировать и технику выборов других должностных лиц на разные уровни власти, сделав их **многоступенчатыми и менее зависимыми от политических партий**, для уменьшения возможности коррумпирования и манипулирования политических инстанций, следуя в этом примеру первоначальной афинской демократии, в которой, согласно реформе архонта Клисфена от 510 года, архонты этого Полиса выбирались делегатами, поместно выбранными (метанием жребия!) в его 100 избирательных округах (по-гречески: демосах). +

Из Русские тетради. Историко – политические анализы и комментарии № 31.
Буэнос-Айрес, август 2016 года

Вардан Багдасарян –

доктор исторических наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН

«Русская идея»: чего не понимает власть

Много говорится о различных исторических юбилеях. И вот ещё одна дата, тоже очень важная в плане интеллектуальной истории России, но пока обделённая должным вниманием. И, по-видимому, этого внимания, судя по властному дискурсу, и не будет проявлено. В этом году исполняется восемьдесят лет со дня выхода в свет работы Николая Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма».

Цивилизационные истоки коммунизма в России.

Бердяевым генерировались в течение жизни самые различные идеи, высказывались разные мировоззренческие позиции – философ был достаточно противоречив. Но что касается «Истоков и смысла русского коммунизма» – это одна из самых блестящих его работ, и, безусловно, работа, сущностно раскрывающая многое из того, над чем работали русские мыслители и русские философы на протяжении всей российской истории. В чём же основной пафос этой бердяевской книги?

Интересно то, что впервые данная работа была издана не на русском, а на английском языке. Уже потом, ближе к окончанию Второй мировой войны, она появилась и на русском языке, – когда уже стало ясно, что всё то, что сказано в «Истоках и смысле русского коммунизма», подтверждается и усиливается, и что Н. Бердяев в данном случае оказался совершенно прав. Коммунизм, – заявлял Бердяев, не привнесённое (как считалось) учение К. Маркса (это внешняя форма). Он имеет глубинные истоки в самой России, в русской культуре. Бердяев не использовал в том значении, как мы сегодня используем, термин «цивилизация», но им подразумевались именно цивилизационные истоки коммунизма в России. Коммунизм идёт от раскольников, от самого начала российского государствогенеза. Ленин (в бердяевской трактовке) не столько марксист, сколько народник. Он, хотя и клеймил народников с позиций марксизма, исторически выступал выразителем той же народнической линии. Большевизм впитал в себя русские цивилизационно-цен-

ностные традиции и идеалы. В этой связи приведу лишь только одну цитату, в которой Бердяев, как бы обращаясь к Западу, говорит, что тот совершенно не понимает происходящего в России.

«Вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство, и оно тоже основано на ортодоксальной вере. На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея, это есть трансформация русского мессианизма. Западные коммунисты, примыкающие к Третьему Интернационалу, играют уничижительную роль, они не понимают, что, присоединяясь к Третьему Интернационалу, они присоединяются к русскому народу и осуществляют его мессианское призвание. И это мессианское сознание, рабочее и пролетарское, сопровождается почти славянофильским отношением к Западу». Это высказывание соотносится и со сталинскими словами, сказанными о большевиках-славянофилах. То есть, по-видимому, были ещё и большевики-западники, с которыми большевики-славянофилы вели борьбу внутри партии.

Мне впервые удалось прочитать книгу Н. Бердяева в 1990 году. Книга буквально меня перевернула, пришло понимание того, что в ходе горбачевских реформ низвергаются не марксизм и не коммунистическая идеология, а, если считать, что русский коммунизм заложен в фундаменте русской цивилизации, низвергается под видом демонстрации коммунизма сама Россия. Так дей-

ствительно и случилось. Последовал 1991 год, и демонтаж коммунистической идеологии обернулся демонтажем Советского Союза.

Методологические основания

Бердяев продолжил тему. В 1946 году выходит его книга «Русская идея», где он развернул сформулированные ранее положения. «Русская идея» – это та тема, с которой русская национальная философия вышла на мировой философский интеллектуальный дискурс и внесла в него свой основной вклад. На уровне «властей» мало что об этой теме знают, мало кто в ней разбирается, хотя цитирование представителей эмигрантских философов, обращавшихся к «русской идее» очень популярно. Используются яркие цитаты, в том числе и бердяевские, но политика реализуется прямо противоположная воззрениям цитируемых мыслителей.

О самом понятии «русская идея», как и о многом другом в интеллектуальной истории России, впервые заявил Ф. Достоевский, и с апелляцией к Достоевскому осмысление этого вопроса в значительной степени и осуществлялось. Следующая принципиальная веха – это работа В. Соловьёва, имевшая непосредственно название «Русская идея». И тоже, что характерно, первоначально она вышла не на русском, а на французском языке. Вначале как бы пояснялось Западу, что такое «русская идея», – и уже только потом происходила её «русская конвертация». Темы «русской идеи» так или иначе касались фактически все, кого принято относить к философам «серебряного века». Попытаемся разобраться и мы, что такое «русская идея», как к ней

относиться, какая методология связана с её раскрытием и постижением?

Вначале вопрос о методологии. В методологическом плане, если говорить о гуманитарных науках, о гуманитарном сознании, сталкиваются две мыслительные парадигмы, две традиции. Они в значительной степени определяют и цивилизационную полемику между православием и католицизмом, и, в конечном итоге, между Россией и Европой. Это линия Платона и линия Аристотеля.

Аристотель. Точка опоры для Аристотеля – это вещь, материальный объект. Отсюда индукция как основной аристотелевский метод познания. Исследователь аристотелист идёт по пути изучения объектов, после чего приходит к некому генерализующему обобщению. Мир трансцендентный, мир идей для аристотелевской философии не является необходимой компонентой. К Аристотелю в значительной степени восходила и католическая схоластика. На аристотелевском миропонимании в значительной степени и дальше выстраивается западная цивилизация.

Византия (а от неё и Русь) выстраивалась в соответствии с линией Платона. Точка опоры для Платона – это не вещь, а эйдос, чистая идея. Эйдосы первичны по отношению объектов. Постигая первоначально идею, исследователь далее экстраполирует достигнутое понимание на конкретные объекты. Отсюда у Платона дедуктивный принцип вместо индуктивного у Аристотеля. Отсюда платонический поиск (сам Платон заложил основы этого поиска) идеального жизнеустройства. Отсюда, как политическая проекция – идеократия, т. е. власть идеи, – та самая модель государственности, которая исторически была идентична России.

«Русская идея» не может быть понята и адекватно воспринята без категории «историософия». Не просто истории, а именно историософии, т. е. ценностно-смыслового рассмотрения исторического процесса. Необходимо дать ответы на вопросы: куда идёт мир, куда идёт человечество, куда идёт, в конечном итоге, Россия? И «русская идея» в этом отношении – это миссия России в мире. Зачем Россия существует в мире, что она миру должна предъявить? – только в контексте историософии возможна сама постановка этих вопросов.

Три подхода к сущности «русской идеи».

Откуда берутся эти смыслы? Кто их генерирует? Ответы мыслителей, связанных с дискурсом «русской идеи», были различны. Первый подход сформулировал В. Соловьёв. «Русская идея», согласно ему, это выражение замысла Божьего. Это то, что Бог задумал в отношении России. Свой замысел есть и в отношении других стран и народов – немецкая идея, английская идея, французская идея и т. д.

Но соловьевская линия объяснения не единственная. Другой подход состоит в понимании «русской идеи» как идеала. Это то, что думают о себе русские люди, каким русский народ исторически желал себя видеть. Это можно сформулировать и как «русскую мечту». Если есть мечта «американская», то, соответственно, почему не может быть мечты «русской»?

К достижению идеала народ стремится в своей идентичной истории. И, по большому счёту, что такое развитие? Всегда, когда рассматривают категорию «развитие», возникает много вопросов,

связанных с определением его критериев. Оказывается, что у каждого человека может быть свой критерий, и в каждой культуре он также свой. Но в каждой культуре есть и свой «идеал». Развитие в этом понимании есть движение от реального к идеальному, к тому идеалу, который соответствующий социум целеполагает для себя.

Итак, первый подход связан с Богом, второй – с историческим сознанием народа. А третий – с материальными средовыми условиями существования. Каждый народ, в том числе и русский, исторически формировался в определённых средовых условиях: соответствующая природная среда, соответствующее внешнее цивилизационное окружение. В российском случае – это иноцивилизационное окружение, определяющее перманентную угрозу цивилизационных войн. Применительно к природе – это огромная русская равнина и континентальный климат. Всё это предопределяло особенности менталитета, и в данном понимании «национальная русская идея» – это выражение оптимума существования на данной территории, в данных исторических цивилизационных реалиях. Аккумулированно «русская идея», сообразно с третьим подходом, это как жить русскому народу в российских условиях месторазвития.

«Русская идея» как идея солидаризационного развития человечества

В чём же сущностно заключается «русская идея»?

Несмотря на то, что различались подходы в отношении того, откуда берётся эта идея, различались зачастую язык

и аргументация, но – удивительное дело! – все мыслители (с разными позициями, с разными оценочными характеристиками по отношению к власти, в том числе, по отношению к СССР и по отношению к дореволюционной России) сходились в понимании того, что есть «русская идея». Концентрированно её можно сформулировать как идею солидаризационного развития человечества.

Идея солидаризационного развития человечества – здесь важна каждая составляющая, каждый компонент этой формулы.

Солидаризация (солидаризационная составляющая) – эквивалентом её является выдвинутое ещё в девятнадцатом веке понятие «соборность». Соборность – это особое духовное единение. Это даже не просто социализм как преобладание и приоритетность общего – социума над частным – индивидуумом. Это даже не просто коммунизм как общность по форме – коммуна. Это нечто большее – общность в духе. Идея солидаризации – это идея коллективизма, но усиленная духовной ориентированностью. Не просто коллектив, а коллектив, одержимый духовными идеалами.

Если мы говорим «солидаризационное развитие человечества», то подразумевается, что солидаризируется не один народ или нация (это путь национал-социализма), а объединяются вокруг «русской идеи» все народы. Это её мессианский компонент.

Что такое мессианство? Много в отношении русского мессианства было распространено негатива. На Западе, например, в плане россиефобской критики мессианство начинало соотноситься с русским империализмом. Но в

мессианстве содержалась прямо противоположная идея. Мессианство этимологически производно от «мессия, спаситель». Мессианская идея – это идея спасения человечества. На основе идеи солидаризации спасти человечество от эрозии расчеловечивания. И здесь принципиально важно – не господство, а именно спасение! Мессианство – прямо противоположный идее мирового господства концепт.

Сегодня мы фиксируем очередное обострение геополитического противостояния России и США. У США тоже есть национальная идея, обращённая в мир («американская идея») – это идея мирового доминирования («град на холме», который возвышается над остальным миром). «Русская идея» принципиально иная – не доминировать, не господствовать, а спасать, спасти даже зачастую через самопожертвование.

Солидаризационное развитие. Речь идёт не просто о бытии, пусть даже на основе коллективистских форм. На основе коллективистских принципов существовали многие традиционные сообщества. Так и по сей день живут племенные объединения. Но самого по себе коллективизма недостаточно. Вопрос стоит о развитии. Возникает, соответственно, идея развития на основе солидаризации.

Запад предложил свою модель развития, которая претендовала на универсальность. Было заявлено, что развиваться можно только за счёт конкуренции. Только конкурируя друг с другом, субъекты, государства и экономики могут развиваться. Без конкуренции будто бы ничего добиться нельзя. В критике Советского Союза это являлось основным доводом: в СССР яко-

бы не было конкуренции, потому он и распался.

Россия предложила другую идею. «Русская идея» заключалась в том, что развиваться можно иначе, – не на основе конкуренции, а именно на основе солидаризации.

Что такое развитие в «западном» понимании? Человек – это индивидуум (индивидуум буквально – атом). Индивидуум не меняется, меняться может среда. Развитие рассматривается как изменение среды вокруг тождественного человека. Появляются новые технические средства (айфоны, смартфоны), создаются новые технологии, не развивается только человек. В реальности же человек при совершенствовании технической среды нравственно деградирует.

У России другая модель развития: развивается прежде всего человек, а уже дальше, изменённым человеком может преобразовываться и техническая среда. Эта идея заложена ещё в православной культуре – идея преображения. Идеи преображения не было в католическом богословии, не получила она должного раскрытия и в «западной» мысли в целом.

Идея преображения была, впрочем, на Востоке. Но что такое преображение в восточном понимании? Пример: отшельник (мудрец) уходит от мира. Пребывая в отшельничестве, он преображается, обретает своё новое существование. Получается, что преображение – это удел монаха, удел человека, уходящего от мирской суеты.

Россия же привнесла (и в этом третья компонента «русской идеи») идею социального преображения. Преображение не для избранных, а преображение всего

социума на основе привнесения новой идеи. Одухотворение социума через реализацию системы идеократии.

Взгляд со стороны

Помимо русофобского направления на Западе существовало и русофильское направление. Западные мыслители, которые занимались рассмотрением русской культуры, приходили к тем же выводам в оценке того, что из себя представляет «русская идея». Пожалуй, наиболее ёмкую формулу «русской идеи», русского историко-культурного типа дал Освальд Шпенглер. Им была предложена следующая формула – «Россия есть апокалиптический бунт против античности». Может возникнуть недоумение – что за бред? какая ещё античность? причём тут апокалиптический бунт? где всё это вообще в русской мысли есть? И здесь необходимо пояснение афористического языка Шпенглера. «Апокалиптический бунт против античности» – в этой формуле содержится несколько составляющих.

Апокалиптика. Это идея будущего, и не просто будущего (как кратко-, средне- и долгосрочного прогнозирования), а будущего «финального». Будущего, где разрешается принципиальный (для любой культуры и для мира в целом) вопрос борьбы добра и зла, будущего, где в апокалиптике развёртывается драма Армагеддона, извечного противостояния сил света и тьмы. «Русская идея», таким образом, акцентирована не на настоящем, а на образе будущего.

Бунт. Создан миф, что чего-чего нет у русских, так это идеи свободы. Вот, мол, есть свобода на Западе, а у русских она ментально отсутствует. Но в «русской

идее» есть даже более акцентированно, более ёмко и глубинно выраженная формула свободы – это идея воли. Это идея свободы абсолютной. Это восстание против любых форм. Русский бунт может быть и восстанием против существующей государственной власти, но может быть и восстанием против тех форм (даже вместе с этой властью), которые устанавливаются как мировой порядок. Поэтому бунт – очень «русская тема». Но против чего бунтует русский человек?

Против. Это очень важное слово. «Русская идея» оппонировала «западной идее» – «западному» проекту, «западной» претензии на мировую гегемонию. Через «русскую идею» заявлялось миру, что возможно иное, что альтернатива существует. Никакая другая культура – ни китайская, ни индийская, пусть они и имели свою специфику – глобального альтернативного проекта не выдвигала. Был проект «западный», существующий по сей день и предъявляемый миру как «универсальный западный путь развития», и был «русский проект» – проект альтернативный.

Античность («против античности»). Причём тут античность? Очень важен смысл, вкладываемый Шпенглером в это понятие. Античность, согласно ему, была построена на идее индивидуализма. Понимание «человек – индивидуум» идёт с античных времён. И вот против этого человека-индивидуума, против связанного с ним мира плотского, индивидуального, вещественного и материального (в конечном итоге) и восставала «русская идея». Идее индивидуализма противопоставлялся коллективизм, всечеловеческая соборная солидаризация.

«Западная идея»

Запад во все времена (это можно исторически проследить) и в разных формах артикулировал идею конкуренции, идею борьбы индивидуумов, стран, государств и народов друг с другом.

Католический проект. В чём его смысл? От святого Августина идёт гипертрофированно воспринятая на Западе идея предопределённости. Предусмотрено, кто будет богоизбранным, и кто – богоотверженным. Одни спасутся, другие неизбежно погибнут. Человечество, делится на эти две группы. Люди как бы уже изначально конкурируют за вход в рай. В православии этого принципиально не было. Православие вместо индивидуально-го спасения утверждало идею спасения всем миром.

Просветительский проект. Идеология просветительства сводилась к следующему представлению: есть цивилизованный мир, культура, а есть люди вне культуры – дикари, варвары. И либо народ входит в сообщество народов «культурных», либо он находится в дикарском или варварском состоянии, и тогда его надо «цивиловать», используя в том числе не только культурные, но и силовые военные инструменты.

Либеральный проект. А что из себя представляет либеральный проект? Мир является полем глобальной конкуренции: в нём есть успешные, и есть неуспешные. Если ты выигрываешь в конкурентной борьбе – ты успешный, если проигрываешь – ты неуспешный. Та же самая тема избранных и отверженных, но только на другом идеологическом языке.

Социал-дарвинизм. В социал-дарви-

низме акцентировалась идея борьбы за существование. В этой борьбе есть победители (и они составляют ту группу, которая несёт дух эволюции) и эволюционно проигравшие. И сам Ч. Дарвин (хотя говорят про Г. Спенсера, перенёсшего это понятие на социум) вполне чётко переносил свою теорию о борьбе в животном мире на народы, и слово «расизм» к дарвинизму вполне применимо. Ч. Дарвиным устанавливалась и иерархия народов, иерархия рас, где высшие должны господствовать над низшими. На этой основе далее возникает уже фашистский проект.

Фашистский проект. В теории германского национал-социализма есть расы «сверхлюдей», а есть «недолюди». Между расами идёт глобальная борьба за расовое господство. Одни в этой борьбе побеждают, другие проигрывают.

И, наконец, неолиберальный (современный) проект. Есть постиндустриальное общество, «свободный мир», а есть культурная архаика, которая не идёт по «западному универсальному передовому постиндустриальному пути развития». Она существует как-то иначе, и, соответственно, на неё накладывается маркер «отсталости». Как мы видим, во все времена «западная идея» была идеей конкуренции, выражаемой тем или иным образом.

«Русская идея», наоборот, во все времена была идеей солидаризации. Это привнесённая православием тема «соборного спасения», это та же тема о «соборности», которую поднимали славянофилы, это общинный социализм, с чем шло народничество, это большевизм с коммунистической моделью развития, это ... Хотелось бы продолжить,

но вот тут в проекции по отношению к современной России возникает некий сбой, некое принципиальное противоречие в отношении ко всей российской истории. Но об этом несколько ниже.

«Западные» учения на русский лад

Ещё один интересный феномен. Очень много идеологических и научных концептов привносилось в Россию из Европы (с Запада). На судьбу этих концептов уже обращалось внимание авторами сборника «Вехи». Западные концепты перетолковывались в России на русский лад. И в результате проводимого перетолкования всё равно конструировалась «русская идея».

Гегельянство. В чём состоял социальный пафос философии Гегеля? Это освобождение человека. В ходе исторического развития познаётся идея свободы. Начинается развитие с Востока, где свободы минимальны, дальше Мировой Дух перемещается на Запад, где и создаётся общество свободного человека.

Что привнесло русское гегельянство? Финал истории у русских гегельянцев был совершенно не гегелевский. Опираясь на Гегеля, они вели борьбу за социализм (чего у немецкого философа принципиально не было). Русские гегельянцы вместо идеи освобождения человека-индивидуума выдвигают идею солидаризации людей. Авторы «Вех» писали, что, наверное, Гегель перевернулся бы в гробу, когда б узнал, что сделали из его учения русские последователи.

Дарвинизм. Борьба за существование как двигатель эволюции – это базовое положение учения Дарвина. И дарвинизм, прежде всего, связывался с этим положением. Русские «эволю-

ционисты» (с опорой на Дарвина) провозглашали иное – «солидаризация как двигатель эволюции». Дарвин парадоксальным образом оказывался предтечей идей социализма.

Нигилизм. На Западе нигилизм состоял в отрицании любого позитивного знания. Русский нигилизм (можно вспомнить образ нигилиста, созданный И. Тургеневым) утверждал некое новое эволюционное знание. Западный нигилист отвергает любое знание, русский нигилист провозглашает новое знание. Очевидно, что русский нигилизм уже нигилизмом в «западном» толковании не являлся.

Ницшеанство. Ещё одним привнесённым в среду русской интеллигенции европейским учением являлось ницшеанство. Ницшеанцем, к примеру, был Максим Горький. В ницшеанстве в центре находился «сверхчеловек», трактуемый как аморалист. Ницшеанский «сверхчеловек» попирает общественную мораль. Русское ницшеанство несло идею «сверхчеловечества» как коллективного преображённого человечества. «Сверхчеловек» в интерпретации русских ницшеанцев – это общественный человек. Речь у русских ницшеанцев шла о социуме в целом, а не об отдельном индивидууме, противостоящему социуму.

Марксизм. Переход к социализму в результате борьбы пролетариата и буржуазии – базовая идея марксизма, выраженная ещё в «Манифесте Коммунистической партии». Капитализм определялся строем, при котором – с одной стороны, класс буржуазии, а с другой стороны, класс пролетариата.

Что привнёс русский марксизм?

Оказывается, через некоторые этапы в социальной эволюции можно и перепрыгнуть, и не обязательно, в частности, проходить фазу капитализма. Можно построить новое социалистическое общество и на основе традиционного института русской общины. Понятно, что сама модель перехода к социализму как проявления максимального расслоения на два класса-буржуазию и пролетариат – принципиально ломалась в таком «перетолковании». В результате социалистическая революция была организована в стране с преобладанием крестьянского населения.

Геополитика. В настоящее время широкой популярностью в России пользуется геополитика. Она преподаётся в вузах, по ней издаются учебники, защищаются диссертации. Геополитика в Россию также, как известно, была импортирована с Запада. Но что такое геополитика на Западе? Геополитика выстраивалась на представлении о предрасположенности борьбы государств фактом их географического положения. Есть определённая географическая среда, и она задаёт политические ориентиры соответствующих государств.

Русская геополитика сегодня – это совсем другое учение. Она заявляет приоритетность духовных ценностей, идею солидаризации (опять-таки!) человечества. В западной геополитике тон принципиально задаёт география. Духовная компонента тут не важна, а важно географическое положение, материальный фактор. Не идёт в ней и речи о солидаризации человечества. В классической геополитике есть принципы геополитической борьбы: атлантизм и континентализм будут неизбежно бороться друг с другом, и их противостояние задано

самой географией. Русская геополитика является в этом смысле отрицанием геополитики классической.

«Русская идея» и современная Россия

А как обстоит дело с обращением к русской идее в современной России? Сегодня ни одна из политических сил «русскую идею» не несёт, никто её политически субъектно не выражает.

Либералы? Они отвергают её в принципе. Либералы – индивидуалисты, никакой солидаризации в постановке вопроса у них просто не может быть.

Может быть, националисты? Но солидаризационное развитие человечества националисты принять не могут. Для них солидаризация ограничена рамками своей нации. Не могут они принять и идею мессианства. На то, чтобы спасти другие расы или нации, солидаризироваться с ними националисты категорически не пойдут.

Если «русскую идею» считать аккумулятивным выражением того, что Россия несла в себе «идеального», то националистическая программа не имеет русских корней. Если либералы обращались к одной части «западной» мысли, то националисты также импортируют «западные» идеологемы, но только взятые с другого фланга. И в том, и в другом случае наблюдается диссонанс с «русской идеей».

Ну и, наконец, власть. Сама тема солидаризационного развития человечества во властном дискурсе отсутствует. Её нет ни в одном из направлений государственной политики.

Хорошо ещё то, что, хотя бы сама тема национальной идеи признана

допустимой. Но что получается при попытках сформулировать национальную идею? И на сколько эти формулировки соотносятся с тем, что подразумевается под «русской идеей»?

Первая попытка имела место в 2004 году. На высшем властном уровне была предложена следующая формулировка: «Нам нужно быть конкурентоспособными во всём, человек должен быть конкурентоспособным. Город, деревня, отрасль, производство и вся страна – вот это и есть наша основная национальная идея сегодня». «Быть конкурентоспособным» – но, позвольте (!), это же как раз «западная идея». Конкуренция, конкурентоспособность, быть конкурентоспособным – а это то, с чем исторически, как было показано выше, всегда шёл Запад и в отношении чего выдвигалась русская альтернатива.

Дальше была новая попытка в выдвижении национальной идеи. Было сказано, что «наша национальная идея – патриотизм». Безусловно, само по себе обращение к патриотической теме принципиально важно. Но возникает

вопрос: правильно ли патриотизм называть российской национальной идеей? Любой народ патриотичен, любая нация может сказать, что «мы являемся патриотами». Для любого человека свойственно любить свою Родину. Нельзя сказать, что русские – патриоты, а, скажем, американцы или китайцы патриотами своей страны не являются.

А в чём же специфика российской национальной идеи? Где та идея, которая отличает именно Россию, выражает именно «русскую мечту», русское послание в мир? Это не раскрыто, и от самой постановки этих вопросов бегут под прикрытием «общепризнанных принципов и норм международного права».

И, конечно, сегодня встаёт принципиальный вопрос. Можно обратиться к русским мыслителям: понять, выразить, сформулировать, донести «что есть русская идея». Но кто выразит политически эту «русскую идею», кто в соответствии с этой ценностно-смысловой парадигмой будет осуществлять политику, практически её воплощать в жизнь? – это вопрос принципиальный.

Бжезинский – теоретик россиефобии

Умер Збигнев Бжезинский. В последнее время именно он служил олицетворением западной россиефобии. Бжезинский не просто ненавидел Россию, но и подводил под свою ненависть теоретические основания. Если многие американские политологи допускали, что Россия может быть потенциально реформирована по либеральным лекалам и превращена в кальку стран западного мира, Бжезинский заявлял, что она неререформируема. Она всё равно, в силу своей природной сущности, будет восстанавливаться как империя. Поэтому, по мнению Бжезинского, только геополитическое уничтожение может избавить Запад от своего исторического противника.

Бжезинский ненавидел СССР и стал одним из главных стратегов его уничтожения. После распада Советского Союза его ненависть проецируется на Россию. Бжезинский признаётся и в своём враждебном отношении к Православию. Ненависть Бжезинского являлась, таким образом, отношением вражды к цивилизационному противнику.

Личные истоки позиции Бжезинского очевидны – принадлежность к польской шляхте. Его отец Тадеуш Бжезинский был дипломатом, отстаивавшим интересы Польши в довоенный период, в том числе и прежде всего в направлении противостояния с СССР. По одной из версий и родился Збигнев в Харькове, где в консульстве работал его отец. С переводом в 1938 году отца на работу в консульство в Канаде, он оказывается в Северной Америке. Только в 1950 году, когда стало ясно, что советизация

Польши стала свершившимся фактом, Збигнев Бжезинский принимает американское гражданство. Его диссертация, защищённая в Гарвардском университете, была посвящена генезису тоталитарной системы в СССР. В ней он приходит к выводу, что этот генезис имеет глубокие исторические основания.

Советская тема являлась для Бжезинского, таким образом, областью научной специализации. Бжезинский был умным противником. США смогли выдвинуть в борьбе против СССР целую плеяду ярких советологов. В то же время Советский Союз парализовывал развитие гуманитарных наук догматической схемой, и интеллектуалов уровня Бжезинского противопоставить США в «холодной войне» оказался не в состоянии. Бжезинский был не просто политологом, но человеком, вошедшим в круг мировой элиты, обладавшим реальными рычагами влияния. Ещё в 1973 году он был введён Д. Рокфеллером в качестве исполнительного директора в учреждённый им один из элитарных клубов – «Трёхстороннюю комиссию». Имея большое количество аспирантов, Бжезинский расставлял их по сферам влияния, усиливая свои позиции и расширяя круг россиефобов.

Бжезинский являлся приверженцем американоцентричной модели системы мироустройства. Теоретик победы над СССР в «холодной войне» обосновывает особую роль США в современном мире необходимостью «управления хаосом». В отношении планетарной роли Америки им используются такие определения как «мировой арбитр»,

«мировой контролёр» и даже «мировой полицейский». «Соединённые Штаты, – провозглашал З. Бжезинский ещё в 1990 г., в бытность существования Советского Союза, – уже стали мировым полицейским, но я думаю со всё возрастающей уверенностью, что мы будем мировым контролёром. Вы повинуетесь полицейскому, потому что он может отправить вас в тюрьму, вы подчиняетесь дорожному инспектору, потому что не хотите попасть в аварию. Международной системе всё ещё нужен арбитр, и США будет играть эту роль».

В 1990 г. провозглашённые ориентиры звучали ещё как футурологический прогноз. По прошествии семи лет оценка З. Бжезинского уже имела констатирующий характер, как реляция о достигнутых результатах: «Америка в настоящее время выступает в роли арбитра для Евразии, причём нет ни одной крупной евразийской проблемы, решаемой без участия Америки или вразрез с интересами Америки».

Достаточно хорошо известно, какое влияние, будучи советником Дж. Картера, оказал Збигнев Бжезинский на разработку стратегии борьбы с СССР. Одна из реализованных, в частности, по его подсказке стратегем – втягивание СССР в 1979 году в войну в Афганистане. Бжезинский сам не единожды признавал свою роль в расстановке афганской ловушки и подготовке моджахедов. Распад советской системы, впрочем, не был воспринят им в качестве окончательного достижения цели.

О том, что «холодная война» велась не столько против коммунизма, сколько против российской государственности, свидетельствует ряд прямых высказываний Бжезинского:

«Мы уничтожили Советский Союз, уничтожим и Россию. Шансов у вас нет никаких».

«Россия – это вообще лишняя страна».

«Православие – главный враг Америки».

«Россия – побеждённая держава. Она проиграла титаническую борьбу. И говорить «Это была не Россия, а Советский Союз» – значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена. Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей.... Россия будет раздроблённой и под «опекой».

«Россия может быть либо империей, либо демократией, но не может быть тем и другим. Если Россия будет оставаться евразийским государством, будет преследовать евразийские цели, то останется имперской, а имперские традиции России надо изолировать. Мы не будем наблюдать эту ситуацию пассивным образом. Все европейские государства и Соединённые Штаты должны стать единым фронтом в их отношении к России».

«Контраст между Америкой и Россией: американцы использовали свою веру в здравый смысл и принцип личного интереса, чтобы цивилизовать свой обширный континент, преодолевая естественные препятствия для построения сильной демократии. А русские, с их „рабской покорностью“ в качестве основного механизма действия, использовали „солдатский меч“ для покорения цивилизаций»

«Если русские будут настолько тупы, что потребуют восстановить свою

империю, они нарвутся на такие конфликты, что Чечня и Афганистан покажутся им пикником».

Американский политолог публично сравнивал В. В. Путина с фашистским диктатором Б. Муссолини. Он откровенно выражал надежду, что президентом РФ со временем сможет стать не «выпускник КГБ», а выпускник Гарварда, или Лондонской школы бизнеса.

Между тем, З. Бжезинский – это отнюдь не приватное лицо. Он до последнего времени занимал важные посты в кругах, определяющих внешнюю политику Соединённых Штатов: консультанта Центра стратегических и международных исследований, профессора американской внешней политики в Школе современных международных исследований Пола Нитце при Университете Джона Хопкинса, члена совета директоров «Национальной Поддержки демократии», организации «Freedom House», «Трёхсторонней комиссии», «Американской академии Гуманитарных и естественных наук», сопредседателя «Американского комитета за мир в Чечне». И уж если такое говорит официальная фигура высших институтов американской государственной власти, то это, по меньшей мере, недалеко от истинных стратегических установок США в отношении к России.

В 1990-е гг. американский политолог приступает к разработке новой политической конфигурации мира. Видение его в отношении будущего государственного устройства евразийского пространства было впервые публично обнародовано в 1997 г. в журнале «Foreign Affairs», являющимся печатным органом «Совета

по международным отношениям США». Характерно, что в русских переводах книги «Великая шахматная доска», предлагаемые политологом наглядные карты расчленения России, оказались, вероятно, по соображениям политкорректности, купированы (рис. 1).

Не прошло и года после первых публикаций, как российская государственность была потрясена финансовым дефолтом. Описанный З. Бжезинским сценарий дезинтеграции России начал, казалось, реализовываться на практике. Что это было – гениальное предвиденье будущего или рецептура управления им? На данный вопрос ответил сам политолог. В качестве посвящения к книге им была сделана запись: «Моим студентам – чтобы помочь им формировать очертания мира завтрашнего дня». Конфигурация мира, таким образом, определяется не как прогноз, а как установка целенаправленного конструирования.

Установление гегемонии США над территорией Евразии характеризовалось З. Бжезинским в качестве «главного геополитического приза для Америки». Россия же представлялась ему основным препятствием на пути реализации американского проекта. Речь шла не о системе государственного строя. Россия, в понимании американского политолога, представляет угрозу для глобальных интересов США как субъект мировой геополитики вне зависимости от формата устройства российской государственности. Она рассматривалась З. Бжезинским как своеобразная «чёрная дыра» мира.

Для сравнения, Китай такого рода опасности в понимании Бжезинского не представляет. С Китаем можно

Рис. 1. Будущая конфигурация мира по проекту З. Бжезинского

договариваться и даже делить сферы влияния. З. Бжезинским допускался сценарий широкой региональной китайской экспансии. Конструировался проект «Великого Китая», включающего наряду с КНР территории Кореи, Монголии, Тайваня, части Индонезии, Малайзии, Сингапура, Вьетнама, Лаоса, Кампучии, Мьянмы, Бутана, Пакистана, Афганистана.

Зачем Америке было нужно столь значительное геополитическое усиление Китайской Народной Республики? Замысел становился понятен при распространении границ Китая в зону прежней советской

государственности. Государственное пространство Greater China включает в проекции З. Бжезинского в свой состав территорию Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, части Казахстана и Туркмении, а также российского Приамурья с Благовещенском, Хабаровском и Владивостоком. Вне конфликтного сценария данные территории в пользу КНР естественно отторгнуты быть не могут. Следовательно, Великий Китай «создавался» как своеобразный силовой противовес по отношению к России. Именно З. Бжезинский ещё в период пребывания в Белом доме Дж. Картера разработал план включе-

ния КНР в реализацию глобального американского проекта.

Были установлены тесные личные контакты американского политолога с идеологом китайских реформ Дэн Сяопином. Следствием его усилий явилось заключение ряда американо-китайских двусторонних договоров по сотрудничеству в технологической, научной, экономической сферах. Как ответный шаг Китай однозначно поддержал США в выстраивании афганской геополитической ловушки против СССР («советского Вьетнама»). Другие отторгаемые у РФ территории обозначаются на карте З. Бжезинским на Западе евразийского пространства. Объединённой Атлантической Европе передаются Петербург, Псков, весь Северный Кавказ, Краснодарский и Ставропольский края. Проблема претензий на южнороссийские регионы решается З. Бжезинским посредством включения самой Турции в политически объединённое европейское пространство. Федеративное устройство России замещается конфедеративным.

В ней, наряду с собственно Russia, границы которой устанавливаются по Уральскому хребту, выделяются также Сибирская и Дальневосточная республики. Тактически конфедерализм рассматривается в данном случае как переходная фаза к полному политическому расчленению обозначенных территорий. В Сибири и на Дальнем Востоке должна быть взамен «тяжёлой руки московской бюрократии» установлена «мягкая гегемония» Соединённых Штатов Америки.

Збигнев Бжезинский умер. Но сохраняется созданная им и заточенная под россиефобию американская политологическая школа. Эта школа тесно сплетена с западным проектом и идеологией западного глобального доминирования. Вопрос состоит в том, что этой идеологии и связанной с ней политологической школе сможет противопоставить российская политология? Пока она сама представляет собой преимущественно перефраз американских политологов, иногда копируя россиефобские положения, а иногда – и нет.

И очевидно, что без наличия собственной политологической школы невозможно проводить и идентичную государственную политику. Об этом же, как ни парадоксально, говорил сам З. Бжезинский: «Чтобы быть военным противником США в мировом масштабе, России придётся выполнять какую-то миссию, осуществлять глобальную стратегию и, возможно, обрести идеологическую основу. Это представляется мне маловероятным... Если говорить коротко, ту тотальную мобилизацию, которую советский строй смог навязать России, очень трудно будет обосновать и узаконить при отсутствии крепкого и всеобъемлющего идеологического фундамента». Без наличия идентичной идеологии Россия, по его мнению, не может быть реальным противником США. Обретение такой идеологии Россией есть, таким образом, даже в признаниях её врагов ключевым вопросом её цивилизационного и геополитического выживания.

Владимир Блохин –

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и
социально-экономических дисциплин РУДН*

Тайна происхождения русофобии. Исторический вызов русскому самосознанию. (опыт исторический публицистики)

Без преувеличения можно сказать, что вся история русского народа – это борьба за веру, за вытекающую из неё высшую правду, за Святую Русь! В осуществлении этой миссии на земле – вся душа и весь дух России! И, видимо, не случайно остриё ненависти и вражды направлено именно против нас, нашего самосознания, нашей культуры, наших ценностей. Речь идёт о русофобии! Хотя о ней написано немало, но тему эту не исчерпать, в своих проявлениях она многомерна, потому что затрагивает основы духа и культуры, и потому требует разговора и размышления.

Пишущему эти строки никогда в своей жизни не приходилось быть свидетелем столь непримиримой, почти осязаемой, явленной во плоти ненависти к России! Неподготовленный воскликнет: зачем, почему такое возможно? Что вам сделала Россия, русский народ? Скорее всего, ответа на этот наивный, простой и искренний вопрос не последует, надо найти его самому.

Так, что же такое русофобия?

Если узко формулировать, то это иррациональная ненависть ко всей русской цивилизации, ко всему русскому. Более опасна концептуальная русофобия, отрефлексированная и обоснованная враждебными теоретиками, лукавыми и циничными деятелями культуры, крикливыми политиками и т. д. Русофобская концепция может быть сведена к нескольким постулатам, доказывающим, что Россия – культурно недоразвитая страна, с характерной для неё «непроявленностью личности», господством имманентной несвободы и врождённого рабства. Она обозначается как «тюрьма народов». Обычно, выражение это приписывается известному историческому деятелю Владимиру Ульянову (Ленину), издававшему декреты о массовых расстрелах и воспитательных мерах по отношению к «реакционному крестьянству», однако авторство фразы принадлежит деяте-

лю другой эпохи – французскому путешественнику, маркизу де Кюстину, описавшему в 1830-е гг. Россию Николая Первого. Кстати, «Николаевская Россия» с её тюремным образом, созданным де Кюстином, вполне укладывалась в сознание «просвещённого европейца», боявшегося России, такой огромной, непонятной и, следовательно, опасной. А ведь ещё живы были воспоминания пассионарных французов о том, как непросвещённый русский мужик изгнал из Москвы «просвещённого завоевателя» – Наполеона I, пришедшего, как известно, «Россию освобождать». К концептуальной русофобии, пожалуй, надо добавить ещё одно прелюбопытное положение. Это маниакальное стремление приписать русскому народу те качества, которые характерны именно западному миру – извечную агрессивность. Этим качеством описываются все выдающиеся правители России, при которых страна поднималась и славилась. Комплексом агрессивности и непомерным завоевательным стремлением наделяются Иван IV, Пётр Великий, Екатерина II, Николай I, Александр III, ну и конечно же, И. Сталин! Русофобские клише сейчас в полной мере применяются по отношению к Владимиру Путину.

Кстати о клише... России всегда приходилось воевать. Историк Василий Ключевский подсчитал, что с XVI века по 1897 год Россия провела в войнах аж 320 лет. По большей части, приходилось защищаться! XX век вообще показатель, Запад стал инициатором двух мировых войн. Но вернёмся к теме. И всё же... В чём же загадка появления русофобии, её тайна?

Попробуем порассуждать. Мы уже

увидели, что концептуальная русофобия – явление западного сознания, его продукт, результат его истории. Както В. О. Ключевский ёмко заметил: «Если ты не знаешь тропы, оглянись назад!» Исторический опыт всё расставит на свои места.

Запад как явление историческое сформировался в эпоху Возрождения XV–XVI вв. : явился миру ренессансный или «прометеевский» человек, духовный мир которого достаточно сложен, поскольку вместил в себя две стихии – христианскую и языческую. Родившись в европейском христианском средневековом мире, пропитался он языческими, античными грёзами с их рационализмом, антропоцентризмом, волевым преодолением бесконечности, дерзостью по отношению к Творцу. Весь мир ренессансного человека фокусируется в нём самом, в его благе, концентрируется в субъективном и непомерном стремлении переустроить мир «под себя». Охваченный богоборческим титанизмом, он сознаёт себя высшим и совершенным субъектом бытия, превращая окружающий мир, созданный Творцом, в объект. Этот «богоборческий субъективизм» по своему происхождению имеет западные корни. Не отсюда ли то великое и одновременно трагическое восприятие человеческой личности как центра всего, совмещающего воедино творческие и разрушительные тенденции? *Не от того ли западный возрожденческий титанизм родил высшие формы гуманизма, прославив их в культуре, как и обозначил их естественные пределы, ставшие противоположностями в фашизме и расизме. Утончённый западный гедонизм, ставший целью материального прогресса и опиравший-*

ся на могучие средства науки и техники, не мог не обратить их на «расчеловечивание» самой цели – человека. Парадокс истории: именно западный человек нашёл методы и инструменты превращения человека из цели в служебное средство. Бездушная техника и стандартные технологии умертвили душу современного мира.

Феномен западного титанизма глубоко исследовал русский философ Алексей Лосев. Говоря о Ренессансе, его бытовой стороне, Лосев пишет: «Атеизм тоже не был возрожденческой идеей, но антицерковность была самой возрожденческой идеей...» (с. 120).

«Возрождение прославилось своими бытовыми типами коварства, вероломства, убийства из-за угла, невероятной мстительности и жестокости, авантюризма и всякого разгула страстей... Здесь, несомненно, сказался стихийный индивидуализм эпохи, эта уже обнажённая от всяких теорий человеческая личность, в основе своей аморальная, но зато в своём бесконечном самоутверждении и в своей ничем не сдерживаемой стихийности любых страстей, любых аффектов и любых капризов доходившая до какого-то самолюбования и до какой-то дикой и звериной эстетики». (с. 120).

«Пороки и преступления были во все эпохи человеческой истории, были они и в средние века. Но там люди грешили против своей совести и после совершения греха каялись в нём. В эпоху Ренессанса наступили другие времена, люди совершали самые дикие преступления и ни в какой мере в них не каялись. И поступали они так потому, что последним критерием для человеческого поведения считалась же изоли-

рованно чувствовавшая себя личность». (с. 136-137).

В этой западной антидуховности и скрыты корни агрессии в отношении незападных, непохожих обществ. Самые передовые в научном и техническом плане государства запада (Голландия, Англия, Франция, потом Германия) стали теми субъектами мировой истории, которые превращали остальной мир в колониальный ад. Начало было положено в XV-XVI веках. Западное мышление горделиво торжествовало...

А тем временем...

Явилось «Русское Возрождение». Какой же тип человека и общества оно сформировало? Ещё до того как русскую землю топтали ордынские кони, а карательные рати выжигали мирные деревни средневековой Руси, русский человек обратился к Богу, общение с которым в разные эпохи происходило с разной интенсивностью. В прикосновении к великой тайне Божьей благодати, к фаворскому свету стремились во времена ордынского господства русские подвижники. XIV-XV века – золотой век русского подвижничества. Ещё не было сил к политическому освобождению от ига, но созревали и крепили силы духовные!

Движимые исканием Божьей благодати, «собеседники» «начальника всех монастырей», преподобного Сергия Радонежского шли в северные леса, к непроходимым пределам, дабы засвидетельствовать свою заслугу перед Господом. «С топором и мотыгой они трудятся своими руками, труды к трудам прилагая, сеча лес, насевая поля, строя кельи и храм. Вырастает монастырь. И к шуму векового леса, к дикому

вою и рёву волков и медведей присоединяется теперь новый, правда, сначала слабый звук – «глас звонящих», и как будто на зов нового голоса, на приветный звон монастырского била к обители являются крестьяне. Они беспрестанно рубят лес, пролагают дороги в непроходимых раньше дебрях, строят вблизи монастыря дворы и сёла... Сёла разрастаясь, превращаются в посад или, даже город... Это движение вызвано было величайшим подвижником русской земли, отцом последующего монашества преп. Сергием Радонежским, который, по выражению его жизнеописателя, был «игумен множайшей братии и отец многим монастырем», а по летописцу: «начальник и учитель всем монастырем, иже на Руси», – отмечает Иван Михайлович Концевич.

Что же это были за люди, которые с таким упорством и убежденностью «одухотворяли» окружающую жизнь, наполняли её внутренним светом? Похожи ли они на того западного пассивария, который грезил непомерным желанием власти над миром? Поражает в этих людях невиданная стойкость в вере, убежденность в искомой Божеской правде! В соприкосновении с дикой природой русский подвижник проверяет крепость своей веры и ею же в пустыне спасается. Сергей Радонежский! «Когда преп. Сергей поселился в лесах Радонежских, по словам жизнеописателя его, пустыня тогда была непроходимая, стези не было, и непроходимо было стопами человеческими: много тогда гадов и ползающих змей являлось ему, к келии его разные звери подходили во множестве не только ночью, но и днём, стаи волков рыли и ревели вокруг его келии, иногда же являлись медведи,

приближались к нему, безвредно окружали его», – отмечает историк.

Одухотворение земли, её просвещение вывело на Поле Куликово под Христовы стяги настоящее поколение победителей. В борьбе за национальную независимость родилась Святая Русь. На поле стекались разные отряды земли нашей: и тверичи, и владимирцы, и новгородцы, а приходили обратно, возвращались с победой уже русские, единый русский народ, убежденный в своей правде. «Вообще вся Куликовская битва велась, в противоположность битве при Калке, с определённым сознанием мученического подвига. Его сознавал не только князь, но и все соратствующие с ним воины». (Шахматов. **Государство правды**. С. 10).

Историческая судьба народов неповторима, она предрешается скрытыми, внутренними и недоступными уму человека, причинами. Такое произошло с нашей страной. В борьбе за свободу родилось единое национальное государство, одновременно обретая своё духовное лицо–идею Святой Руси, выстраданную и закалённую в борьбе. Так из духовных и политически факторов, слившихся воедино, появилась Русь Святая как политический организм, как государство и как Божий план о Руси. Русская идея обрела политическую форму, стала и земной реальностью.

Два события потрясли сознание русского человека – Флорентийская уния (1439) и Падение Константинополя. (1453). Греческое отступничество, предательство митрополита Исидора – всё это убедило русское сознание в своей преданности Богу, заветам Православия.

Не случайно развитием идеи Святой Руси становится теория старца псков-

ского Спасо-Елеазарова монастыря Филофея – «Москва-Третий Рим», отражённая в Посланиях «Великому князю Василию» и «К Мисюрю Мунехину о неблагоприятных днях и часах». В них он поднялся до историософских обобщений в отношении судьбы России, верно оценивая историческое значение объединения русской земли в могучее государство, приходя к обоснованному выводу о нераздельности христианской веры и судьбы русского государства. «Вся христианские царства попораны от неверных... придоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя». И произошло это в осуществление древних пророчеств: «Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвёртому не быти».

«...Большинству авторов конца XV и XVI столетия кажется, будто начала правды почти что осуществлены в Московском государстве. Им казалось, что восстал уже «царь правде». Водворилось на земле государство правды. Москва уже не маленькое княжество, а Третий Рим, призванный довершить миссию, незаконченную первым и вторым Римом». (с. 30)

Появление Русского Царства стало геополитическим и духовным вызовом горделивой Европе. И именно в этот исторический промежуток рождается русофобия.

Идейные и духовные акценты русофобии

Чем больше ширилась, росла и мужала Святая Русь как государство, тем с большими вызовами она сталкивалась. Уже при Иване III в состав единого государства вошёл горделивый Новгород, а вместе с ним и проблемы. В окружении

Великого московского князя сформировалась новгородско-московская ересь жидовствующих. Среди современных историков появление ереси вызывает множество вопросов. Едва ли правомерно говорить о некоем стихийном, т. е. совершающимся само собой, влиянии реформаторских тенденций Запада. Такое объяснение ровным счётом ничего не даёт.

Возникнув в Литве, секта под руководством «жидовина Схарии» пришла на Русь, в Новгород, где ещё живы были обиды на Великого князя, лишившего Новгород независимости. После Новгорода ересь распространилась в Москве, ярчайшим представителем и последователем которой стал дьяк Фёдор Курицын. Секта была законспирирована и проникала во все элементы власти. Ересь распространялась отнюдь не среди простых людей, а среди посвящённых представителей власти. Можно предположить, что закрытый характер организации предполагал взятие власти, тем более при Иване III Московское царство становится значимым европейским государством. Показательны не только скрытые методы организации, но цели. Еретики отрицали Троицу, глумились над иконами, оспаривали божественную природу Христа.

«То был избранный круг людей, призванных тревожить мысль народных масс, сеять в народе религиозную смуту с намерением «расшатывания русской православной стойкости» (А. В. Карташов **Очерки по истории русской церкви**. Т. 1. С. 501)

Курицын был человеком скрытым. Выезжая за границу, в Чехию, Венгрию активно общался с таборитами. Любопытно его мышление, в кото-

ром смешались астрология, нумерология, иудаизм.

Из деятельности секты было ясно, что её цель – борьба со Святой Русью, которая особенно усилилась при Иване IV Грозном. Значение Грозного в нашей истории велико. Никто прежде не сделал столь многого для укрепления государства, как он. Централизация государственного аппарата, борьба за выход к Балтийскому морю, освоение Поволжья, строительство десятков городов – всё это делало государство могучей европейской силой. Именно поэтому потянулись в Россию многочисленные зарубежные «искатели счастья», поскольку проект государственного строительства был успешным. Централизация, конечно же, вызывала сопротивление оппозиции как со стороны боярства, так и княжат, утративших навсегда свои привилегии. Да и сам Царь не всегда отвечал религиозным идеалам, проявлял человеческие слабости. «Князья порой и знали где правда, да не было сил её исполнить». (с. 46)

Отступление от правды, её замена силой в годы опричнины как средства борьбы с изменой не отменяла духовной ценности Святой Руси для народа, но порождала кризисные явления, которыми умело пользовались враги.

Усиление силы русского царства, разгром Иваном IV Ливонского Ордена, насаждавшего католицизм, заставило королей Речи Посполитой и Швеции объединиться. Нет сомнения, что в лице Ивана IV запад обрёл сильного противника, а не руководителя колониально-отсталой страны. Этим противоборством можно объяснить и первые русофобские пассажи опричника Генриха Штадена. Он обращается к Императору Рудольфу II,

королю венгерскому и чешскому с подробным планом оккупации России: *«Ваше римско-кесарское величество должны выбрать одного из братьев вашего римско-кесарского величества в качестве государя, который взял бы эту страну и управлял бы ею.*

Прежде всего, он не должен быть суровым. И с бедными, и с богатыми должен беседовать охотно и каждому давать благожелательные аудиенции – [впрочем] до тех пор, пока страна не будет занята. При войске на первый раз должна быть, по меньшей мере, сотня проповедников: в укреплениях и городах, которые будут укреплены, они проповедовали бы слово Божие воинским людям. Таких [проповедников] достаточно можно найти по университетам».

Показательна духовная задача господства – уничтожение Святой Руси. Не случайно с воинскими людьми должны были работать проповедники. Эта задача была первой, духовно-политическая.

Судьба захваченных должна быть страшной: *«Они должны быть закованы в кандалы и заключены по тюрьмам в замках и городах; их можно будет отпустить и на работу, но не иначе, как в железных кандалах, залитых у ног свинцом... Так следует держать их до тех пор, пока не будет взята вся земля. Что с ними будет после – это будет изложено ниже...»*

«Надо распорядиться насчёт казны, которая хранится там в каменных палатах: как бы поступить с нею так, чтобы из неё ничего не исчезло».

«Монастыри и церкви должны быть закрыты. Города и деревни должны

стать свободной добычей воинских людей».

Автора можно по праву назвать родоначальником «психологической войны». Он предлагает убедить народ страны в том, что Великий князь – тиран. Читаем: «Если подойдёт враг, надо выступить в боевом порядке. Необходимо позаботиться и о том, как бы завести с русскими переговоры. Можно подослать к ним пленного, который завёл бы с ними разговор на их языке и изложил бы им всю великую тиранию великого князя». Дорогой читатель! Как это напоминает нам XX век! Сколько сегодня таких борцов «против тирании» в современной России!

После взятия Москвы пленным была уготована страшная участь: «Когда великий князь будет доставлен на её границу (в Германию – В. Б), его необходимо встретить с конным отрядом в несколько тысяч всадников, а затем отправить его в горы, где Рейн или Эльба берут своё начало. Туда же тем временем надо свезти всех пленных из его страны и там в присутствии его и обоих его сыновей убить их так, чтобы они [то есть великий князь и его сыновья] видели всё своими собственными глазами. Затем у трупов надо перевязать ноги около щиколоток и, взяв длинное бревно, насадить на него мертвецов так, чтобы на каждом бревне висело по 30, по 40, а то и по 50 трупов: одним словом столько, сколько могло бы удержать на воде одно бревно, чтобы вместе с трупами не пойти ко дну; брёвна с трупами надо сбросить затем в реку и пустить вниз по течению. Пусть великий князь убедится, что никто не может надеяться на собственные силы и что все его просьбы и молитвы – лишь грех один!

Великий князь будет тогда взывать к Богу через посредство [св.] Николая[8] и других усопших святых. А наши будут укрепляться этим и поучаться и скажут, что они-то и суть подлинные христиане, ибо они крепки своей верой в Бога Отца и Сына и Святого Духа; веру и надежду свою возлагают только на Иисуса Христа, Сына всемогущего Бога и Бога Духа Святого; в Него только верят, Его почитают, на Него надеются».

Духовное господство предлагали установить посредством перетолкования Евангелия: «При них (пленных, увезённых в Германию–В. Б.) должны быть два или три проповедника, которые ежедневно учили бы их слову Божию. Отлично можно сличить и перетолмачить русское и наше Священное Писание, и великий князь убедится тогда, что истинно наше [писание]».

Проект Штадена предполагал разделение страны на отдельные области, приучение населения к новой вере посредством строительства «своих церквей», создание системы ограбления очень плодородной земли.

Система западного господства должна была сломить покорённых, уничтожить их государство. Они думали так, как и известные носители арийской культуры, пришедшие в 1941 году с новыми и более «совершенными» проектами по переустройству СССР/России. Со слов этих «вдумчивых наблюдателей» и появились мрачные оценки Московского Царства. Так и хочется спросить: в чьих интересах сегодня кричать о тирании Ивана IV? Почему современные критики, как и раньше, предпочитают молчать о захватнических планах Запада и в чёрных тонах окрашивать противоречи-

вую, но созидательную деятельность первого ЦАРЯ? Выявление исторического и духовного контекста русофобии даёт право задаться вопросом о её тайне, о её ядре. И эта тайна, её цель –

уничтожение русского православно-го духа, его омертвление и покорение. Нам всем сегодня это необходимо отчётливо понимать.

Литература.

Концевич И. М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. http://www.rusinst.ru/docs/books/I. M. Koncevich-Styazhanie_Duha_Svyatogo.pdf

Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1982.

Шахматов В. М. Государство правды. М., 2008.

Фроянов И. Я. Драма русской истории. На путях к опричнине. М., 2007.

Штаден Генрих Записки немца-опричника о Московии // <https://www.litmir.me/br/?b=216144&p=1>

Продолжение. Начало в № 2

Валерий Расторгуев –
*доктор философских наук, профессор
 кафедры философии политики и права
 философского факультета МГУ
 им. М. В. Ломоносова*

Нетривиальный выбор России

Вопрос о том, чего хочет Россия, на который мы пытались ответить, всё реже задают себе только граждане нынешней России^[6], абсолютное большинство которых составляют великороссы. Они ещё могут достаточно долго плыть по течению, передоверяя ответ или «спущенным сверху» слухам (чего хочет «сам», того хочет и Россия), или компетентным лицам (яйцеголовым), или «просто» прозорливым людям, заслуживающим доверия. Но всё чаще этот же вопрос задают себе граждане стран, возникших на «пострусском» и «постсоветском» пространстве. Он стал вопросом жизни для многих из тех, кто остался в зоне «отторжения», почувствовав себя в чужой среде, без защиты и права на защиту, которое ещё только предстоит обрести. Русские великороссы на чужбине – в русских городах и сёлах, отторгнутых от остальной России – это русский народ! Россия обязана стать гарантом их прав независимо от того, кем, когда, где и с какой целью прорезаны границы, разделившие её народ.

Есть и ещё одна сторона у этой темы. Задумаемся, чем была и будет Россия для

наших уже бывших соотечественников, оставшихся на земле предков, которая в одночасье перестала быть частью огромной и единой страны? Надёжным покровителем или гегемоном, освободителем или оккупантом, надеждой или проклятием? Бессмысленно искать ответ в прошлом, где вечным сном спят герои: «Мертвыи бо срама не имут» – как говорил князь Святослав своим соратникам перед битвой с греками в 970 году. Ответ скрыт не в засекреченных манускриптах, ибо их рассекретят уже те, кто к этому времени не раз перепишет историю. Ответ – в будущем, которое предстоит выбрать самой России. А ещё – в том будущем, которое уже живёт в детях и внуках наших, всё чаще смотрящих на череду побед и поражений России глазами посторонних наблюдателей – нерусских русских.

Однажды, незадолго до начала гражданской войны на Северном Кавказе, автору этих слов пришлось побывать в зоне острого межэтнического конфликта, не обошедшегося без кровопролития и спровоцированного во многом бездействием самоустранившегося центра, Москвы. С тех пор врезались в память слова, которые

постоянно звучали из уст самых разных людей – бывших друзей и даже родственников, ставших в одночасье кровными врагами: «Чего от нас хочет Россия?» Его задавали обнищавшие до крайности беженцы по одну сторону новообразованной границы, отделившей ещё недавно родственные племена, и те, кто остался в своих разорённых домах, оплакивая безвинно погибших. Все эти люди тогда думали, что они ждут внятного ответа из Москвы, которая должна выполнять свою миссию – нести ответственность за всю Россию, и конфликт будет погашен в зародыше. Ответа не было, была война.

Даже злейшие враги России – внешние и внутренние, никогда не скрывавшие своего отношения к нашей стране, спрашивают о том же. Многие из них убеждены, что с такой махиной проще договориться, чем воевать: плохой мир лучше хорошей ссоры. Но как и с кем договариваться, если ответа нет? О том же вопрошают наши верные друзья, и уже не первый десяток лет. Но время идёт, а Россия выжидает. Чего выжидает – лучших времён, лучших союзников или лучших врагов, которым можно ещё раз доказать свою тайную силу?

Долгосрочное видение политического, социального и национального развития страны в историческом и геополитическом контексте, если и существует где-то, то остаётся тайной за семью печатями. Учитывая, что речь идёт о государственном стратегическом долгосрочном планировании в обществе риска, следует, наверное, говорить о двух причинах такого положения. Это либо негласный запрет на разглашение некоей государственной тайны, которую лучше до поры до времени не знать объекту социального эксперимента вплоть до завершения начатого – например, присвоения чужой собственности

(«гайдаризм», «ваучеризация» и далее по списку), либо последствия полной атрофии навыков профессиональной деятельности в сфере планирования и прогнозирования. Первое наводит на мысль о неконституционном характере методов правления и управления. Второе может вызвать шок у человека, наблюдающего за нами, россиянами, со стороны: давно известно, ещё со времён Платона, что государство не мыслит, но не до такой же степени!

Есть, впрочем, и ещё одна гипотеза, способная объяснить этот феномен и основанная на принципе «ищи, кому выгодно». Суть её в том, что кому-то очень бы хотелось, чтобы Россия не сдвинулась с места, чтобы она как можно дольше находилась в роли буриданова осла или, если вспомнить русские сказки, витязя на развилке трёх дорог: налево пойдёшь, смерть найдёшь, направо и прямо – не намного лучше. Выбирай на здоровье, но в любом случае пожалеешь... И действительно, Россия вновь стоит на таком перепутье: одна дорога ведёт на Запад, другая на Восток, а третья – та, по которой веками шли наши предки, прорубая свой собственный цивилизационный путь сквозь толщу времён. И этот путь тоже не усыпан розами, но оплачен жизнями.

Россия упорно стоит в выжидательной позиции (если это позиция), стоит уже много лет, что особенно заметно на фоне динамично и кардинально изменяющегося мира. О нежелании правящего класса страны что-либо менять говорят сегодня так часто, что тема кажется избитой и даже тривиальной. Но тривиальность тривиальности рознь. Остановимся на этом суждении немного подробнее, оно наводит на размышления. Как отмечается в этимологическом словаре Фасмера, тривиальность – это или то, что валяется

на большой дороге (лат. *trivirlis*), или просто перекрёсток трёх дорог (*trivium*). Есть и ещё одно значение слова, о котором напоминает Ролан Барт (актовая лекция, прочитанная им при вступлении в должность заведующего кафедрой в Колледже Франс в 1977 году): «*trivialis* – это атрибут публичной женщины, поджидающей клиентов на перепутье трёх дорог». Вот она, подсказка: видимо, обстоятельства (и не только обстоятельства, а силы влияния) принуждают Россию специализироваться исключительно на торговле собственным телом – ресурсами. Для того чтобы сохранить такой специфический бизнес, ничего в жизни менять не надо, надо просто «держаться места». Для такой жизненной ориентации страны нет никакой необходимости насаждать качественное и действительно доступное народное образование, поддерживать собственную фундаментальную науку, укреплять армию и флот (геосутенёры и влиятельные клиенты сами позаботятся о твоём благополучии и безопасности). Не хотелось бы думать, что эта гипотеза, построенная на случайной аналогии, верна, но другой пока нет.

В любом случае затянувшееся время «простоя» для России заканчивается, как и время её позора. А то, что касается большого выбора, то его, по сути, у нас нет. «Прозападный» путь нам заказан, заблокирован самим Западом, о чём мы ещё будем говорить. «Провосточный», а точнее всё более антизападный путь (конфликт цивилизаций перестал быть чистой теорией, став грубой геополитической реальностью) не только не созвучен с духом России и её европейской культурной ориентацией, но и не сулит ничего хорошего по определению ни нам, ни возможным в этом случае союзникам. Так что у России, как говорит-

ся, было и будет только два верных союзника – армия и флот...

В российском обществе и в русских людях сегодня с трудом, но просыпается инстинкт жизни. Мешает этому два тесно связанных между собой обстоятельства.

Первое – вынужденная национальная немота. Этот недуг проявляется в полном параличе внятной национальной политики и в зияющих нишах, которые должны быть заняты несуществующими ныне политическими институтами. Мы растеряли даже то небольшое из уникального опыта многонациональной России, что сохранялось в конце XX века. Зададим ряд вопросов. Что пришло на смену Палате Национальностей в нынешнем двухпалатном парламенте? Чем заменили упразднённое министерство, худо-бедно (и худо, и бедно), но решавшее хотя бы некоторые проблемы в сфере региональной национальной политики? Что помешало, к примеру, при создании и в процессе реорганизаций Совета Безопасности, Государственного Совета или Общественной палаты и других новообразованных структур, обеспечивающих взаимодействие верховной власти с институтами реабилитируемого гражданского общества, подумать о введении в рамках этих организаций особого звена, обеспечивающего более или менее представительное и полноценное представительство народов России? Такие предложения не раз вносились, но ни разу серьёзно не обсуждались. Вопросы можно множить до бесконечности, ответа нет. Всё это не позволяет русским (великороссам) и другим народам нынешней России не то, чтобы участвовать в решении своих наболевших проблем, но хотя бы во всеуслышание заявить об их существовании. Сегодня уже трудно представить, что национальные интересы можно свободно и публично обсуждать,

а возникающие противоречия разрешать своевременно и коллективно, как это принято в больших семьях с хорошими традициями.

Не останавливаясь подробно на внутривластных и внешнеполитических факторах, которые привели к такой ситуации, можно констатировать, что дефицит стратегического видения и чрезвычайно узкий временной горизонт политического планирования, обусловленный отсутствием полноценной национальной политики и невозможностью артикулировать национальные интересы, – это исключительный и недопустимый фактор риска, риска безвременья. Об этом ничего не говорится в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, хотя риски такого рода по своей разрушительной силе, несомненно, превышают все перечисленные в ней угрозы. Заметим, что в концепции этой даже понятие «этнос» употребляется всего пять раз, причём во всех случаях лишь с явной негативной оценкой: «этнопатризм», «этноэгоизм», «этноцентризм», «этнонационалистические интересы» и «этнополитические проблемы». Также, кстати, обстоит дело и с вопросом о профессиональной принадлежности граждан, и о роли культуuroобразующих конфессий, важная из которых в России – православие, хотя устойчивость конфессионального пространства, как известно, обеспечивает сохранность цивилизационной идентичности, а также социальной и политической стабильности общества в целом. В Концепции национальной безопасности о религии, как и об этносах, упоминается пять раз и только тогда, когда речь заходит о «негативном влиянии иностранных религиозных организаций», «культурно-религиозной экспансии на территорию России», «религиозном экстремизме» и «религи-

озных конфликтах», а также о «независимости ... от отношения к религии ... и от других обстоятельств». Такой подход в значительной степени обесценивает доктринальную основу всей государственной политики и превращает саму Концепцию национальной безопасности в фактор повышенной опасности.

Второе обстоятельство – предельно запущенный социальный недуг, имя которому – ничем не оправданное чудовищное социальное неравенство. Степень запущенности этой болезни стало невозможно скрывать после того, как почти молниеносно на глазах потрясённого мира произошло незапланированное удвоение российского ВВП (воров, вредителей, паразитов). Но особенно тревожит тот очевидный, но упорно замалчиваемый факт, что социальное неравенство в многонациональной России имеет кроме всего прочего заметную этническую окраску и крайне уродливые региональные проявления. Одно из них – феномен трёх России: «Рублевско-Лондонской», «Столичной» и «просто России». Интересы последней постоянно приносятся в жертву амбициям двух первых.

Недуги эти как бы уходят в подполье, становятся незаметным, чтобы взорвать изнутри общество. А произойти это может в тот решающий момент, когда Россия, и без того перегруженная нерешёнными социальными проблемами, с трудом, но выйдет, наконец, на траекторию уверенного экономического подъёма, не связанного с углеводородной зависимостью. С Россией похожая беда уже случалась, когда её убивали на взлёте. И здесь уже не суть важно, кто нанесёт непоправимый удар или подожжёт фитиль – террорист или агент влияния, рядовой провокатор или честный борец за справедливое возмездие.

На этом месте может оказаться почти каждый, кто так или иначе, даже против своей воли соприкасается с голыми проводами большой политики. Взорвать Россию сможет и рядовой парень в маленьком городке, не проглотивший оскорбления от распоясавшегося заезжего нувориша, работили наркоторговца, и очередной мессия от какой-нибудь из радикальных партий, и затрапезный политехнолог-пиротехник, специализирующийся на взрывных политических устройствах и словесных фейерверках по случаю государственных торжеств. Исход один, и он предрешён, если не наступит отрезвление.

Нежить

Далеко не случайно политическая нежить всякого рода на дух не переносит не только традиционализм и религию, но и само имя «Россия», пророча ей из года в год, из столетия в столетие окончательный раздел, разорение, небытие. Она ломает голову не о том, какой должна быть Россия, а о другом: зачем России вообще быть? Нежить воспроизводится в каждую эпоху и каждый раз после очередного поражения с удвоенной энергией и в новом облики, скупая на корню выставленные на продажу умы, таланты, приватизированные совести. Она вновь и вновь строит свои боготорческие утопии, расчищая для них всё новые пространства, занятые чужой и непонятной для них верой, враждебным для их «плавило-котлового» менталитета многообразием национальных культур и традиций. Россия – слишком большое пространство и на Земле, и во времени, чтобы его обойти. Немереные русские богатства на фоне наступающего ресурсного голода будоражат нездоровое воображение, а история нашей страны и её духовная

культура столь многолики и самобытны, что невозможно не заметить разительного контраста между жизнью и нежитью. Это и тревожит нежить, которая множится, выискивая, пестуя и собирая со всех концов мира, да и в самой России популяции потенциальных русофобов – усмирителей и палачей по призванию, разрушителей и предателей по роду деятельности. Их положение обязывает выкорчевать русское начало даже из собственной истории, а тем более из культурной памяти народов мира, из вечности, где так свободно чувствует себя русский дух.^[7]

О сокровенной связи России, русского духа и вечности как об источнике смертельной опасности для «расы, которая хочет возвыситься над своим происхождением из черни и проработать себя для будущего господства», размышлял не только Ницше в своих сумрачных блужданиях по ту сторону добра и зла, но и его предтечи и последователи. Приоритет Ницше заключается лишь в том, что он одним из первых, если не первый, предсказал не только неизбежность наднационального объединения европейских стран в единый союз, направленный против России, но и попытался осмыслить внутренние причины, мотивацию и отдалённые последствия такого шага. Он видел трагический для самих европейцев исход силового решения этой проблемы: неизбежную и опустошительную для Европы войну и полное поражение Германии в новой схватке с русскими, которое обернётся чрезмерным усилением позиций США.^[8]

В чём-то похожая логика (единая Европа должна складываться как анти-Россия, но без провоцирования катастрофической войны с русскими) была заложена позднее в идейный фундамент Пан-Европейского союза (PEU), деятель-

ность которого стала важным фактором в деле строительства Общеввропейского дома. Не случайно на заседаниях союза по сей день портрет Ницше соседствует с портретами Наполеона как истового приверженца идеи единой Европы, поверженного русскими, и графа Р. Куденхове-Калерги. Последний создал и возглавлял Пан-Европейский союз до 1972 года, будучи идеологом скорейшего и мирного объединения Европы перед лицом символической угрозы со стороны России, которая, по его мнению, обречена всегда играть роль жупела независимо от своего политического курса. Будь Россия красной или белой, большевистской или демократической, Европе всё равно будет нужен враг такого масштаба, поскольку без холодящего душу страха никогда не удастся слить разноустроенных европейцев в одно политическое целое. И чем страшнее будет реальный образ России (большевистский и сталинский террор, угроза мировой революции и военной экспансии, некомпетентная и коррумпированная власть), тем лучше. Всё дело в том, что одолеть Россию силой всё равно не удастся, поскольку на неё работает вечность, а, следовательно, как повторял прозорливый граф, эта великая держава «возродится при любом исходе» и при любом режиме, после самого тяжкого поражения, нашествия и передела.

Следует заметить, что прогнозы самого Куденхове-Калерги, многие из которых давно сбылись, созвучны видениям Ницше, но идут дальше. Это не только его предсказание масштабов и итогов грядущей Второй мировой войны, исход которой решит столкновение Германии и СССР, но и удивительно точная оценка последствий неизбежной военной и моральной победы России – отделение Восточной Европы (пророссийской, просоветской)

от Западной Европы, которая окажется в опасной зависимости от США (написано в 1926 году!). Всё это на многие годы отодвинет возможность европейского объединения и ослабит позиции европейских стран. Так и произошло.

Но если Наполеону не удалось сплавить европейские государства в единое целое ни принудительным миром (неудавшиеся попытки установления вечного союза Франции с Россией^[9] в интересах мирового единодержавия), ни военной силой с устранением России как главного препятствия на этом пути, то последователи Куденхове-Калерги сегодня почти достигли намеченной им цели. Что же это за цель? Как он и предсказывал, принцип построения Европейского Союза «свободная нация в свободном государстве» вытесняет и со временем окончательно вытеснит понятие «гражданин своего государства», которое, по его словам, изживёт себя, как и понятие «церковь»... Вот приговор, который выдаёт утопическую природу великого проекта Европейского дома: как сказано, Содом и Гоморра не позавидуют тому дому, где не найдётся места Спасителю.

В этой связи следует обратить внимание на одно важное обстоятельство, которое, к слову, иллюстрирует близость позиций представителей разных конфессий и, прежде всего, православных и католиков. Имеется в виду реакция на общую и антихристианскую по своей сути угрозу, которую несёт в себе модель европейской интеграции, игнорирующая исторически сложившееся конфессиональное пространство Европы и допускающая его планомерное, то есть заложенное в принятый политический план, разрушение. Речь идёт в частности о совпадении оценок Предстоятеля Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Алексия II

и ныне покойного Папы Римского Иоанна Павла II при обсуждении проекта Конституции Европейского союза. В данном случае не может быть речи о какой-то совместной организованной акции, но единство позиций не вызывает сомнений. И Святейший Патриарх, и Папа Римский говорили о том, что европейский дом не может строиться на фундаменте антиклерикализма.

Но кто виноват в неустрашимом противостоянии России (особенно в тот момент, когда она возвращается к своим конфессиональным истокам) и Европы, когда она идёт в обратном направлении – обрывает свои христианские корни? И здесь ответ кроется в отношении русских к вере. По словам того же Ницше, в вечном противостоянии Европы и России в конечном итоге виновна сама Россия, ибо она, «подобно церкви, может ждать». У кандидатов в сверхчеловеки нет такой возможности. У них нет не только вечности, но и минимального срока, необходимого для защиты своих интересов от геополитических конкурентов, растущих, как на дрожжах. И это действительно так: живая православная Россия, открытая вечности, лишает смысла принцип мирового единодержавия, на котором строится геополитика с момента её зарождения, и обесценивает самые блестящие проекты мирового передела на основе этого принципа.

Мировое единодержавие – политическая идея и соответствующий этой идее постоянно пополняемый набор разношёрстных и конкурирующих между собой политических доктрин преимущественно националистического, социал-демократического или либерально-демократического толка, суть которых заключается в поиске путей создания единого глобального центра власти «избранного меньшинства». Эта

идея и основанная на ней политическая практика не имеют ничего общего с принципом единодержавия во всех его традиционных смыслах. Этот вывод можно сделать применительно и к мировой истории в целом (начиная от аристотелевского единодержавия народа как «единицы, составленной из многих») и к феномену становления российской государственности в частности (единодержавие как синоним самодержавия – основного противника стратегии мирового единовластия). Идея мирового или всеобщего единодержавия откровенно враждебна по отношению не только к этому демократическому принципу, но и к духу русской цивилизации. Те либералы, которые настойчиво обосновывают современные версии планетарного единодержавия, вынуждены отречься от базовых философских принципов либерализма. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить о позиции И.Канта, по мнению которого «могила всеобщего единодержавия(или же союза народов для того, чтобы деспотия не прекращалась ни в одном государстве)» является неисцелимым злом, более опасным, чем война.^[10]

Сам факт бытия России не позволяет единодержавию и армии его адептов – «черни потенциальных сверхчеловеков» состояться, что обнажает миру их жалкое недочеловеческое естество. Именно «косная Россия» в течение столетий не даёт им до конца подточить и обрушить основы социального мироздания и разорвать связь времён, укрепить владычество самоизбранных кланов ценой упадка и гибели «неперспективных» национальных культур, языков и цивилизаций. В этом и только в этом заключена не подлежащая исторической амнистии вина русских перед расой несостоявшихся господ и перед лжеучителями, «которые введут пагубные ере-

си и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель». (2 Кор. 3:1).

Поэтому нет ничего удивительного в том, что похожие чувства к России, русским, славянам и, разумеется, к церкви питал и К. Маркс, видя в православной Российской империи главное препятствие на пути глобального революционного обновления, поскольку «революция имеет только одного действительно страшного врага – Россию». При этом основоположники «единственно верного учения» уповали, прежде всего, на коварство её внутренних врагов, ибо, как проговорился Ф. Энгельс, видимо многое знавший о методах подрывной работы в России, именно «внутри самой русской империи имеются элементы, которые мощно работают над её разрушением».^[11]

Исторический парадокс заключается в том, что Маркс оказался прав даже в своей неправоте: в соответствии с его прогнозом (см., например, переписку с Н. Ф. Данильсоном, высказывавшим опасения о возможных жертвах в случае русской революции) Россия действительно захлебнулась кровью, когда нежить крушила её государственный и цивилизационный хребет. Крушила, заметим, руками тех самых «элементов», которые «нашли в себе мужество осуществить действительный прогресс», невзирая на горы трупов, через которые, по мысли Маркса, мчится «триумфальная колесница истории, самой жестокой из всех богинь».^[12]

Так был открыт для России и мира путь в великую утопию, так миллионы граждан России повели на бойню, принеся их жизни, жизненный уклад народов, коллективную память, национальную историю и культуру в жертву («на алтарь») мировой революции. По схожему сценарию, пре-

дугаданному ещё Ницше, нежить XX века породила и сделала своей ударной силой германский милитаризм, отмобилизованный и направленный созревшей к тому времени нацистской идеологией, которая в течение долгого времени бережно культивировалась на почве ницшеанского нигилизма в лучших идейных лабораториях и университетских центрах.

Кому доверят эту миссию в новом столетии? Ответа не придётся ждать долго. Нежить нового века уже давно подняла голову, для начала выискивая способы отождествить фашизм с Россией, о чём уже говорилось. И здесь все приёмы хороши – от попыток взвалить ответственность за последствия мировой бойни на народ-освободитель и любой ценой отыскать или насадить «русский фашизм»^[13], до прямого оправдания и даже легализации гитлеризма, свидетелями чего мы являемся, взывая к заказчикам преступления против человечности остановить исполнителей. Неужели кто-то серьёзно полагает, что героизация гитлеризма, кнутом обратившего почти всю Европу в единую анти-Россию, или вытравливание великорусского языка из школ и вузов, из политической и общественной жизни коренного русского и тем более великорусского населения (в том числе на его исконных землях) – это собственное изобретение и инициатива прибалтийских или украинских русофобов? Неужели кто-то допускает мысль, что погромщиков русской культуры и новых наци не пугает мнение их просвещённых европейских или заокеанских патронов? Не верится. Кто платит (обеспечивая финансовую и политическую поддержку русофобии, гарантируя ускоренную интеграцию в ЕС), тот заказывает музыку. Очевидно, что в победной симфонии, написанной для новой Европы, по идей-

ным соображениям пока не предусмотрено на партия для такого инструмента, каким является великорусский язык. Отсюда и вся прыть политической нечисти и нежити.

Но это «пока». Сильная Россия может

стать опорой сильной и действительно единой Европы, если та откажется от своей порядком обветшавшей антироссийской фобии, которая является не чем иным, как признаком слабости и зависимости.

-
- [6] Выражение «нынешняя Россия», хотя и отдаёт просторечьем, но представляется более точным, чем «современная Россия», поскольку в нашей стране сегодня сосуществуют разные «временные пояса», и каждый волен выбрать себе современников. Один пояс – время великой русской и мировой литературы и философии, отцов церкви и народных сказаний, другой – политический новояз, который в нынешней России почему-то неотличим от воровского арго, третий – визуальное время хуанит и педров, клоаки околополитических компроматов и мародёрствующих папарацци.
- [7] Тема вечности как измерения русской культуры была предметом специального анализа на страницах нашего журнала. См.: Расторгуев В.Н. Русская культура и российская политика / Трибуна русской мысли. М., 2003. №2.
- [8] Интересные обобщения, связанные с этим прогнозом в контексте современной геополитики, делает английский политолог Кристофер Коукер. См.: Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000.
- [9] Особого внимания заслуживает далекая от традиционного видения оценка этого проекта, данная Н.Я.Данилевским в его книге с говорящим названием «Горе победителям».
- [10] Кант И. Об изначально злом в человеческой природе. Соч. М.: «Мысль», 1965. Т.4. Ч.2. С.37.
- [11] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. Т. 15. С. 252.
- [12] Маркс К., Энгельс Ф. Письма о «Капитале». М.: Политиздат. С. 293.
- [13] Любой ценой отыскать и насадить «фашизм» в народе, раздавившем реальный гитлеризм, – два направления одного политического проекта, о сути которого могут не знать только нанятые актёры и наивные зрители. Но не следует искать несведущих людей среди организаторов этого хорошо режиссированного политического действия, планомерно разжигающего межэтническую рознь в «современной» России.

Леонид Решетников –
*председатель правления Общероссийского
Общества русского исторического просвещения
«Двуглавый орел», генерал-лейтенант, кандидат
исторических наук*

Пролог к книге «Вернуться в Россию»

Со школьных лет я увлекался историей и к окончанию средней школы твёрдо решил поступать на исторический факультет Харьковского университета, несмотря на уверенность отца в моём призвании военного. Впрочем, спустя десяток лет его уверенность всё-таки оправдалась – я по доброй воле надел погоны, правда, не армейские, чего хотел отец, а сотрудника внешней разведки. И хотя служба в разведке, продолжавшаяся 33 года, не оставляла сколь-нибудь значительного времени для занятий каким-то другим делом, любви к истории я всё это время не изменял. Тем более что разведчику-профессионалу, оперативнику или аналитику – неважно, исторические знания просто необходимы. И не только знания. Не менее, а может, и более значимо иметь навыки исторического и сравнительного мышления, аналитической работы с документами, постоянного интереса к достижениям и открытиям исторической науки. Ведь историей интересуются практически все – и физики, и лири-

ки. Может быть, на весьма примитивном уровне, может быть, на базе нескольких телевизионных передач или рассказа приятеля за кружкой пива, но практически все. И все считают себя её знатоками. Работая за границей более 16 лет, я много раз сталкивался с ситуацией, когда беседы на исторические темы со мной заводили дипломаты, сотрудники правительственных ведомств, военные, парламентарии, бизнесмены, профессора геологии, химии, а также таксисты, официанты, продавцы. Кстати, последние, как правило, были наиболее активны и безапелляционны. Вот примерно таким активным и категоричным в вопросах истории, прежде всего советской, прибыл я в первую длительную зарубежную командировку. Как же, ведь я с отличием окончил истфак, в 1970 г. стал лауреатом Всесоюзного конкурса студенческих научных работ, и сам первый секретарь ЦКВЛКСМ Е. М. Тяжельников вручил мне Полное собрание сочинений Ленина (друзья утверждали, что при объявлении о награде кто-то

негромко сказал: «Так ему и надо», но я не слышал, волновался). Затем был направлен в аспирантуру в Софийский университет, став первым советским аспирантом, прибывшим в Болгарию на полный курс обучения. Защитил кандидатскую диссертацию в 27 лет, много печатался в болгарских СМИ, разрабатывались планы докторской. Чем не великий историк? Ну, может, не великий, но видный, много знающий, работавший в советских и болгарских архивах по специальному допуску по форме № 3. И хотя моя жизнь вскоре круто изменилась, и в Югославию я приехал в пятилетнюю командировку как советский разведчик, а не историк, эти горделивые чувства глубоко сидели во мне, вырываясь, порой на поверхность. В Югославии в конце 70-х гг. прошлого века было раздолье любителям исторической науки. Литература и документы на любой вкус: местные – часто националистической, русофобской или антисоветской направленности; западные, белоэмигрантские, русские дореволюционные, советские оппозиционные – всё, что у нас находилось в спецхранах и не выдавалось даже счастливым обладателям допуска по форме № 3. Можно было на книжных развалах или в букинистических лавках приобрести книгу, изданную в XIX веке, полистать подшивку эмигрантских газет 30-х годов XX века, посмотреть и потрогать награды русской императорской армии, по diskutieren с историками других взглядов. Погружаясь в свободное время во всё это (а тут ещё жена – профессиональный историк с таким же обострённым интересом), я вскоре начал понимать, что мне нечем гордиться. Оказалось, что многого просто не знаю. Такой вот

«одноногий историк» – мои знания ограничиваются лишь теми рамками, которые очертила тебе советская власть. Да, от сих и до сих ты освоил хорошо, но дальше – ни-ни. А дальше – то ещё огромнейшая территория, огромнейший массив, без изучения которого твой анализ, твои выводы будут в лучшем случае не точны, а чаще всего ошибочны. Не могу сказать, что, узнав новые факты, ознакомившись с новыми оценками и взглядами, я быстро изменил свои представления об исторических процессах в нашей стране. Воспитанный в русской, патриархальной по стилю жизни семье советского офицера-фронтовика, я органически отторгал тексты, умозаключения, идеи, направленные на унижение моей Родины, моего народа, независимо от того, в какой обёртке они подавались – троцкистской, бухаринской, титовской, диссидентско-демократической, западно-демократической и т.п. Сердце и ум цепляли только книги, статьи, мемуары ряда авторов дореволюционной России и белой эмиграции. Во многом ещё не соглашаясь с ними, я чувствовал их искреннюю и чистую любовь к русскому народу, культуре, языку, к нашему Отечеству. Она была сродни той любви, опираясь на которую мой отец дошёл до Берлина, а моя мать воспитала трёх преданных Родине детей; той любви, которая была путеводной звездой в моей непростой жизни разведчика. К концу пребывания в Югославии мне стало ясно, что в Советском Союзе больше всего боялись именно этой литературы, именно этих авторов. Худо-бедно обо всех остальных течениях, идеях мы хотя бы знали в тенденциозных пересказах советских историков от пропаганды или

через вроде бы объективные, но злобненькие передачи западного радио. А вот на всё, что касалось истории до октября 1917-го, наложено было табу. Есть официальная советская интерпретация, и довольно. А интерпретация та, как и многое в Советском Союзе, была кондово однозначна и схематична. Както случайно, проходя мимо русской церкви в Белграде, я увидел большую группу людей в ограде храма. Многим из них явно было за семьдесят. Я встал неподалёку – интересно в 1980 году посмотреть на людей, которые, сами или их отцы, боролись с советской властью. До меня стали доноситься обрывки их разговоров: «Господин подпоручик, как давно я Вас не видел, как Ваше здоровье?», «Простите, запамятовал, Вы кадет какого выпуска? 1927-го? А помните...», «Ольга Николаевна, дорогая, пожалуйста завтра на чай», «Господа офицеры, встретимся у отца Василия в субботу». Всё это звучало по-особому, с какой-то чистотой, тактичностью, без всяких наших «ну», «так сказать», «короче», «пока». Говорили по-русски, но както по-другому. Так говорила моя мама, родившаяся в 1915 г. в семье унтер-офицера русской императорской армии и, благодаря домашнему воспитанию, сохранившая чистый русский до конца своей жизни. И вдруг пришла мысль: «Почему эти симпатичные, милые старики и старушки здесь, в Белграде, а не в Москве, в Курске, Иркутске? Почему они, их родители, покинули Родину? Ведь они её не только не забыли, но за тысячи километров от неё продолжают жить и умирать русскими?» Впервые я задал вопрос самому себе: а действительно ли «мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз»? Ведь до

меня и моих родителей были дед, прадед, прапрадед, десятки поколений Решетниковых. У них, получается, адрес был другой, Родина была другая – Русь, Россия. Вспоминается первая встреча с представителем другой Родины, той России. Дело было в Софии в феврале 1972 г. Тогда я был ещё совсем молодым, но находился в состоянии своего «исторического величия» и в плену стандартных советских идеологических заблуждений. Поэтому реагировал на происходящее, мягко говоря, не совсем адекватно. С вопросом «Сударь, Вы русский?» ко мне в одном болгарском государственном учреждении обратился невысокого роста старичок с чрезвычайно интеллигентным выражением лица. «Советский», – с гордостью ответил я. Старичок слегка поморщился, но продолжил: «Разрешите представиться, профессор русской филологии Софийского университета Николай Михайлович Дылевский. Я вижу, Вы собрались идти пешком, не откажите мне в любезности составить Вам компанию, давно не говорил на русском языке с соотечественниками». Я согласился, но при этом глупо заметил, что мы вряд ли соотечественники, так как я из СССР, а он, судя по всему, из белых. «Придёт время, и Вы поймёте, что такого различия быть не должно», – заметил мой новый знакомый. Идти до общей цели, Софийского университета, предстояло минут двадцать. Все они прошли в вопросах профессора и моих «глубокомысленных» ответах. Вот наиболее характерные: – Вы из какой семьи? – Полковника. – Какое совпадение, мой отец тоже был полковником. – Не вижу совпадения: мой отец – полковник Советской армии, а Ваш – царской. –

Придёт время, и Вы поймёте, что для русских людей такое разделение противоестественно. – Ваш отец участвовал в Великой Отечественной войне? – Да, с июля 1941-го по май 1945 года. – Смотрите, вновь совпадение, мой отец также прошёл всю Отечественную, с августа 1914-го до позорного Брестского мира в феврале 1918-го. – Нет никакого совпадения, наша война действительно была Отечественная, а та типично империалистической. – Ничего, придёт время, и Вы поймёте, что принципиальных различий нет. И так всю дорогу: он утверждал, я возражал, а рефреном пророчески звучало: «Придёт время...» Время действительно пришло, лет через десять, уже в Белграде. Вернувшись из Югославии домой после окончания заграничной командировки в конце 1983 г., я по службе стал довольно часто соприкасаться с Н. С. Леоновым и Л. В. Шебаршиным. Это были не просто выдающиеся разведчики, но и люди, в своих размышлениях, помыслах, переживаниях далеко выходящие за круг профессиональных задач и проблем. Глубокий аналитический ум, обострённое чувство любви к Отечеству привели их уже в середине 80-х годов к выводу, что страна, советская система находятся в жесточайшем кризисе, из которого выхода не видно. В своём поиске этого выхода они всё чаще обращались к нашей дореволюционной истории, что, с одной стороны, помогало мне углублять свои знания и понимание процессов XIX – начала XX в. (Л. В. Шебаршин, кстати, был страстным книголюбом и книголюбом, у него всегда было чем «поживиться»). С другой стороны, и Леонов, и Шебаршин были для меня своеобразной защитой от нападков

приверженцев делу Ленина – Сталина в рядах разведки, для которых мои взгляды во второй половине 80-х гг. перестали быть секретом. В общем, к этому времени я уже жил «Россией, которую мы потеряли». Казалось, как могло случиться, что за каких-то пять-семь лет убеждённый советский патриот превратился в сторонника «проклятого самодержавия»? Дело, конечно, не только и даже не столько в новых знаниях, приобретённых за эти годы. Часто бывает, когда идеи, факты вызывают интерес, но не более, падают на неподготовленную почву и не произрастают. А у нас почва была уже взрыхлённая – угроза развала советской системы становилась всё очевиднее, её могли не замечать только люди, не выходявшие за рамки интересов повседневной жизни. Таких, к сожалению, было большинство – советская власть приучила к тому, что обо всем думает партия, то есть её руководство. Из-за этого оказалось довольно легко соблазнить наш народ в начале 90-х годов безответственной либеральной пропагандой немедленного счастья и благополучия. Однако немало моих сверстников во второй половине 80-х обратили свои взгляды на дореволюционную Россию. Уход от советского к русскому, имперскому прошёл лично у меня довольно быстро и безболезненно, хотя многие мои коллеги, даже друзья не смогли оторваться от большевистского наследия. Думаю, что важнейшим фактором для меня и моих единомышленников было домашнее воспитание. В нашей семье только я, под влиянием атмосферы в Харьковском университете и пятилетней комсомольской «активности», позволял себе порой заменять слово «русский» словом «советский». Для

отца и мамы всё было русское: армия, страна, народ, земля, футболисты, песни, артисты. Они всегда говорили: «Мы русские». В этом не было никакой кичливости, никакой гордыни, только спокойное достоинство. И конечно, речи не могло быть о пренебрежительном отношении к другим народам. Более того, отец заставил меня учить в школе украинский язык и литературу, хотя как сын военного я мог быть освобождён от этого. В жизни пригодится, заявил он. Ранее отец пытался проделать то же с моим старшим братом, когда мы жили в Армении, но сорвалось. Армянский – не украинский, и когда мой брат, всегдашний круглый отличник, стал получать двойку за двойкой, эксперимент пришлось прекратить и воспользоваться законной льготой.

Да, одно время у нас в доме висел портрет Сталина в форме генералиссимуса, но пиетет к этой личности выражался лишь в связи с войной. Отец, Пётр Кузьмич Решетников, выросший в белгородском селе и успевший окончить церковно-приходскую школу, был сдержан и немногословен, что было характерно для русского крестьянства досоветской эпохи. Он крайне редко критически высказывался в отношении других людей, а тем более руководителей. Исключение делал только для Н. С. Хрущёва, считая, что подобный «базарный типаж» во главе великой державы – просто стыд и срам на весь мир. Мама, Ольга Алексеевна, дочь потомственного запорожского казака, подпрапорщика императорской армии, погибшего в 1916 г. в Брусиловском прорыве, воспитывалась вместе с шестью братьями и сёстрами моей бабушкой Пелагеей, представи-

тельницей сильно и давно обедневшей ветви старинного польского шляхетского города Рачинских. Бабушка, прожив всю свою замужнюю жизнь в гарнизонах русской армии в Польше, была женщиной волевой (одиннадцать детей, семь выжили, эвакуация в 1915 г. в Калугу, налаживание жизни на новом месте, тяжёлая физическая работа), глубоко православной и прекрасно воспитанной. Очень многое передалось от неё моей маме, последнему ребёнку в семье подпрапорщика Алексея Тимофеевича Костоглода.

Вот только религиозности за мамой и отцом я долгое время вроде бы не замечал. Считал, что они, как и все советские люди, конечно же, атеисты. В юности я, правда, не обращал внимания на то, что в нашей семье никогда ничего не говорили о вере, о церкви. Темы религии как бы вообще не существовало. В 1961 г. был один странный случай. Я наблюдал, как взрывали церковь в Харькове, возбуждённый вернулся домой и с мальчишеским упоением поведал родителям о столь радостном событии. И неожиданно услышал от отца сказанное с мрачной интонацией: «Нечему радоваться». Озадачило это меня лишь на мгновение и забылось. Но позже, в студенческие годы, другой случай изрядно меня поразил и заставил задуматься. Дома за столом я позволил себе богохульное высказывание и сразу получил от мамы удар по губам со словами: «Чтобы я никогда этого не слышала». К чему я всё это рассказываю? Да к тому, что Россия, та, которой вроде бы уже и не было, жила в сердцах моих родителей, как и ещё сотен тысяч, миллионов русских людей, несмотря на агрессивную внедряемую советскость, которую, вынужденно или

сознательно, принимали как форму существования. Подавляющее большинство нашего народа вряд ли в 60 – 70-е гг. жалело о дореволюционном прошлом, думало о нём. Но оно, это прошлое, тысячелетнее, жило в народных генах, в народной памяти, в сохранившихся и даже в разрушенных храмах, в старых иконах, скрывааемых от посторонних взглядов в некоторых семьях. Ведь у многих, в том числе комсомольцев и партийцев, волновалось сердце, когда стройные ряды каппелевцев шли маршем 12 на «наши пулемёты», чем-то родным веяло от героев фильмов, одетых в царскую (русскую) военную форму. С каким любопытством мы, советские студенты и аспиранты, разглядывали чудом уцелевших двуглавых орлов на остатках ограды русской церкви в Софии (причём делали это неоднократно)! Русь, Россия звала нас. Звала из-за той стены, которой отгородили народ от неё «рожденные в Октябре». Мне удалось благодаря генной памяти моих родителей услышать этот голос, и я пробился к России через груды и капканы заблуждений, бросился в её объятия, как бросался в объятия мамы после долгой разлуки.

Не мог понять лишь одного: как люди, жившие в России царской, имперской, мощно развивающейся, с великой культурой и историей, вдруг отреклись от неё, своими руками помогли кучке авантюристов, болезненно амбициозных и человеконенавистнических нигилистов, захватить власть и устроить многолетнюю кровавую бойню, смертельной жертвой которой стала наша милая Родина. Конечно, я не идеализировал дореволюционную Россию, проблемы и трудности очевидны, но это

были проблемы и трудности развития, а никак не причина и повод для того, чтобы разгромить народ и ликвидировать государство.

Понимание пришло несколько позже, во время долгосрочной командировки в Болгарию. В марте 1991 г. я решительно переступил порог софийской церкви Святителя Николая с мыслью, что пора из «захожанина» превращаться в прихожанина. Буквально через полтора-два месяца каким-то чудесным образом мы с женой и младшей дочерью оказались в Княжевском Покровском монастыре, что на окраине Софии. Эта девическая обитель была создана выдающимся русским мыслителем архиепископом Серафимом (Соболевым), человеком подвижнической жизни. Вот уже более 60 лет к его могиле в крипте церкви Святителя Николая в болгарской столице идёт нескончаемый поток болгар и русских, обращающихся к нему со своими горестями и нуждами и получающими от него ответ и утешение. Только недоумение вызывает тот факт, что РПЦ до сих не канонизировала архиепископа Серафима, ставшего давно благодаря народной любви местночтимым святым. Нас приняла игуменья монастыря Серафима (светлейшая княжна Ольга Андреевна Ливен, потомок старинных русских родов Орловых-Давыдовых и Васильчиковых). Она была любимой ученицей владыки Серафима, который и постриг её в монашество в 1949 г. и тогда же поставил игуменьей. Матушка была святой жизни человек, молитвенница, имевшая от Бога дар прозрения. В 1920 г. семилетней девочкой она с родителями покинула Россию и больше её не видела, но до самой своей кончины в 2004 г. матушка оставалась рус-

ской в самом классическом, в самом прямом смысле этого понятия. Она любила Россию в Боге, как любили русские люди свою землю на протяжении тысячи лет. Это совсем другая любовь, поверьте. Она плохо сопрягается с нашим привычным патриотизмом. Одним из первых моих вопросов матушке был: «Почему случился 1917 год? Что произошло с русским народом? Почему проиграли белые?» Ответ матушки Серафимы навсегда определил не только понимание сущности трагической катастрофы, но и все последующие 23 года моей жизни: «Потому что предали Бога, отошли от веры. А за предательством Бога неизбежно последовало предательство Царя и России. Многие были участниками этого предательства. Когда же они увидели, какую страшную красную гидру своей изменой вызвали из преисподней, бросились под хоругви, но было уже поздно. Жертвенной борьбой, страданиями и смертью они, может быть, искупили свою вину, но Господь не мог даровать им победу, нужно было покаяние всего русского народа». Это слова монахини, княжны, дочери офицера Русской армии генерала П. Н. Врангеля.

Бог даровал нам четыре года постоянного общения с матушкой, находившейся в монастыре в добровольном затворе. Свет, который исходил от неё, очищал наш ум от всего наносного, абсолютно ненужного, что впитывается, а то и вдалбливается в нас в повседневной жизни. Идите за Христом, будьте верными чадами Русской Православной Церкви, и всё происходящее с вами, с народом, с страной будет вам совершенно ясно – вот главная мысль, с которой матушка начинала и заканчивала наши беседы. По её молитвам Господь,

когда мы вернулись в Российскую Федерацию, послал нам духовного наставника – архимандрита Алексия, ныне архиепископа Костромского и Галичского, удивительно духовно и идейно схожего с матушкой, хотя они никогда друг друга не видели. «Не враг силён, а мы слабы», – часто повторяет владыка Алексей. Слабы своим беспомощностью, своим нежеланием потрудиться духовно, нравственно, ставить перед собой более высокие цели, чем «чтобы всего было вдоволь». Во многом мы утратили характерную для русских религиозную, по сути, способность сострадать, любить и прощать родных, близких, дальних, дорожить Родиной. Ведь последние годы мы живём в мире шуток. Знаете, как есть магазины с ужасными названиями: «Мир дверей», «Мир паркета», «Мир сантехники» и т.п., так и нашу Федерацию часто хочется назвать «Мир анекдотов» или «Мир шутов». Высмеивается всё и вся – ежедневно, ежечасно по телевидению, на радио, в газетах и журналах, на концертах и спектаклях. В стране сформировалась целая армия профессиональных анекдотчиков и смехачей, не уступающая, наверное, по своим масштабам армии охранников частных учреждений и предприятий. Практически нет ничего святого, ничего нравственно неприемлемого. Главная цель – заглушить голос нашей совести, призывающий остановиться и задуматься, а не ходим ли мы по замкнутому кругу. По кругу безответственности, распушенности, себялюбия. Не сойдём с него – не выйдем на путь, уготованный Богом России, не избежать катастрофы.

Прочитал написанное и подумал: научный редактор этой книги просил в

«Прологе» объяснить, почему я взялся за неё. У меня же получилось (надеюсь) объяснение, как я пришёл к тем или иным взглядам. Но, пожалуй, и это нужно. Меня нередко спрашивают: «Ваша любовь к России дореволюционной вызвана дворянским происхождением предков?» Мол, понятно, жалеет об утраченных богатствах и привилегиях. Или: «У Вас случилось какое-то горе или Вы тяжело заболели, что пришли к Богу и стали церковным человеком?» Вроде бы сочувствуют люди, что немножко «сдвинулся» умом. Да нет, господа

и товарищи, братья и сёстры, всё просто – прорвалось на поверхность чувство русского человека, задавливаемое десятилетиями советскостью и россиянством. Появилось непреодолимое желание вернуться после долгой жизни в других странах – СССР и РФ – в Россию, на любимую в Боге Родину. В ту страну, в которой из века в век жили в молитве, труде и подвиге всепредшествующие поколения крестьян Решетниковых и казаков Костоглодов. Ведь без Бога и Родины русский человек не может, без Них он уже не русский.

Василий Ирзабеков –
*писатель, публицист, гл. редактор портала
Благотворительного фонда
свт. Луки (Войно-Ясенецкого)*

Кто светел, тот и свят

Давно известно, что восприятие какого-либо предмета или явления во многом зависит от того, с каких позиций мы их воспринимаем. Меняется ракурс – и тогда слова, привычные слуху и не сулящие, казалось бы, ничего нового, приобретают совершенно иной смысл. Блистают – как дивной красоты алмаз – многоцветием граней. И тогда по-новому осознаёшь, кажется, давно известное: что в том же слове «образование» содержится очень важная для всех нас – и тех, кто учит, и тех, кто учится – информация. Ведь корень этого слова – образ, то есть икона.

Сам язык наш многомудрый подсказывает нам, тугоухим, что самое главное для «образователей» всех ступеней вовсе не передача суммы неких знаний. Это подразумевается само собой. Куда важнее, оказывается, восстановление в человеке образа Божия. Да-да, извечное христианское стремление вернуть человеку, созданному по образу и подобию Божию, иконичность, некогда им трагично утраченную. Нам, Иванам, не помнящим своего высочайшего родства, русский язык настойчиво напоминает о нём, зовёт

прежде к постижению – ещё до законов физики и химических формул, до математических уравнений и правил грамматики – именно этого совершенства. А потому и безобразие – есть именно потеря образа Божия. И как же понятна становится наша любовь к иконам, трепетное к ним отношение, ведь образ всегда стремится к первообразу.

Такой же подход нужен и к слову наказание. В процессе образования и воспитания никак не обойтись без наказания, однако понимать его нужно не как истязание, а как дачу наказа, то бишь наставления. Словом, наказание есть не что иное, как важная органичная составляющая этого процесса.

Внутренний гордец сопротивляется

Это как же, восклицает наш внутренний гордец, – всякий человек есть икона?! А как же убийцы, террористы, воры, всякого рода проходимцы, которым несть числа. Парадоксальность (но только внешняя!) заключается именно в том, «то и они, так страшно распоря-

дившиеся данной им божественной свободой воли, – тоже созданы по образу и подобию, тоже иконы, только порой повреждённые до неузнаваемости.

Восстановить утраченную иконичность под силу её Создателю, Которому, в отличие от человеков, всё возможно. Так это происходило в истории христианства со многими святыми. Так случилось и с Савлом, который непостижимым для нас Промыслом Божиим из неистового гонителя христиан превратился в святого первоверховного апостола Павла. Так случилось в одночасье на Голгофе с благоразумным разбойником, который принёс искреннее покаяние и первый последовал вослед за воскресшим Спасителем в рай.

Думаю, с понятием иконичности тесно связано понятие личности. Вспомним, сколько копий было сломано, сколько слов потрачено педагогами и философами, писателями и политиками, всевозможными специалистами в области образования и воспитания по поводу формирования гармонически развитой личности, как непримиримы порой их позиции в определении самого главного – критериев этой самой личности. И это изрядно поднадоевшее: а Наполеон – личность? А Чингисхан? А Сталин?

Нельзя не обратить внимания на то, что «номинантами» на роль личностей, как правило, выступают люди, пролившие моря крови. И разве это не красноречивое свидетельство нашей ущербности? Ведь обретение личности – это, прежде всего прочего, уподобление Тому, Кто есть носитель Лица. И именно по этому пути шли все наши святые, иного просто нет.

Что же касается пресловутых критериев, то о них убедительно свидетель-

ствует Евангелие: это слова и поступки самого Христа. Личность – это Тот, Кто, будучи Господом, смиренно умывает пыльные ноги своим ученикам, простым галилейским рыбакам. Личность – это Тот, Кто с необозримой высоты Голгофского Креста, истекая кровью, зверски избитый и оплётанный, оклеветанный и осмеянный, распятый, одного взмаха ресниц Которого было бы достаточно, чтобы смести всю эту толпу, всё это воинство, весь этот неблагодарный, погрязший в мерзостях мир, – просит Отца Своего Небесного: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:34).

Может ли слово быть без корней?

Не приходилось ли вам задумываться о том, почему нам так больно, именно больно, смотреть на избитое, обезображенное лицо другого человека? Несколько лет назад, оказавшись во время паломнической поездки в Никольском женском монастыре города Арзамас, с болью в сердце припал к иконе Пресвятой Богородицы, над которой глумились в бесовском опьянении безбожники, изрубив топором изображение глаз Пречистой. Но свершилось Божье чудо – и над шрамами заново проявились очи Приснодевы, как вечное напоминание всем нам о том, что святыня поругаема не бывает.

А разве человек – не святыня? И разве допустимо для нас, православных, называть несчастных, обездоленных людей, несущих на себе пусть замутнённый, но отпечаток Бога, постыдной аббревиатурой бомж, забыв, что подобных людей на Руси всегда называли бродягами, бедолагами, горемыками, бездомными, босяками, что – помимо

простой человечности самого слова – очень точно отражало их состояние. Не будем, следуя заветам мудрых предков, зарекаться ни от сумы, ни от тюрьмы.

Вспомним, однако, что все эти уродливые наросты на нашем языке: «бомж», «зэк», «комбед», «наркомпрос», «наркомпром», «эсэсэсэр» и им подобные – появились сразу же после воцарения безбожной власти. А потому напоённые христианской поэтикой сестра милосердия и брат милосердия преобразились в медсестру и медбрата. Смешно сказать, но этой печальной участи не избегло даже слово жалованье, превратившись в зарплату. Хоть и не худшее из всех «новоязовских» слов, но насколько оно неуклюже по сравнению с его благородным предшественником!

И всё это случилось неспроста. Искажение языка – это одно из позорных свидетельств отпадения русского человека от Бога. И тогда человек попросту перестал рассматриваться властью предержавшими как творение Божие, как Его образ. Только так могло появиться и позорящее человеческий образ слово рыло, столь печально укоренившееся среди так называемого «простого народа». Вот и запасаются теперь спиртным и снедью в расчёте не на человека, а на (прости, Господи!) рыло. Почти по Гоголю!

Даздраперма и Урюрвкос

Искажения коснулись и имён. Вспоминаю, как три десятилетия назад в одной южной республике тогдашнего СССР отец семейства, дождавшийся, наконец, после трёх дочерей рождения вождя сына, назвал его – Нэрд. Оказалось, такого имени нет ни у одного народа, так что в ЗАГСе

поначалу отказались записывать малыша. Не мудрено. Ведь это была аббревиатура, придуманная отцом, которая расшифровывалась как научный эксперимент Рагима Джавадова (вот как!). И отец проявил-таки настойчивость, на целых шестнадцать лет (пока у парня не появилась законная возможность самостоятельно взять нормальное благозвучное имя) испоганив жизнь своего единственного наследника и сделав его объектом многочисленных насмешек и издёвок сверстников.

Дальше – хуже. На нашей приличной в общем-то улице жили два брата-близнеца, оба отъявленные хулиганы, одного из которых звали Маркс, а другого – Комиссар. Помню, как сокрушались тогдашние взрослые по поводу того, что, дескать, позорят они такие высокие имена. Я же нынче понимаю, что как раз носители именно таких имён имели больше шансов стать бандитами и головорезами.

А чего стоят эти уродливые прозвища-монстры взамен благозвучных имён из святцев, которыми стали во множестве одарять новорождённых, – все эти Даздрапермы (да здравствует первое мая), Вилены (Владимир Ильич Ленин), Марлены (Маркс и Ленин), Сталины, Урюрвкосы (ура, Юра в космосе)... С каким восторгом извещает своих читателей газета «Известия» за 8 января 1924 года о новых советских ритуалах:

«На нашу молодёжь религиозные праздники действуют подзадоривающе. Именно в эти дни хочется подчеркнуть свой решительный отрыв от религиозного прошлого и от всего, что связано с религией. Ещё недавно рабочая молодёжь на улицах и площадях сжигала изображения и куклы богов и святых всех

стран и народов. Теперь, перейдя к более углублённым методам антирелигиозной пропаганды, она сжигает своё религиозное прошлое. И вот каким образом: в Иваново-Вознесенске на рождественских праздниках стали перекрещиваться: Степанова Нина – Нинель, Широкова Мария – Октябрина, Демидов Пётр – Лев Троцкий, Марков Фёдор – Ким, Смолин Николай – Марат Тендро, Гусев Павел – Лев Красный, Клубышев Николай – Рэм Пролетарский, Уваров Фёдор – Виль Радек, Челышев Иван – Иван Красный.

Не только комсомольцы и партийцы «перекрещиваются», но нет отбоя и от беспартийных.

- Товарищ, прошу меня перекрестить.
- Фамилия?
- Дворянкин, беспартийный.
- Как хочешь называться?
- Красный Боец.

Их много теперь этих беспартийных «Коммунаров Калыгиных»...

Но даже малое дитя знает ныне, что «как вы судно назовёте, так оно и поплывёт». Вот и приплыли.

Философия имени

Вспомним, как завораживает нас родословие Иисуса Христа с первых же строк Евангелия от Матфея. Вспомним, как начинаются молитвы наши: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!» И это неудивительно, ведь имя – мистический образ личности! Более того, наше отчество связывает нас с нашим отцом, а фамилия – с целым родом не просто звуковым и графическим образом.

О. Павел Флоренский, посвятивший этому феномену книгу «Имена», пишет: «Поверьте, что тема личности даётся именем, и всё остальное – лишь простая

разработка этой темы по правилам контрапункта и гармонии... Имена – такие произведения из произведений культуры. Высочайшей цельности и потому высочайшей ценности, добытые человечеством».

Эпиграфом к ней он поставил слова А. Ф. Лосева из книги «Философия имени», которые не могу не привести: «А то, что имя есть жизнь, что только в слове мы общаемся с людьми и природой, что только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах её проявления, это всё отвергать – значит впадать не только в антисоциальное одиночество, но и вообще в античеловеческое, в антиразумное одиночество, в сумасшествие. Человек, для которого нет имени, для которого имя только простой звук, а не сами предметы в их смысловой явленности, этот человек глух и нем, и живёт он в глухонемой действительности. Если слово не действительно и имя не реально, не есть фактор самой действительности, наконец, не есть сама социальная (в широчайшем смысле этого понятия) действительность, тогда существует только тьма и безумие, и копошатся в этой тьме только такие же тёмные и безумные, глухонемые чудовища. Однако мир не таков».

Пользуясь случаем, прошу многих и многих русских людей отбросить давнюю привычку дурного свойства и не называть близких своих людей, часто жён и мужей, по фамилии или прозвищу, а обращаться к ним дорогими святыми именами.

Троцкий и главкократия

Однако было бы ошибочно думать, что вакханалия с переименованиями распро-

странялась только на граждан. Именно об этом со свойственными ему жёсткостью и безапелляционностью вёл речь в № 14 «Рабочей Москвы» от 1922 года член Московского Совета Лев Троцкий:

«...Главкратия превратила заводы в номера и думала, что этим можно ограничиваться. Все попытки побудить переименовать заводы и фабрики на советский лад разбивались о высокомерие главкратии и непонимание психологической и даже политической стороны этого дела. Это всё равно как если бы в армии сохранили полки имени великого князя или герцога Ольденбургского и проч. и проч.

Пора дать, наконец, заводам и фабрикам советские имена.

Наряду с именами вношу предложение:

1) предложить заводоуправлению, по соглашению с завкомами, представить на общее собрание заводов несколько названий на окончательное голосование самой массы;

2) окончательное утверждение названия принадлежит Московскому Совету;

3) вся эта работа переименований должна завершиться до 5-й Октябрьской годовщины;

4) празднование имени заводов и фабрик приурочить ко дню Октябрьской годовщины;

5) строжайше воспретить, после определённого срока называть заводы в официальных документах, заявлениях, речах, статьях и проч. – именами бывших владельцев».

Без корней?

Возможно, кто-то и спросит: а не всё ли равно, как называть? Спешу уверить таковых, что всё не так про-

сто, как может показаться на первый взгляд. Так, слово бродяга отдаёт некоей болью, чего никак нельзя сказать об аббревиатуре бомж, из которой вылощено человеческое чувство, и прежде всего – чувство сострадания к ближнему. Аббревиатура не может вызывать сострадания по определению!

Будучи лишено русских корней, слово лишается смысла, действующего на душу человека. Достаточно сравнить современное «бесчувственное» словечко киллер с разящими наотмашь – убийца и душегуб.

Бескорневой язык – это беда. Лишая наш язык родных корней, мы тем самым грубо обрываем нити, связующие нас с Богом, ибо многие факты русского языка свидетельствуют о том, что он есть для нас не просто лингвистическая система, а живая жизнь, освещённая Божественным светом. В нашем языке удивительным образом запечатлена высокая миссия русской нации.

Рассмотрим слово «святой», которое сродни слову «свет». И это не только и не столько поэзия, сколько запечатлённая самим языком истина. Вспомним знаменитую беседу преподобного Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым о смысле христианской жизни. По свидетельству Николая Александровича, «служки Божией Матери и преподобного Серафима», как он себя называл, благодаря которому мы являемся свидетелями замечательного откровения величайшего подвижника нашей веры, келья тогда наполнилась невообразимым благоуханием, а лицо преподобного просияло таким неземным светом, что глазам его собеседника стало невозможно взирать на святого старца. Да и многих других

святых отшельников люди, искавшие у них утешения в скорбях, находили, как известно, по тому дивному свету, что озарял по ночам укромные места их подвижнического обитания.

Печальный парадокс заключается в том, что очевидное для одних совсем не обязательно становится таковым для других. Многим невдомёк, какой смысл заключается в словах одной из утренних молитв, обращённых к Создателю: «Ты бо еси истинный Свет, просвещали и освящали всяческая...»

Вообще слово «просвещение» приобрело в России совсем иной смысл во времена Екатерины II. Новоявленными кумирами российской знати становятся в ту пору известные французские философы и писатели Жан-Жак Руссо и Франсуа Вольтер, перепиской с которыми так гордилась тогдашняя императрица. Это их имена начертает на своих знамёнах французские бунтовщики, которым надлежало положить конец христианской Европе, которые посягнули на установленный Богом миропорядок. Это они, ученики «великих французских просветителей», будут свергать королей и рубить им головы на потеху черни. Случится непоправимое, что в своё время отзовется кровавым эхом и в нашем Отечестве: тягчайшим грехом цареубийства прервется генетическая преемственность высшей власти.

А в это время в далёких от буйнопомешанного Парижа чистых снегах Сарова денно и ночью будет молить Царицу Небесную о помиловании России старец Серафим, смиренно именующий себя убогим. Тысячу дней и ночей коленапреклонённо стоя на камне, он умолял Пречистую Матерь предстательствовать пред Божественным Сыном, чтобы отве-

сти от русского народа эту страшную заразу – революцию. И пусть хотя бы на одно столетие, но вымолил.

Невольнопозавидуешь А. С. Шишкову, воскликнувшему некогда: «Слава тебе, русский язык, что не имеешь слова «революция» и даже равнозначащего ему! Да не будет оно никогда тебе известно, и даже на чужом языке не иначе как омерзительно и гнусно!»

Да, в те воистину благословенные времена русский народ ещё «страшно далеко» отстоял даже от декабристов, поднявших бунт против помазанника Божьего. Так что дирижёр другого всеразрушительного бунта, сокрушаясь о провале декабристского восстания (дескать, «страшно далеки они от народа»), был не так уж не прав в характеристике русского народа.

О носителях света и беснующихся во мраке

Как известно, конец – делу венец. Вот и жизнь святых угодников Божиих, этих неугасимых светильников святости, по окончании их земного срока преображается в житие. Но именно их – этих молитвенников и печальников Руси – земные слуги извечного врага рода человеческого нарекут мракобесами. Только вслушайтесь: беснующимися во мраке (!).

А как же окончили свой земной путь те, кого некогда в России нарекли просветителями? Руссо был убит каминными щипцами конюхом Николасом – любовником его распутной жены, которая не то что не умела читать, а и время-то по часам определяла с трудом. Воспитатель королевских детей, своих собственных чад французский просветитель с беззаботной лёгкостью обрёл на прозябание

в казённых сиротских домах. Что касается Вольтера, то конец этого изощёренного философа-богохульника, полностью потерявшего рассудок, был таким омерзительным и страшным, что писать об этом даже не поднимается рука. Такие вот «жития»!

И ещё несколько слов о свете и мраке. Вспомним удивительную повесть Владимира Солоухина «Чёрные доски». Дело происходит в хрущёвские времена. Автор книги, тогда ещё молодой человек, разыскивает с приятелем древние иконы на руинах разрушенных безбожной властью церквей. И вот одна из многих его встреч, на сей раз с очень древней старушкой, ревностной хранительницей церковных образов. Выяснив, что искомая им ценная икона «Воскресение», похоже, канула в неизвестность, Владимир Алексеевич сокрушается: «Да, жаль. Ценная была икона. Из темноты веков». И получает от простой деревенской женщины совершенно ошеломивший его своей философской глубиной ответ: «Где свет? Где тьма? Вы думаете, когда был монастырь, и когда здесь стояла церковь, и когда мы украшали икону цветами, – вы думаете, у нас в Пречистой Горе было темнее? Ошибаетесь, молодые люди. Икона дошла из света веков, а теперь, как вы сами видите, её поглотила мгла неизвестности. И вот вы ищете, ищете её. А почему ищете? Потому что она свет, она огонёчек, и тянет вас на этот её огонёк».

Неожиданным подтверждением того, что все люди – независимо от веры, которую они исповедуют ныне, – призваны к жизни самим Христом, стал в очередной раз язык. Правда, на сей раз азербайджанский, в котором слово интеллигент звучит как зиялы, где корень «зия» означает луч, свет. Как тут не вспомнить Нагорную

проповедь Христа, обращение Его к Своим ученикам с призывом: «Вы – свет мира» (Мф. 5:14)! Как же мудро народное сознание, предполагающее, что истинно интеллигентные люди, подлинная элита нации вне зависимости от рода занятий, – призваны светить людям, быть лучезарными. В том же азербайджанском, как и в других языках, тоже бывают свои прозрения и озарения, подтверждающие, что язык – Божий инструмент, данный Им людям. Так, например, тварный и нетварный свет называются по-разному: ишыг и нур. Потому и человек, исполненный добродетели, именуется нурани – можно сказать, озарённый Божественным светом. А разве не удивительно пожелание вослед усопшему: «Пусть могила его наполнится светом!» Тем самым – который нур.

Не перестаёшь удивляться тому, как замечательно в русском языке преобразилось значение слова интеллигент, уйдя от западного, чрезвычайно узкого, профессионально-функционального понимания. При западном, сугубо рациональном подходе понятие «интеллигент» не соотносится с душевными, а уж тем более духовными свойствами человека. А ведь только из духовного понимания могло родиться наше чеховское: «Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой».

Идущие по небесам

В самый канун 2000-летия Рождества Христова автор этих строк исполнил наконец-то свой давний обет поклониться мощам великого святого, приехав 22 декабря в Дивеево. И сподобился нечаянной радости – стал свидетелем незабываемого торжества прославления святых мощей первоосновательниц обители игуменьи Александры,

сестёр Марфы и Елены, возлюбленных духовных чад Саровского чудотворца. Последняя панихида и первый молебен... Ну за что мне такая радость?!

Но главное, как оказалось, ожидало впереди. Следующей ночью тысячи паломников крестным ходом понесли раки со святыми мощами по Богородичной Канавке. Хотя температура была довольно низкой, холода, кажется, не чувствовал никто, в том числе и я, позабывший захватить перчатки и несущий в руках приобретённую здесь же икону – специально для младшей дочери, которую незадолго до этого так замечательно исцелил святой Серафим. Икона удивительная: преподобный с кроткой улыбкой на устах кормит из рук сухариком огромного медведя... Пламя свечей, хоругви, иконы, благоговейная молитва. Благодать!

Но вот мы замечаем странное свечение, возникшее на горизонте. Оно напоминает столпы света, уходящие в небо, вернее, соединяющие небо с землёй. По мере нашего движения они бледнеют, но вот впереди появляется новый столп, потом ещё и ещё... Идущие рядом женщины из нашей паломнической группы приостановились, поражённые невиданным зрелищем, и стали спрашивать меня: как это понимать, что это может значить? Что я мог им на это ответить, зачарованно, как и они, взирая на этот свет, прочерчивающий по линии дальнего горизонта свой неповторимый Небесный Крестный ход, параллельный нашему... «Наверное, это знак того, что пока мы всё делаем правильно...», – только и смог вымолвить в ответ...

Два важных урока вынес я тогда.

Чудо оказалось иным, нежели я это себе представлял. Раньше казалось, случись со мной такое, я в ужасе пал бы оземь, совсем как ученики Спасителя, какими их изображают обычно на иконе Преображения Господня. Почему же этого не случилось не только со мной, но и с другими свидетелями чуда? Объяснить это могу только так: вот случись такое, скажем, на загаженной станции метро в озлобленной людской толчее или на каком-нибудь рынке с его неизменным сквернословием и удручающей нечистотой во всём, вот тут и вправду – страх и дрожь. Но когда ты шествуешь под чистым звёздным небом Дивеева по Канавке Богородицы за мощами новопрославленных святых с молитвой на устах, со святыми иконами и хоругвями – чудо так естественно, так органично. Всё вокруг так свято, что светло. Всё: даже сам воздух, земля, по которой идёшь, – пронизаны святостью, а значит, и светом.

Ещё я осознал тогда, что именно в этом, пусть кратковременном, соборном устремлении к святости мы настолько были устремлены к божественному достоинству (к которому с такой любовью и верой в нас, немощных, неизменно взывает Отец наш), что сами Небеса, казалось, направляли и укрепляли нас, освещая и освящая наш путь. И что только так, только в таком единении мы – не толпа и не быдло, а та великая нация, о которой чаял великий Гоголь, прозревая будущее России. Вспомним: «...чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни на есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Из книги «Таины русского слова. Заметки нерусского человека»

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ДОРОГОГО ДРУГА

Перестало биться сердце выдающегося русского мыслителя и человека. Невозможно себя обмануть и отделаться хотя бы и правильными, но, кажется, в какой-то мере дежурными словами: «Он был хорошим христианином, он так много сделал для всех нас, Господь не оставит его и т.д.» Да, все это, наверное, так, и хотя его уход не был для нас неожиданным, но когда это произошло, сердце переполнилось печалью, и ты словно потерял огромную часть самого себя. Вероятно, это та часть, которую он занимал в твоём сердце. Почему-то он стал близким и родным сразу после своего первого приезда на Серафимовские чтения в Ракитное. Потом он приезжал еще и еще, и последний раз он приехал, когда ему было 85.

Тихая и вроде бы незаметная и в то же время неповторимая любовь ко Христу и России давала ему силы, чтобы быть тем, кем он был для многих из нас: наставником, другом, братом, сыном...

В декабре прошлого года мы с женой и сыном навестили его, очень ослабленного недавней болезнью. «Отец Николай, тебя Сам Господь послал, чтобы мы вместе попытались разобраться в том, что так мучит меня сегодня», - были его первые слова. И он стал рассказывать мне о своих опасениях по поводу возможного раскола в русском обществе, связанного со 100-летним юбилеем известного события.

Мы долго и, как всегда, живо и интересно рассуждали о возможных путях,

которые привели бы к примирению и, наконец, я попросил его записать для очередного номера нашего альманаха все то, о чем он говорил. И он в скором времени это сделал, назвав свой материал: «Русскую историю надо воспринимать как единое целое». А 30 августа сего года он прислал свое последнее письмо, в котором были такие слова: «Хочу поделиться с тобой последними своими мыслями. Посылаю тебе, делай с ними что хочешь». «Логос и логика», - так он их назвал.

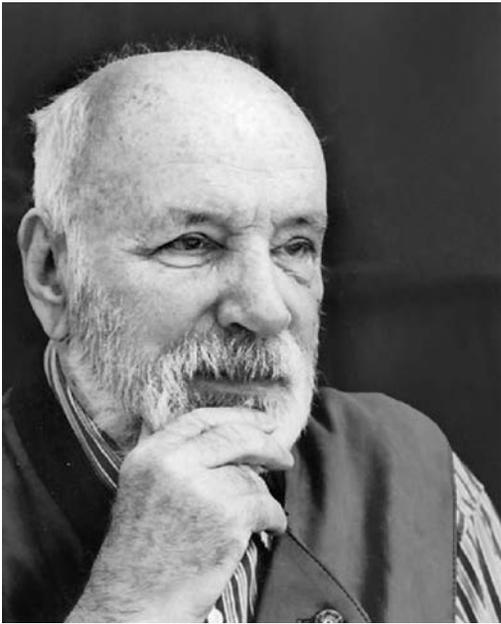
По слову апостола Павла, Виктор Николаевич мог дать «всякому вопрошающему достойный ответ». Я был одним из этих вопрошающих, и он ни разу меня не подвел, хотя это и не значит, что во всем и всегда мы с ним были идеально согласны.

«Нет пророка без порока», - гласит русская пословица. Но в этом, вероятно, и заключается настоящая любовь, когда принимаешь человека таким, какой он есть.

Может быть, это и не самое важное, но невозможно не заметить того, что Виктор Николаевич почил в день памяти мученика Виктора, а также удивительной иконы Богородицы «Призри на смирение». А еще это была пятница... А в Воскресенье, в день его отпевания, за него молился весь Православный русский мир.

Вечная тебе память, дорогой наш друг и брат.

Протоиерей Николай Германский

Виктор Тростников родился в Москве в 1928 году. Во время Великой Отечественной войны был эвакуирован в Узбекистан, где с 14 лет почти до окончания войны работал на сахарном заводе. По возвращении в Москву был мобилизован на трудовой фронт и работал слесарем на 45-м авиамоторном заводе. Учился на физико-техническом факультете МГУ. Затем, будучи в звании доцента по кафедре высшей математики, преподавал в МИФИ, МИСИ, МХТИ, МИИТе и ряде других вузов. Вёл кружок по математике в Московском городском Дворце пионеров и школьников. Защитил кандидатскую диссертацию по философии в 1970 году.

В начале своей литературной деятельности подготовил ряд статей и книг по истории математики и математической логике. Постепенно его интересы сместились к религиозной философии. Много лет был профессором Российского православного университета, преподавал философию, философию права и всеобщую историю. Одна из первых его книг о православной философии («Мысли перед рассветом») была опубликована в Париже в 1980 году. Этот факт, а также его участие в альманахе Василия Аксёнова «Метрополь» было расценено как диссидентство, и Виктор Тростников был уволен с работы. С того момента его карьера математика окончилась. Вплоть до развала Советского Союза Тростников работал сторожем, каменщиком, чернорабочим, прорабом.

Его работы по православному богословию, философии, истории и политике печатались в журналах «Москва», «Молодая гвардия», «Православная беседа», «Литературная учёба», «Русский Дом», «Энергополис», еженедельнике «Аргументы и факты», газетах «Завтра», «Правда», «Литературная газета», а также в других печатных СМИ. Общее число таких публикаций достигает нескольких сотен.

Несмотря на почтенный возраст, Виктор Тростников писал и публиковал книги о православной философии и проблемах современного богословия. В 2012—2014 годах в издательстве «Димитрий и Евдокия» вышли книги «Всмотрись — и увидишь», «Имея жизнь, вернулись к смерти» и «Разговоры о нашей жизни», составляющие, по замыслу автора, трилогию. В 2014 году в том же издательстве вышла стихотворная книга стихотворений Виктора Тростникова «Мы — Третий Рим». В 2015 году была издана книга «Мысли перед закатом», получившая премию «Литературной газеты» «Золотой Дельвиг». Предполагалось, что эта книга будет последней, но летом 2016 года Виктор Николаевич написал ещё одну — «После написанного», которая вышла в январе 2017 года.

Помимо литературной деятельности, Виктор Тростников вёл лекционную работу на радио и телевидении.

Виктор Тростников (1928-2017) –
писатель, кандидат философских наук

Размышления на тему...

Духовный идеал – святость, мирской идеал – мудрость. Путь к святости – избавление от грехов, путь к мудрости – избавление от заблуждений. В борьбе с заблуждениями надо быть особенно бдительными по отношению к общепринятым утверждениям, ибо они часто оказываются ложными. Человек – стадное животное, и в формировании своих убеждений руководствуется принципом «раз все так говорят, значит, так оно и есть», – а этот принцип как раз может и подвести. В христианской Римской империи IV века все епископы придерживались еретического учения Ария, и только один Афанасий Александрийский его отвергал, но правым оказался именно он, а все остальные заблуждались.

Сегодня одним из самых распространённых заблуждений является представление о том, что мы живём в эпоху информационной перегрузки, что на нас обрушивается такое обилие информации, которое мы не успеваем переварить, и в этом наша трагедия. Это полнейшая чепуха. Наша трагедия заключается в обратном – в том, что мы

вошли в эпоху информационного вакуума, что наш интеллект испытывает хронический информационный голод и, не получая материала для осмысления, отвыкает работать и деградирует, так что «человек разумный» может скоро превратиться в человека неразумного.

Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что такое информация. Кто хочет сделать это основательно, может прочитать мою статью на это слово в Большой советской энциклопедии; здесь я скажу об этом кратко. Информация есть антитеза энтропии, то есть хаосу. Информация есть определённость, энтропия – неопределённость. Объём информации измеряется тем, насколько она сокращает неопределённость. Информация – это фиксация одного варианта из многих предлагаемых, энтропия – равновероятность всех предлагаемых вариантов. Информация – это системность, ясность, чёткость, это позиция; энтропия – расплывчатость, сумбурность, гадательность. Сказанного достаточно, чтобы, вспомнив о том, что именно обрушивают на нас средства массовой информа-

ции и интернет, понять, что это типичная энтропия, а никакая не информация. Это сплошная разногласица, гвалт, галдёж, не приводящий ни к какой истине нескончаемый спор, – то, что в радиотехнике называется «белый шум». Какая же это информация? Наши медиа и не скрывают своей энтропийности, ибо пропагандируют толерантность, то есть равное отношение ко всем возможным вариантам. Толерантность – это и есть энтропия, она-то и царит в современных СМИ, и не из-за того, что наши журналисты бездарны и у них недостаёт профессионализма; они работают весьма последовательно и сознательно или подсознательно делают всё возможное, чтобы СМИ не стали источником информации. Такова их генеральная установка. Особенно ярко демонстрирует это наше телевидение. Даже в тех передачах, где по самой их сути главное значение имеет произносимый текст, например, в биографиях великих людей, научно-популярных сюжетах и детективах, наше внимание отвлекается от текста наложением на него музыки, иногда такой громкой, что она заглушает говоримое. Практика звукового сопровождения стала настоящим бедствием для телезрителей. Музыкальные редакторы взяли верх над литературными и творят полный беспредел, насыщая передачи не только инструментальными или оркестровыми пассажами, но и просто шумовыми эффектами, как это происходит, например, в очень грамотной с литературной точки зрения передаче «Следствие вели...» Им важен не смысл, а децибелы. Видимо, в подкорке у них сидит в качестве идеала белый шум. И откровенно насаждающими хаотичность в сознании являются модные

ныне ток-шоу, где все кричат, отстаивая свои взгляды, и никакого соглашения не достигается.

Всё это ставит перед нами два вопроса. Первый: можно ли указать тот исторический момент и то место на земле, в котором начался бунт хаоса против упорядоченности? Второй вопрос: почему, несмотря на очевидную абсурдность утверждения о нашей перегруженности информацией, этот абсурд продолжают повторять даже те, кто выбрасывает свои «ящики», говоря, что они транслируют пустоту?

Первый вопрос имеет очень точный ответ. Война энтропии против информации началась в 1517 году в Саксонии, в Виттенберге, когда католический священник Мартин Лютер заявил о праве любого мирянина толковать Священное Писание так, как ему кажется правильным. На этом майдане заявила о себе идеология плюрализма и толерантности. Весь дальнейший период мировой истории, названный Новым временем, проходил под знаком наступления этой идеологии. Важно отметить, что борьба началась в сфере чистого духа, ибо лютеровская революция была революцией богословской. Борьба зародилась не на земле, а на небесах, потом в неё включилась Церковь, потом – культура и потом – повседневная жизнь. Но главной её составляющей оставалось духовное противостояние. Наиболее значимыми событиями в ходе этой борьбы были те, которые происходили в сфере религии, где энтропия явно побеждала. Англиканская церковь предоставила епархиям право принимать собственные местные догматы, затем на Западе стали рукополагать во священников и епископов женщин, извращенцев и

даже педофилов. И наконец, Всемирный совет церквей официально провозгласил равноистинность всех существующих на Земле религий, не смущаясь тем, что среди них есть религия, называемая сатанизмом.

И второй вопрос: почему так распространён миф о чрезмерно изобильных потоках информации, якобы характеризующих современную жизнь? Дело в том, что здесь производится ловкая подмена понятий: за обилие информации выдаётся обилие точек зрения по всякому предмету. Но ведь верной может быть только одна точка зрения, а все остальные ложны. Поэтому мы имеем не обилие информации, а обилие лжи. Нам как раз не хватает информации, которая указала бы на то, какое из многочис-

ленных суждений истинно. Так информационный голод изображается в виде информационного переизбытка.

Кто же тот шулер, который обвёл нас вокруг пальца? Конечно же, это исконный «лжец и отец лжи» (Ин. 8,44), то есть дьявол.

Где же нам искать подлинную информацию, противостоящую лжи? Самым надёжным источником этой информации являются Евангелие, Апостольские послания, толкования этого материала святыми отцами и соборные определения Православной Церкви. Для мудрого это то единственное, то может быть названо информацией. Если не все из нас способны достигнуть святости, то каждый должен стараться хотя бы стать мудрым.

Писатель – существо, обречённое на вечное беспокойство. Каков бы ни был успех его опубликованных произведений, приступая к новому, он не знает, как оно будет встречено общественностью, и нервничает. Поэтому он бывает рад, когда читатели подсказывают ему тему, которую считают актуальной: наличие заказа гарантирует, что труд не будет напрасным. Такая радость выпала и на мою долю – мой дорогой друг отец Николай, преемник по приходу архимандрита Серафима Тяпочкина, попросил меня рассказать, к какому главному выводу привели меня почти 90-летние наблюдения и размышления. Подобную же просьбу косвенно высказал также известный общественный деятель, редактор сайта «Русская народная линия» Анатолий Степанов. Я и сам хотел поделиться накопленными мыслями, но не знал, будут ли они инте-

ресны людям. Теперь делаю это с чистой совестью.

Главный вывод, к которому привела меня моя долгая жизнь, очень прост. Я понял, что мы живём в сумасшедшем доме, где люди, имея уши, не слушают, имея глаза, не смотрят, и имея разум, не думают. Мы подобны персонажу басни Крылова, который три часа разглядывал в Кунсткамере козявок, что менее булавочной головки, и не заметил слона. Обсуждая наше прошлое, мы спорим о том, кто был более прав – букашки, называвшие себя белыми, или букашки, называвшие себя красными, и рассматриваем под микроскопом одноклеточных тварей по имени Троцкий, Ленин, Дзержинский, Сталин и так далее, не понимая, что эта микрофлора явилась неизбежным и закономерным следствием грандиозного события, произошедшего четыре столетия назад, которое

наши историки не просто не изучают, но даже не упоминают.

Семнадцатый век одарил Европу рядом гениальных учёных. В их числе были Галилей, Паскаль, Декарт, Ньютон, Лейбниц и Гюйгенс, которые на языке созданной ими же математики сформулировали некоторые законы, управляющие материей: законы гидростатики, законы механики и закон всемирного тяготения. Европейскому сообществу, поставленному перед этими открытиями, надо было как-то на них реагировать. Естественно было бы восхититься мудростью этих законов и воздать хвалу Творцу. Возьмём, например, закон всемирного тяготения. Он устанавливает, что сила притяжения между двумя телами обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними. Математики доказали, что при любом другом законе, кроме обратно квадратичного, планеты будут либо падать на центральное светило, либо бесконечно от него удаляться. Из бесчисленного множества возможных зависимостей Бог избрал именно ту, которая позволяет Земле устойчиво существовать на своей орбите и быть прибежищем жизни. Но реакция была совсем другой. Людям не хотелось признавать, что ум Бога несопоставим с их собственным умом – ведь одно дело придумать законы, а другое – обнаружить их. Людям страшно не хотелось, чтоб кто-то был умнее их, и они сосредоточили внимание именно на открытии законов, умалчивая о том, Кто был их автором. У них получа-

лось так: какие мы умные, мы открыли такие замечательные законы! – а откуда они взялись, несущественно, важно, что мы их расшифровали. Систематическое умалчивание об Авторе законов постепенно привело к представлению, что у них вообще не было автора, что они существовали сами по себе всегда. Это был несомненный признак начавшейся коллективной шизофрении, осуществилось библейское пророчество: рече безумен в сердце своём: несть Бог (Пс. 13, 1). С этого момента все дальнейшие события были предопределены, потому что шизофрения исключает творчество и делает больного автоматом. Психиатры называют это синдромом Кандинского-Клеромбо. Безумная попытка встать на место Бога уже содержала в себе будущие революции и войны, будущих лениных и сталиных, будущих белых и красных.

Таков мой ответ на вопрос о главном выводе. Но этот ответ, конечно, потянет за собой другой вопрос: что нам делать? Не оставаться же навсегда сумасшедшими!

Исцелить всех, к сожалению, уже не удастся: западная цивилизация больна неизлечимо, и кончит она тем же, чем кончили когда-то точно так же сошедшие с ума Содом и Гоморра. Но у православных и у части мусульман ещё сохраняется надежда на выздоровление. Им надо только поменьше заниматься пустяками и искать Царства Божия и правды его. Тогда здоровье само приложится.

По реке времени мы плывём, как в вёсельной шлюпке, – лицом назад. Мы видим только то, мимо чего проплыли,

а что нас ждёт впереди, не знаем. Мы хотели бы смотреть в будущее, однако же нашему взору открывается толь-

ко прошлое. Чтобы посмотреть вперёд, нужно обернуться, а это нам запрещено, как было запрещено оглядываться Лоту, выводимому из Содома. В этом запрете проявилось милосердие Господа: жена Лотова оглянулась и от картины, представшей её взору, превратилась в соляной столп. Неужели впереди у нас такое, что о нём лучше не знать?

Какие бы неприятности ни готовило нам грядущее, лучше знать о них заранее – например для того, чтобы хоть как-то к ним подготовиться. Слишком долго мы тешили себя ожиданием светлого будущего: на Западе верили, что его обеспечат научно-технический прогресс и развитие либеральной демократии, а в России уповали на построение коммунизма.

В грех мечтательности, единодушно осуждаемый Святыми Отцами и причисляемый ими к «прелести», христианский мир начал впадать ещё в конце пятнадцатого века, откуда начался отсчёт Нового времени, или модерна. Этот грех отпочковался от более сокровенного греха гордыни и всё прочнее укреплялся сначала на Западе (особенно после Реформации и Великой французской революции), а с восемнадцатого столетия и у нас (особенно после Великой Октябрьской революции, когда мы распевали «нам нет преград ни в море, ни на суше»).

Суть же и происхождение гордыни были таковы: получив от Творца острый, но ограниченный по своему объёму разум и добившись с его помощью ощутимых успехов в познании законов материи и их практического использования, человек вообразил, будто сила его разума бесконечна и универсальна, так что он найдёт правильный

ответ на любой вопрос, не нуждаясь ни в каких внешних подсказках. Эта убеждённость в неограниченности своего ума, возникшая как раз вследствие его ограниченности, привела к тому, что человек решил самостоятельно, без Божьей помощи организовывать своё индивидуальное и коллективное бытие, прокладывая дорогу ко всеобщему «счастью». При этом никакой расшифровки этого понятия, не только философской, но даже психологической, не давалось. Считалось, что достаточно обеспечить человеку материальное благополучие, бытовой комфорт и обилие развлечений, и он автоматически будет счастлив. И Европу охватила лихорадочная гонка производства материальных благ; всё, кроме изготовления товаров потребления, было отодвинуто на задний план или вообще забыто. Эффективно производить товары было предложено двумя путями: капиталистическим и социалистическим. На первом пути делается ставка на присущие людям эгоизм и корыстолюбие: средства производства отдаются в частные руки, их владельцы нанимают рабочих, владельцы заинтересованы в прибыли, рабочие – в хорошем заработке, поэтому все напряжённо трудятся, и страна богатеет. На втором пути ставка делается на также присущие людям альтруизм и бескорыстие: средства производства составляют всенародное достояние, хозяйственная деятельность планируется специалистами, рабочие получают по труду, но главным стимулом для них является желание принести пользу родине, сделать богатым и счастливым не себя только, а весь свой народ. Капитализм сложился первым, но с октября 1917 года социализм сделал-

ся альтернативной реальностью и стал укрепляться и раздвигать свои границы. Так возникла холодная война – пресловутое соревнование двух прежде всего экономических, а попутно и политических человеческих жизнеустройств, стремящихся к одному идеалу, каждое из которых провозглашало своё превосходство.

Просуществовав 70 лет и охватив около двадцати стран, социализм проиграл экономическое соревнование и капитулировал. Почти на всей нашей планете (кроме Северной Кореи и Кубы) воцарился капитализм. Его идеологи возликовали. Один из них – американский публицист Фрэнсис Фукуяма – в 1989 году писал: «Это не просто конец холодной войны, это, возможно, конец истории как таковой – окончательное и бессрочное установление на всём земном шаре либеральной экономики и демократической формы правления». Однако эта эйфория оказалась преждевременной. Мира и согласия в, казалось бы, теперь однородном человечестве не наступало, более того, оно начало бурлить, и его бурление неуклонно повышает свой градус. К тому же в 2008 году разразился глобальный кризис капиталистической экономики, и именно он обещает быть бессрочным. Похоже, всё пошло не туда, куда предсказал Фукуяма, и он первый это почувствовал. Через 23 года после статьи «Конец истории?» он пишет новую статью – «Будущее истории». Конец отменён, появилось будущее. И оно уже не представляется автору светлым. Фукуяма обвиняет в этом финансовых спекулянтов, сбивающих

капитализм с правильного курса на всеобщее счастье, но разве не очевидно, что эти спекуляции неизбежно порождаются основным принципом капитализма «пусть каждый заботится о своём кармане, и тогда всем будет хорошо», ибо набивать карман проще всего именно с помощью спекуляций? Видимо, прав был всё-таки не Фукуяма, а Шафаревич, сказавший, что капитализм и социализм – два пути, ведущие к одному обрыву. Но то обстоятельство, что ещё недавно человечество двигалось к нему двумя путями, а теперь сгрудилось на одном, ничего не меняет – всё равно оно приближается к пропасти.

Так что же, значит, действительно наступает конец истории, причём в самом прямом и зловещем смысле, и нам надо сменить многовековое ожидание всеобщего счастья на ожидание всеобщей гибели?

Нет, кончится не история, а её более чем тысячелетний цикл, как перед его началом кончился аналогичный предыдущий цикл. Но расставание с ним и вхождение в новый цикл будет весьма болезненным, так что никакого «прекрасного далёка» ждать не следует. Однако ни в коем случае не надо впадать в уныние, а надо спокойно и собранно готовиться к тому, чем должно встретить нас ближайшее будущее – не то, которое рисует нам наша мечтательность, а то, которое вычисляет трезвый расчёт. Таким расчётом мы с вами и займёмся. Откладывать эту работу нельзя, ибо переломный момент всемирной истории – смена её циклов – уже совсем близок.

Александр Евдокимов –
профессор кафедры теологии Московского
государственного лингвистического университета

Что впереди?

*«Русский человек, порознь взятый, не попадёт в рай,
а целой деревней – нельзя не пустить.»*

А.С. Хомяков

*«Если России суждено когда-нибудь погибнуть,
то погибнет она вовсе не от коммунистов или
анархистов, а от проклятых либералов.
Страшная ненависть к своему народу – вот
отличительная родовая черта русского либерализма.»*

Ф.М. Достоевский

*«Да проглянет древняя мудрость и сила, которая вела
наших предков и строила нашу Священную Русь.»*

И.А. Ильин

*«Я верю: то, что произошло в нашей стране, не есть
ещё «выбор России!»*

Н.Н. Моисеев. Агония России

Судьба России после происшедших в XX веке потерь государственности в 1917 и 1991 годах не может не волновать русского человека. Что же впереди?

Распад СССР и «мировой социалистической системы» привели к новой геополитической ситуации. Страны, находившиеся в зоне влияния России, были вынуждены определяться в зависимо-

сти не только от степени их энергетического и экономического потенциала, но и главное – от интересов «хозяев мира» – транснациональных компаний, «мировой закулисы». Большинство стран при этом лишились каких-либо перспектив на самостоятельное развитие. Это усугубляется ещё и тем, что искусственные границы «республик»

СССР были проведены довольно произвольно (если изначально не имели целью последующий развал государства) и не совпадали с естественными природными границами биогеоценозов и расселения отдельных этносов.

Утратив эффективные территории стран-сателлитов из «мировой социалистической системы» и бывших «союзных» республик, Россия оказалась в исключительно тяжёлом положении, в частности, по состоянию эффективных территорий – в ситуации границ XVI в.

Положение бывших «союзных» республик, лишившихся обширного российского рынка, катастрофично. Здесь чётко обозначился процесс деиндустриализации – снижение уровня потребления энергии на душу населения. Вместо ожидавшегося процветания они вступили в полосу системного социоприродного кризиса – социальной нестабильности, деградации культуры, науки, образования, здравоохранения, ухудшения экологической обстановки, интегральным показателем чего является снижение продолжительности жизни людей и депопуляция (вымирание).

В докладе ведущих аналитических центров, размещённом на сайте ЦРУ США, указано, что Россия может рас-

пасться на 6-8 государств. Причиной тому станет полный износ промышленного оборудования, электроэнергетики и жилищно-коммунальной сферы, а также падение цен на нефть. Новые государства станут зоной нестабильности и будут разделены на сферы экономического влияния мировых лидеров.

Тем не менее, **предпосылки возрождения России остаются.** Основным здесь является общая судьба народов России, значительный научный потенциал, традиционный аскетизм великороссов и ещё живая вера в общее спасение, приоритет государственных, коллективных ценностей в сознании народа (православное миропонимание), территориальные масштабы и – тяжёлые природные условия бытия, обуславливающие социокультурный архетип России¹.

Как и прежде, Россия может выбраться из системного социоприродного кризиса, опираясь только на свои собственные силы.

Говоря о чисто материальном аспекте бытия, следует подчеркнуть, что даже на текущий момент Россия обладает огромным эколого-ресурсным потенциалом, в частности, по топливно-энергетическим ресурсам её доля составляет, в %²:

Россия	27
Азия и Океания	26
Северная Америка	21
Западная Европа	7
Ближний и Средний Восток	7
Африка	7
Восточная Европа и СНГ	3
Центральная и Южная Америка	2

Даже в условиях усиливающегося риска в период 2011-2019 гг. и ожидаемом переходе всего мира на неуглеродородный уклад энергетики с 2050 г. (отказ от использования нефти и угля), у России остаётся огромный потенциал и в неуглеродородной сфере.

Энергетический потенциал и полезные ископаемые России могут обеспечить безбедное существование на её территории не только нынешних 150 млн человек – 3% мирового населения, но и гораздо большего числа людей³.

В духовном аспекте мы имеем два пути выхода из общесистемного кризиса – **выживание** в материальной сфере (подход Западной цивилизации, утопическая концепция «устойчивого развития»), и **спасение** в духовной сфере (православный подход).

Учитывая духовную первопричину кризиса, следует полагать и выход из него в первую очередь в духовной сфере – **религии, образовании и законодательствах** (последовательность – по мере значимости). Это, по сути, является триединой задачей российского общества. Наша цивилизация уже более тысячи лет несёт идеологию Православия. Поэтому наше спасение – исключительно в духовной сфере, для чего необходимо покаяние отдельного человека, этноса и суперэтноса. Вспомним, что в 1613 г. русский народ дал клятву: «никогда не будем повинны в предательстве, пусть падёт проклятие на нас и детей наших». Если продолжится процесс распада великорусского суперэтноса и, следовательно, дробление единого прежде вмещающего ландшафта, то говорить о возрождении России бессмысленно. При воз-обладании тенденции к консолидации,

новой интеграции государств СНГ, а по сути – Российской империи, ситуация будет иной. Тенденции к такому развитию событий уже чётко прослеживаются: «Несмотря на огромные потери, наша страна выстояла. Хотя всё и произошло не так, как хотелось русским патриотам-государственникам, но всё же и не так, как того желали враги России. Сегодня мы ощутимо ближе к национальным началам, чем были в середине 1980-х годов. Реальный сдвиг в самосознании общества произошёл в нашу сторону. Да, ещё сильны позиции западно-ориентированных политиков и банкиров, но они уже не полностью контролируют политические процессы. В России появился национальный капитал и связанные с ним политики, отстаивающие национальные интересы. **Патриотические идеи стали ресурсом государственной власти** (выделено автором, А.Е.). Ещё предстоит сделать очень много в возрождении русской идеологии, исторических духовных ценностей России, очистить власть от духа наживы, потребительства и либерализма. И это тоже часть нашей борьбы за Россию. Она происходит в наших душах и затрагивает всех жителей страны»⁴. По словам МакКейна, кандидата в президенты США в 2008 г., **очевидно, что целью сегодняшней России является восстановление Российской империи; не Советского Союза, а именно Российской империи.**

По мысли русского историка А. В. Карташева: «Русская земля, а с нею и русская Церковь не могут не быть носителями «великой совести». Нынешняя тирания бессовестности – лишь временное наваждение.

Существующие типы рас и культур сложились ещё в доисторические тысячелетия и до сих пор остаются в главном неизменными. 20 лет извращенческого перевоспитания не изменят духовной глубины русского гения». Это написано в 1938 году.

А. В. Карташеву принадлежат и слова, что «Русь навсегда устояла в Православии»; «Не оторвалась Русь от восточного типа христианства под ударом монгольского нашествия, как ни заигрывали галицко-волынские князья с латинским Западом».

Не пошла она и за своей водительницей Византией в XV веке в унию с Римом, когда великий князь Московский Василий Васильевич в 1441 г., предвосхищая и выражая общественное мнение своей страны, арестовал и изгнал принёсшего унию митрополита грека Исидора».

В равновесии с биосферой может находиться лишь то общество, идеалы которого нравственны и аскетичны. Православие генетически сформировало менталитет российского общества, который давал и будет давать всему миру необходимое духовное основание для подлинного самоограничения – то есть выхода из духовного и экологического кризиса. «Практически всю свою историю Россия духовно опиралась на Православие. Поэтому трудно предполагать, что (если она пройдёт через переживаемую сейчас катастрофу) она сможет существовать на какой-то другой духовной основе»⁵.

Весьма важны для нас мысли митрополита Иоанна (Снычева): «Пора научиться жить, надеясь лишь на Бога да на себя, тяжёлую, но жизненно необходимую работу по возрождению России

Бог сделает за нас ... Дай нам Бог понять, наконец, всю меру нашей сегодняшней ответственности, всю важность момента, весь ужас катастрофы, ожидающей нас, если мы не найдём в себе сил противостоять яростным порывам зла, терзающим страну. Молюсь об этом крепко и крепко верю – Россия воспрянет от сна!».

Он же предупреждает: «Лишённое религиозно-нравственных опор национальное самосознание либо рухнет под напором космополитической нечисти, либо выродится в неоправданную национальную спесь. И то и другое для России – гибель. Не видеть этой опасности может лишь слепой» (Митрополит Иоанн (Снычев), из статьи «Державное строительство»).

Россия – гарант духовного и экологического равновесия на планете. Подтверждения этому – в самом факте существования нашего государства, главного противника цивилизации Запада. Надежду на будущее выразил русский писатель Владимир Алексеевич Солоухин:

*Держитесь, копите силы,
Нам уходить нельзя.
Россия ещё не погибла,
Пока мы живы, друзья.*

Преподобный Серафим Вырицкий говорил: «Придёт время, когда не гонения, а деньги и прелести мира сего отвратят людей от Бога и погибнет куда больше душ, чем во времена открытого богоборчества. С одной стороны будут возводить кресты и золотить купола, а с другой настанет царство лжи и зла...». Весьма похоже на современность ...

Но тот же Серафим Вырицкий говорил, что «спасение миру от России». Главное для православных – прозреть

Промысл Божий! И – не стать Его противником в страшной информационной войне, которая происходит сегодня на наших глазах.

В настоящее время наступает, возможно, самый решающий момент в истории России. И здесь нельзя забывать: в духовно-нравственном отношении определяющее значение имеет

вера, в лоне которой возникла культура народа. В России это – Православие. Без этого для России нет перспектив. Наше руководство к действию: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. **Кто будет верить** и креститься, спасён будет; **а кто не будет верить**, осуждён будет» (Мк 16: 15-16).

-
- [1] Евдокимов А.Ю. Русская цивилизация: экологический аспект. М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 672 с.
 - [2] 08.11.10, доклад в РАЕН, Плакиткин Ю.А., журнал «Личность и культура»
 - [3] Клименко В.В. Энергия, климат и историческая перспектива России. Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 100-105
 - [4] Платонов О.А. Битва за Россию. М.: Алгоритм, 2010
 - [5] Шафаревич И.Р. Христианство и экологический кризис. Фрязино: Содружество «Православный паломник», 1993, с.17

Наталья Нарочницкая –

Доктор исторических наук. Специалист по США, Германии и общим проблемам и тенденциям международных отношений. Старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН. С 2008 года возглавляет Европейский Институт демократии и сотрудничества в Париже

Свобода – категория глубоко христианская

...Для меня большая честь поделиться с вами своими размышлениями об образовании и воспитании, в том числе о религиозном, в нашем обществе. Сегодня последнее как никогда важно для того, чтобы нация сохранила себя как преемственно живущее целое, как организм, связанный духом, верой, мирозерцанием, общими представлениями о грехе и добродетели, о добре и зле, общими историческими переживаниями. Когда это исчезает, то никакая отметка в паспорте не поможет скрепить нацию. Мы становимся просто народонаселением, а не гражданами: Родина там, где ниже налоги.

Нынешний кризис переживает и Западная Европа. И там, смею вас заверить, огромное количество консерваторов бьют в набат и пишут о том, что кризис должен побудить нас задуматься о том, как сохранить себя в мировой истории, не утратить то, что в результате явило миру великие державы, великие нации и великую культуру.

Опыт XX столетия (я имею в виду катаклизмы в его начале и кон-

це) демонстрирует закономерность: в одном и том же обществе, в одном и том же человеке всегда сосуществуют и анархические, социально и личностно разрушительные страсти и инстинкты, и большие силы созидательного, консервативно охранительного, духовно здорового объединяющего начала. Огромная ответственность при этом лежит и на государстве. Находясь в центре житейских забот и попечений, терзаемое соблазнами, тем не менее, оно должно создавать такие условия, в которых легче выжить этому здоровому национально-консервативному началу.

Сегодня, слава Богу, мы можем только радоваться, что в последние годы государство и Церковь идут навстречу друг другу... Но сегодняшние проблемы, о которых все говорят: коррупция, нежелание защищать Отечество, безнравственность, вакханалия порока, распутство, алкоголизм, сексуальная распущенность, апатия социальная, – всё это вызвано не только естественными трудностями, но поощрением смешения понятий добра и зла, глумления,

под видом свободы, над национальными ценностями, которое мы наблюдали ещё двадцать лет назад, когда не сумели достойно перевернуть страницу истории, расстаться с заблуждениями прошлого, не поглумившись над жизнью отцов. За это тоже терпим кару.

Уместно вспомнить, что и большевистский тоталитаризм вырос когда-то из той же вакханалии разбоя, разрушения государственного устройства, что было вызвано многолетней предреволюционной пропагандой презрения к вере, к Церкви, к власти, к таким традиционным ценностям, как честный труд, законопослушность, как служба не за страх, а за совесть, семья, целомудрие и честь.

К счастью, социологические службы с середины 90-х годов фиксируют огромную инерцию традиционных ценностей, выросших из крестьянства. Опросы показали, что если в начале 90-х количество людей с добрым отношением к семейным ценностям, к родственникам, друзьям, для которых честное имя было важнее, чем символы современного успеха и богатства, из года в год уменьшалось, то уже к 2000 году 92 % поставили в опросах на первое место всё-таки хорошие семейные и дружеские отношения. А в социологии такой высокий показатель квалифицируется не как мнение большинства, а как интегральная характеристика социокультурной среды.

Никто не ожидал, что уже буквально через несколько лет бывшие комсомольцы, ночуя в палатках, пойдут поклониться Серафиму Саровскому.

Там их не ждали с распродажами, и сэкономить было не на чем. А они шли, шли и шли. И весь мир изумлялся. Вот

она – загадочная русская душа! С одной стороны, порок, коррупция, а с другой – вот это. Да, это и есть Россия!

Без тесного сотрудничества государства и Церкви в вопросах образования и воспитания невозможно сохранить преемственность национального мировоззрения и сохранить установки на абсолютную мораль. Если государство начинает понимать это – слава Богу! Никаких законодательных, конституционных препятствий сегодня для того, чтобы преподавать православную культуру в школах там, где только есть православные люди, у меня как у бывшего депутата не понаслышке знающего наш народ, нет. Ведь это служит только добру.

О понятии «свобода» спорили ещё древние греки. Как понималась она нами в последние двадцать лет? Свобода совершать любое беззаконие и насилие: я свободен, значит, я каждому могу дать, грубо говоря, по физиономии. Нет, я свободен, и мне никто не может дать по физиономии, а значит – и я тоже не могу.

Православное христианское толкование свободы – это, прежде всего, понимание, для чего нужна свобода, где нравственный её ориентир. В Евангелии чётко заложена нравственная подлинная положительная цель в жизни человека на земле. А если это исчезает, то свобода совести превращается в свободу от совести. На либертаристском Западе та же свобода совести исчезает. Христианин там публично не может высказываться о многих явлениях жизни современного общества, он тут же будет обвинён в неполиткорректности, его объявят отсталым, архаичным, не понимающим всё богатство свободных

проявлений разных индивидуумов. Вот такое смешение греха и добродетели.

Свобода – категория глубоко христианская. Почему я так много говорю о свободе? Да потому что набившая оскомину тема прав человека и свобод подменяет рассуждения о её сущности и источнике. А свобода – это дух внутренний, связанный с Богом. Русские философы Л. Тихомиров и С. Левицкий полностью разбивают претензии либералов на первенство в формулировании свободы в системе общественно-государственных отношений. Сама потребность личности в свободе, политической и гражданской, что очень важно для построения гражданского общества, правового государства, о чём мы говорим всё время, является производной от свободы внутренней. Источником же этой способности к самостоянию является дух. Тихомиров показывает, что именно внутренняя свобода – гарант свободного существования общества. И общество, и государство предоставляют свободу только потому, что со стороны личности есть постоянный запрос на неё. И рождается эта свобода в области духовно-религиозного существования.

Опасность атеистического отношения к свободе существует не только для духовного роста человека, но и для свободы гражданской и политической, о которой мы бесконечно говорим.

Сегодня мы видим повсюду, как, мечтая о свободном общественном строе, наиболее рьяные деятели относятся пренебрежительно к значению религии, стараются подорвать религиозные чувства и сознание, придумывают некую новую гражданскую мораль.

Сфера образования абсолютно неразрывно связана с просвещением и вос-

питанием, которые наряду с объёмом знаний для интеллекта дают мировоззренческую систему ценностей. Человек, снабжённый знаниями, но будучи без нравственных основ, – он, как волк, опасен для общества.

В России невозможно ограничиваться рамками технократического мышления. Поэтому концепция воспитания и образования ради духовно-нравственного преобразования общества имеет у нас прямое отношение к таким конкретным задачам, как преодоление демографического спада, главной причиной которого является, по оценкам демографов, вовсе не оскудение материальной жизни, а, прежде всего, смена ценностных установок в результате проповеди освобождённости от нравственных ограничений и гедонистического начала, то есть проповеди жизни как источника наслаждения. Становление гражданского общества, уважение прав человека неотделимы от культуры самоограничения.

В этой же плоскости лежит и решение проблемы обеспечения межнационального мира. Мы видим, что сегодня творится в Западной Европе. Атеистические общества не только не являются там гарантами от межнациональной розни, а напротив, создают для этого благоприятную среду. В самых примерных демократических странах совершаются убийства со стороны как эмигрантов, так и аборигенов, славящихся своей великой европейской культурой.

Обеспечение межнационального мира неотделимо от задачи сохранения живого источника национального чувства. Потому я всегда была против того, чтобы заменить понятие «русский» на

«россиянин», но я и против бездумного противопоставления их.

Российский имперский опыт имеет куда большее значение, чем несостоявшийся «плавильный котёл» США. Мы сумели сохранить наследие империи. И мы не можем позволить себе роскошь игнорировать российскую многонациональность, но и пренебрежительно относиться к русскому державотворящему этносу – основателю и стержню российской государственности – тоже не можем. Русский человек прошёл от Буга до Тихого океана, вовлёл в свою орбиту сотни народов, которые продолжали молиться своим Богам, но принадлежность к целому стала источником их ценностей.

Подъём экономики, социальная реабилитация миллионов отверженных за предыдущий период и снова выброшенных на обочину в связи с кризисом, искоренение главной причины пресловутой коррупции – это тоже связано с концепцией нашего воспитания и образования. Наконец, модернизация и боеспособность армии, восстановление престижа звания солдата, защитника Отечества, обесцененного либеральной пропагандой самого понятия Отечества. Сегодня для того, чтобы повернуть вспять тенденции социальной распушенности – пьянства, безответственного отношения к себе и к близким, нужно изменить ценностные ориентиры, помочь тем, у кого они пока глубоко запряты, а я убеждена, что они есть практически у каждого.

Разумеется, методы воспитания и образования должны быть и привлекательными, и современными. Но они должны опираться на русскую педагогическую традицию, которая в наиболь-

шей степени, куда большей, чем копирование неудачных, не совсем к тому же бескорыстных методик и всяких болонских процессов подходит нашему государству и реальному состоянию нашего общества.

Мы живём в информационном пространстве, поэтому роль СМИ колоссальна и ответственность на них должна быть возложена особая. Потому что манипуляция сознанием есть главный инструмент политики. Деньги, которые крутятся в сфере информационного обеспечения, сравнимы разве что с теми, какие идут на оборону. Тиражируемые образцы для подражания – этикие беззаботные гедонисты, не отягощённые сомнениями нравственного порядка, – ложный путь просвещения, полностью, кстати, отсутствующий на Западе. Я восемь лет проработала в США и знаю не понаслышке, что американское студенчество – это наиболее обременённые долгами, кредитами, обязательствами, работой по ночам в кафе во время летних каникул, стригущие чужие лужайки члены общества. Гедонистический идеал вовсе не свойственен западному человеку, как нам пытались представить, для того чтобы мы почувствовали контраст с нашей советской бытовой скудостью, той, по которой кто-то теперь так ностальгирует. Тут мы мало что можем сделать, если не потесним с экранов телевизора программы привлекательно безнравственного содержания.

Мы все помним, как создавался тип экономически успешного человека. Дилерами, менеджерами, как оказалось, очень легко стать в одночасье, а вот суметь ограничивать себя в своих поступках оказалось гораздо труднее.

Нужно помнить, однако, что производительная инициатива принадлежит прежде всего труду духовному. Рушатся экономические основы жизни России, потому что разложились духовные её основы, нравственная и религиозная дисциплина трудящейся личности – эти мысли высказаны в 1918 году Николаем Бердяевым. Но они всецело приложимы к России 90-х, с их культом удачливого и богатого, абсолютно чуждого русской культуре вообще и русской культуре хозяйствования в частности, предпринимателя. Хозяйство, по словам Сергея Булгакова, есть явление духовной жизни в той же мере, в какой и все другие стороны человеческой деятельности. У нас же происходит люмпенизация нации вследствие реформ, но и люмпен тоже не может защитить себя, он тоже вне социума оказался.

Остановить это можно только совместными усилиями церкви и государства.

Культ богатства без чести, проповедовавшийся в 90-е годы, оказался особенно губителен для России после принудительной атеизации четырёх поколений.

Одно из следствий – это утрата образованным слоем места в социальной иерархии, снижение его статуса в общественном сознании, утрата социальной энергии интеллектуального ядра нации. Через 15–20 лет у нас будет нехватка высококвалифицированных научных кадров во всех отраслях экономики. И тогда мы схватимся за голову. Образование было всегда великим ресурсом России и Советского Союза. По сравнению с нами, даже с любым троечником, в 80-е годы в Секретариате ООН иностранцы выглядели просто как

неграмотные люди. Мы были корифеями для них во всех областях. Спасибо советским учителям, низко кланяюсь им всем. Благодаря им я в Совете Европы единственная могла цитировать баллады Шиллера и гётевского «Прометея» наизусть, ни один немецкий депутат столько не знал.

Конечно, у нас много было в образовании того, что надо было преодолеть. Но русская педагогическая традиция достойна своего продолжения. Нельзя допустить так называемой интернационализации рынка образовательных услуг, который служит глобальному управлению без учёта культуры собственной страны. Дальше произойдёт просто деградация национального образования. В стране с такой протяжённостью начнёт дичать провинция, удалённая и так на тысячи километров от Москвы.

Правовое государство немыслимо без нравственных скреп. Горе такому государству, где от преступления удерживает лишь страх перед уголовным наказанием. Общество, в котором утрачено понятие стыда и греха, может удерживаться только полицией. Но и полицейские – порождение того же самого общества, утратившего понятие греха и стыда.

Я хочу поблагодарить всех учителей за их нелёгкий труд. Мне довелось как-то в Нью-Йорке заменять учительницу истории в 6 и 7 классе, поэтому я представляю, как это трудно – учить. Я называла их на «Вы», а они кидали бумажных голубков через мою голову.

Но когда я перехватила, то не стала читать письмо, которое девочки передали друг другу с именами понравившихся им мальчиков, а порвала его на

Цивилизация

мелкие кусочки и сказала: «Чужие письма не читают, за это в прошлые века вызывали на дуэль, чтобы честь дамы не уронить», – они меня вдруг полюби-

ли и перестали кидать этих голубков. Потому что язык нравственности – он один для всех.

Столетие. Ru,
04.09.2010

Из книги «Сосредоточение России».

Николай Ракитянский –

*доктор психологических наук, профессор
кафедры социологии и психологии
политики факультета политологии МГУ
им. М.В. Ломоносова*

Исламский менталитет в геополитическом пространстве XXI в.

По меркам исторического времени Европа ещё совсем недавно была на грани завоевания её сарацинами^[1]. Христиане успели забыть о том, что Северная Африка и Сирия когда-то были христианскими. Во время первого большого наступления арабов с 632 по 732 гг. они потеряли свою независимость и были исламизированы. В своё время передовые отряды мусульман стояли в 200 км от Парижа и вблизи Женевы. К 714 г. армии мусульман захватили весь Пиренейский полуостров за исключением горных районов северной Испании.

В 1453 г. пал Константинополь, в 1460 г. завоёвана Греция, в 1540 г. – Северная Венгрия. В 1456 г. турки осадили Белград. Город удалось отстоять, однако 28 августа 1521 г. он всё же был захвачен. В 1529 и ещё раз в 1683 г. подвергалась длительной осаде Вена. В 1625– 1633 гг. взяты под контроль морские порты Северной Европы. XVII век был временем противостояния Османской империи и Речи Посполитой. 600 лет продолжалась война между исламом и христианством на Балканах. Лишь незадолго до Первой мировой войны балканские народы смогли сбросить с себя

турецкое иго^[2]. Ливан – «ближневосточная Швейцария» – ещё в начале XX в. был страной с христианским большинством населения, а православное Косово совсем недавно стало мусульманским.

Исламский менталитет в контексте принципа субъектности

Истоки принципа субъектности восходят к античной философии. Сократ был первым, кто сформулировал основную установку принципа субъектности – нацеленность человеческого бытия на самое себя. В формуле: «Познай самого себя, и ты познаешь весь мир» заложено понимание субъектности как самосознания, которое в учении Сократа выступает как стержень личностного сознания и поведения.

Принцип субъектности в том или ином виде развивался в трудах Платона, Аристотеля, Сенеки и других античных авторов. И только в христианском мировоззрении он получает принципиально новое выражение и воплощение. Здесь он связан с идеей создания, сотворения – creatio. Если для языческого античного мира и

более поздних политеистических религиозных верований идея творения как рождение качественно нового созидательного содержания бессмысленна, то в христианском мировоззрении она главенствует.

В христианском менталитете мир представлен как результат уникального акта творения по воле Творца, который создаёт «из ничего» не только законы природы, но и сам субстрат, материю. Мир существует не сам по себе, а по причине его созданности. Христианство придаёт человеку не только особый, но и высший статус по отношению к окружающему природному миру. Этот статус связан с пониманием сущности человека как «образа и подобия Бога». В связи с этим божественный волевой акт творения оказался возможным и необходимым спроецировать на человека как на «образ и подобие Бога», в результате чего человек предстаёт как потенциальный и реальный обладатель творческой воли.

Впервые в истории человечества христианство утвердило идею об особом достоинстве каждого человека как личности. В отличие от ислама, христианство утверждает возможность и необходимость духовной связи каждого человека с Богом. Благая весть, которую принёс людям Христос, – это весть о спасении людей от смерти, о приобщении их к духовной жизни в Царствии Божьем. Духовная связь – *religare* – между Богом и человеком мыслится в христианстве возможной лишь потому, что Бог и человек рассматриваются как личности.

Именно личность есть образ Божий в человеке, и, следовательно, в человеке есть божественное начало, и это начало не только природная сила, но и внеприродная способность стать личностью. В православной антропологии личность –

это степень приближения человека к Богу. Как пишет В. Лосский, человек, как и Бог, существо личное^[3]. В христианском мировоззрении впервые в истории конкретная личность стала считаться выше природы, она становится богоподобным субъектом.

С идеей личности как подобия Божия связано понимание человека как трансцендирующего существа. Это значит, что личность трактуется как субъект творчества, который определяет себя через созданный им самим смысловой, субъективный мир. Этот божественный дар выводит человека за пределы естественной необходимости, ведь человек призывается быть сотворцом, соучастником Бога. Он как бы становится его подобием на земле. Значит, обретя подобие Божие, человек тем самым приобретает способность быть субъектом творения, выступать в качестве полагающего начала, реализовывать свои богоподобные креативные способности.

Принцип субъектности был радикально редуцирован в эпоху Реформации. Так, протестанты, отвергнув догмат о спасающей роли церкви, разорвали соборное, коллективное сознание человека, акцентировали все усилия на его индивидуальном «спасении», направили всю энергию на субъектную, креативную самореализацию в экономической, социальной, научной, политической и иных сферах земной жизни. Именно для протестантского менталитета, который стал ядром и эталоном современной евроатлантической цивилизации, сам индивид – последняя и высшая инстанция. Таким образом, протестантизм открыл себе путь для безудержной субъектной экспансии в геополитическом пространстве Новейшей истории.

В современной психологии понятия «субъект» и «субъектность» свя-

заны с пониманием человека как основания самого себя, с самодетерминацией. В онтогенетическом плане субъект – это человек, являющийся основанием собственного становления и развития – личностного самосотворения. В научной психологии одной из базовых способностей субъекта деятельности признаётся способность к рефлексии. Психологическим содержанием рефлексии является способность делать предметом прогнозирования и проектирования своё будущее и практически его осуществлять. Эта способность включает в себя возможность анализировать своё прошлое как историю своего развития, на основании этого анализа оценивать своё настоящее и проектировать своё будущее, создавать социальную среду и политические средства своего развития, практически осуществлять переход из своего прошлого в своё будущее.

Ислам с момента своего возникновения в VII в. исповедует единого трансцендентного, абсолютного, но при этом абстрактного Бога, принципиально не соотносящегося с человеческой личностью, с совокупным или индивидуальным субъектом. В исламе между человеком и Богом проведена практически непреодолимая граница. Ислам отвергает идею онтологического преображения человека через обретение им личности в Богочеловеке. Именно поэтому в монотеизме ислама сочетание, с одной стороны, абсолютной догматичности и, с другой стороны, абсолютной бессубъектности определило собой то обстоятельство, что в исламском менталитете исторически не получило развитие самодетерминирующее индивидуальное субъектное начало. Исламское общество веками отдавало предпочтение не личному развитию человека, а интересам общи-

ны. Мусульманин, в отличие от европейского секуляризованного буржуазного индивидуалиста, всегда должен ощущать свою принадлежность к умме – всемирному сообществу единоверцев. Не случайно значение ислама в арабском языке – «предание себя», «отдача», «покорность». Г. И. Мирский пишет о том, что ислам – это больше чем религия, это также сильнейший фактор идентичности и цивилизационной солидарности^[4].

Проблема субъекта в исламе обнаруживается и в том, что, в отличие от иудаизма и христианства, в нём отсутствует единая иерархическая структура, чётко сформулированная система догматов, ясные стратегические распоряжения основателя вероучения. Ислам порождает внутри себя многочисленные, но по статусу равноправные течения и группы. Так, по данным А.А. Игнатенко, только в России зарегистрировано примерно четыре десятка духовных управлений мусульман. Бесперспективны, по мнению специалистов, и попытки исследователей найти некий общий знаменатель всех исламских направлений^[5].

Президент Центра стратегических исследований Ш.З. Султанов в статье с характерным названием «Глобальный исламский субъект. Перспективы его формирования в условиях мирового системного кризиса» говорит об исламском мире как об «эфемерном субъекте» мировой политики: «...в настоящее время исламский мир не является на глобальной арене каким-либо единым политическим субъектом со своей долгосрочной стратегией и согласованными механизмами её реализации»^[6].

Тем не менее, Г.И. Мирский считает ислам самой сильной религией в современном мире по степени его укорененно-

сти в умах и душах людей^[7]. Эта укорененность, а также ментально-догматическое единство и цивилизационная солидарность исламского мира содержит в себе энергию непримиримого отрицания западного либерализма, рационализма, индивидуализма и секуляризма.

По результатам анализа исламского менталитета в контексте принципа субъектности представляется возможным сделать вывод о том, что ислам не предполагает напряжённую конкурентно-креативную деятельность индивидуального, как, например, в протестантизме, субъекта, раскрытие и интенсивную реализацию его личностных интенций, способностей и возможностей.

В то же время ислам, несмотря на известные социальные и экономические проблемы, в наибольшей мере способен к осуществлению экстенсивной – массовой, расширительной, количественной – политической экспансии таранного типа в глобальном масштабе. Сочетание абсолютной догматичности, которая имеет аффективный, страстный, нетерпимый, жертвенный характер, и абсолютной бес – субъектности делает исламский менталитет в наступающей «эпохе религиозных масс» энергетически напряжённым, пассионарным. В своей «Истории западной философии» Б. Рассел писал о том, что догматические установки, связанные «с самыми утончёнными и трудными для понимания теологическими вопросами», религиозных масс с давних времён имели огромное политическое значение^[8].

Возможно, XXI в. как продолжение эпохи либерализации, секуляризации и кризиса евроатлантической цивилизации станет очередной эпохой пассионарного взрыва ислама и его экстенсивной геополитической гегемонии.

Проблемы, основания и возможности политического взаимодействия с исламом

Лавинообразный демографический рост, массовые формы политической активности, проявления религиозного экстремизма и фанатизма будут только нарастать. В последние годы более частыми становятся эксцессы террористическо-суицидальной практики. Все эти процессы сопровождаются тотальным неприятием антропоцентрических установок Запада абсолютным большинством монотеистического мусульманского мира.

Проблемы исламской экспансии для христианской/постхристианской Европы – Франции, Великобритании, Германии, Италии, Испании и т.д. – также будут усугубляться. И никто в этих странах не знает, что со всем этим делать. Активно исламизируется, набирает политический вес и военную мощь Турция, реализуя концепцию «нового османизма». Мобилизует свой потенциал противостояния с Западом Исламская Республика Иран, в конституции которой закреплена идея создания под эгидой Ирана «мировой исламской общины – уммы». Постепенно складывается ситуация, когда Запад с его субъектностью, креативностью, рационализмом, прагматизмом и вместе с тем неадекватным «качеством» понимания ислама в недалёком историческом будущем рискует стать жертвой его нарастающего «количества».

Лидеры исламского мира уже вполне открыто заявляют о том, что «исламское возрождение не может быть начато без религиозной, а успешно продолжено и завершено – без политической революции». Ш. Султанов считает, что глобальное усиление ислама уже не остановить.

По его мнению, глобальный кризис вызвал ускорение процесса «ревитализации» – возрождения и актуализации глубинных исламских ценностей и принципов, всё более жёсткого отказа от западного рационализма и секуляризма. В среде интеллектуальных и религиозных элит исламского мира идёт процесс маргинализации либеральных, социалистических и иных устремлений, активизируется стремление к долгосрочному религиозному самоопределению мусульманского сообщества. В расширяющейся фундаменталистской среде усиливается процесс всё более жёсткого противопоставления мусульманской системы ценностей деградирующей антропоцентрической западной нравственности.

Но реальность такова, что усиление ислама, его качество самой массовой и пассионарной религии не дадут ему возможность осуществить политическое доминирование и воплотить идею Всемирного халифата на планете по причине его особого субъектного статуса. В современном глобальном мире ислам не в состоянии креативно осуществлять субъектную экспансию по интенсивному информационно-политическому, научно-техническому, экономическому и военному типу.

В исламе нет ментально-догматических оснований и для формирования субъектного гражданского общества в его либерально-индивидуалистическом понимании. Нет и реальных оснований для формирования политической системы по западному образцу. Ни одно мусульманское государство до сих пор не развивалось по этому пути. Однако расширяющийся исламский более чем миллиардный мир в XXI в. рано или поздно потребует от Запада отказа от его ценностных претензий к нему. Претензий, которые предъявляются исламу в качестве безусловных и обязательных

для исполнения истин, имеющих по сути протестантский, догматически обусловленный характер.

В отношениях с исламом западные субъекты политики сохраняют бескомпромиссную установку на безусловность и тотальность своих субъектных либеральных ценностей. При этом сохраняется устойчивая иллюзия возможности ментальной трансформации ислама. Это заблуждение обусловлено двумя важными моментами. Во-первых, стратегии мышления операторов власти англо-саксонского мира опираются на отличные от ислама ментально-догматические основания. Во-вторых, они не рефлексируют над своими мессианскими либерально-догматическими установками, считая их вполне естественными и универсальными. Именно поэтому для современной глобальной политики, определяемой евроатлантическим гегемоном, который сейчас больше американо-атлантический, чем европейский, характерны неадекватные представления о якобы нарастающей иррациональности политических процессов в мире ислама.

Проблема взаимного непонимания Запада и исламского Востока усугубляется ещё и тем, что в мусульманском мире также усиливаются оценки западной политики как иррациональной.

Для преодоления проблемы мнимой иррациональности субъектам англо-американской ментальной экспансии предстоит выработать рефлексивный подход к своим реальным политическим возможностям во взаимодействии с исламом. Политическая рефлексия предполагает переосмысление как глубинных ментальных установок своего политического мышления, так и особенностей мышления различных мусульманских сообществ.

Но осуществить выход за пределы догматических установок мышления на новый уровень рефлексии для каждой из сторон чрезвычайно сложно, т.к. принятые ими сотни и сотни лет назад религиозно-догматические системы сформировали жёсткие и неосознаваемые структуры массовой веры как сверхсознательного феномена, который и является основой менталитета. При этом необходимо учитывать, что основой любой ментальной системы является догмат, который, по А.Ф. Лосеву, «есть утвержденность вечных истин». И ни одна из сторон от своих вечных истин не намерена отказываться, т.к. это будет совершенно недопустимый отказ от онтологической идентичности.

Ментально-догматические установки определяют кардинальные ментально-психологические и в итоге политические отличия трёх глобальных миров. Это мир ислама, мир христианского Запада и мир православного христианства. Все они длительное историческое время развивались в русле монотеистического закона. Каждый из этих миров отстаивает неизменные системы ценностей и по-своему выражает свои цивилизационно-политические ориентации. Внутри каждого из этих миров относительно автономно, обособленно и весьма успешно в течение двух тысячелетий существует мир иудаизма^[9], главным покровителем и союзником которого является протестантская англо-американская коалиция.

Наиболее слабой в системе этих миров является постправославная и постсоветская Россия, правящие элиты которой, как минимум, дважды радикально отказывались от ментально-догматических оснований своей политической субъектности. Первый отказ от субъектности проявился в разрушении православного догматическо-

го исповедания как ментального основания русской цивилизации. Этот ментальный распад, длившийся около двух столетий, в итоге привёл к деструкции тысячелетней русской государственности и всего общества, его институтов, культуры, идентичности. Результатом была трагедия 1917 г., гражданская война и уничтожение православия как системообразующего компонента Российского государства.

Второй отказ, но уже от догматического атеизма, был осуществлён партийно-номенклатурными элитами постправославного и постсталинского Советского Союза с делегированием политической субъектности лидерам протестантского Запада. Атеистические правители позднего СССР были не в состоянии предложить людям трансцендентальные и вечные ментальные основания общественного и политического развития, сформировать духовный иммунитет у советского народа против «растлевающего влияния Запада», его «идеологической диверсии» и «психологической войны» как форм ментально-догматической экспансии. К началу перестройки большинство населения Советского Союза было заражено мещанско-индивидуалистическими и инфантильно-потребительскими установками.

А.И. Юрьев и В.В. Можаровский справедливо полагают, что система власти в мире, во всех странах становится всё менее и менее эффективной, потому что учитывает весьма узкий спектр мотивов политического поведения. Так, до сих пор преобладает подход, при котором глубинные ментально-догматические и религиозные установки больших масс людей в системе политологическо-

го знания не изучаются и, как следствие, игнорируются^[10].

Кризис либеральной модели цивилизации усиливает позиции ислама с его способностью к массовому порыву и политическому действию. Западный мир с ускорением подходит к концу пути, который был задан в эпоху Реформации и Нового времени. Мусульманский Восток с его эфемерной субъектностью, исповедуя монотеизм, устремлён в архаическое прошлое, активно обостряя конфликтное противостояние с секулярным Западом.

Вместо заключения

Исламский Восток и евроатлантический Запад представляют собой две корневые силы, противостояние которых в течение веков определяло развитие человечества. Конфликтное взаимодействие этих сил в начале XXI в. усиливается в результате нарастания антихристианской политики в постхристианском мире^[11], символом которой и высшей ценностью стал безбожный человек. Разрешение фундаментальных противоречий цивилизаций не может быть достигнуто в рамках западного постхристианского субъектного мышления с предоставлением исламу тех или иных преференций и выгод от торговли научными разработками и технологиями, оружием, взаимодействия с ним на

основе либеральных, по сути, секулярных ценностей, правовых норм и т.п. В стратегическом взаимодействии с ним могут эффективно работать совершенно иные законы и мотивации. Только перевод диалога в русло монотеизма, опора на общие с исламом библейские корни, законы и нравственные ценности могут быть положительно восприняты внутри ислама и быть действенными и продуктивными в долгосрочной перспективе.

В современном мире Россия с её бесценным историческим опытом «славяно-тюркского синтеза» и традицией, по терминологии А.С. Панарина, «православно-исламского консенсуса» имеет реальную перспективу бесконфликтного взаимодействия с миром ислама. Основанием, безусловной ценностью, возможностью и, наконец, реальным полем, на котором России в течение тысячелетия удавалось сосуществование с исламским миром, является монотеизм. В условиях глобализации, мирового кризиса и очевидного усиления ислама для снятия потенциальной опасности в отношениях с ним России вновь необходимо во всех ключевых вопросах внутренней и внешней политики опираться на монотеистические православные основания и ценности, которые для ислама исторически естественны, психологически приемлемы и абсолютно правомерны.

Журнал «Власть» 2013 №1

-
- [1] Сарацинами (греч. – «восточные люди») европейские авторы называли всех мусульман, часто используя в качестве синонима термин «мавры»
- [2] Абд-Эль Маши. Аллах в исламе. – Корталь-Мюнхинген: Изд-во «Свет на Востоке», 1983
- [3] Лосский В. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. – М.: СЭИ, 1991

- [4] Мирский Г.И. Ислам: история и современность. 2010 // http://www.hist.msu.ru/Journals/ NNI/pdfs/ Mirskij_2010.pdf 2
 - [5] Игнатенко А. «Исламский» – что это значит? // НГ-сценарии, 1997, № 6.
 - [6] Султанов Ш. Глобальный исламский субъект. Перспективы его формирования в условиях миро-во-го системного кризиса // <http://www.politjournal. ru/preview.php?action=Articles&dirid=67&tek=8820 &issue=231>.
 - [7] Мирский Г.И. Исламский мир: «отстающее развитие» и мусульманский радикализм // *Мировая экономика и международные отношения*, 2008, № 8, с. 89–103.
 - [8] Рассел Б. *История западной философии*. – М., 1993.
 - [9] Можаровский В.В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. – СПб. : ОВИЗО, 2002, с. 43
 - [10] Там же. с. 5-9, 222-231
 - [11] Цивилёв А.А. Исламский Восток в религиозных взглядах В.С. Соловьева // http://psyjournals. ru/files/41619/sociosfera_2011_n1_Tsivelev.pdf
-

Сергей Белов

Обречённые на евроинтеграцию

Ни один российский политик не смог бы изменить курс Украины

Многие россияне до сих пор считают «бегство Украины в Европу» каким-то досадным недоразумением. Вроде как не в самих украинцах дело, а в бесовском влиянии западной пропаганды и предательском поведении украинских элит. Далее следует вполне логичный вопрос: а наши-то куда глядели? Чем занимались президент, МИД, посольство в Киеве и другие организации, ответственные за укрепление и развитие отношений с братским народом?

Может быть, и России следовало ударить пропагандой по пропаганде и банально купить кого надо в Киеве? Однако, на мой взгляд, Украина была обречена на «евроинтеграцию» с первого мгновения независимости, и ни один самый искусный российский политик не смог бы изменить этот курс.

Начнём с того, что даже в первые годы «независимости» от братских республик многие россияне рассматривали распад СССР как национальную катастрофу. Россия потеряла часть своих земель, был разрушен единый народно-хозяйственный комплекс, значительно ослабло международное влияние государства... Несомненно, трагедия!

Украинцы же в развале Советского Союза никакой особой трагедии не

усматривали. По сути, они вообще ничего не теряли, а приобретали в своё безраздельное пользование едва ли не самый «ухаженный» кусок советской страны. Житница, кузница, здравница и в перспективе «Вторая Франция»... О чём горевать? О «железном занавесе», «тиране» Сталине, «застенках» НКВД-КГБ, колхозах и прочих «скелетах в шкафу», вываленных на свет перестроечной гласностью?

Может быть, в 1991 году украинцам стоило переживать о российском газе и нефти? Уж не о том ли газе, цену которого в СССР вообще никто не знал? Может, о бензине из российской нефти за 20 копеек литр? Или украинцы должны были рыдать из-за утраты рынка сбыта для продукции украинского сельского хозяйства и животноводства? Совсем чужь. В конце 80-х годов XX века жителям Радяньской Украины самим харчей не хватало. Свиной было нечем кормить. Хлеб по две буханки в руки в магазинах отпускали. Я не шучу, в благополучные брежневские годы хозяйственные украинцы кормили своих хрюшек хлебом. Буханка «украинского» – 16 копеек...

На заре независимости украинцы искренне верили, что всё хорошее из советской реальности перейдёт в

будущее. Бесплатная медицина, образование, дешёвые тарифы на услуги ЖКХ – всё останется. Наука и промышленность? Не только останутся, но и, избавленные от оков советской плановой экономики, будут конкурировать с лучшими мировыми производителями. А те отрасли, что не выдержат конкуренции... пусть умирают. Американские джинсы, японская техника, немецкие автомобили – вне конкуренции. Весь этот привлекательный хлам можно будет купить за деньги. Украина – богатая страна, которую в СССР объедала нищая Россия.

На самом деле миф о «русской нищете» и «украинском богатстве» родился не на пустом месте. Он возник на почве советской политики привилегированного развития национальных окраин, в результате которой уровень жизни в них был заметно выше, нежели в РСФСР.

Любой украинец, отслуживший в Советской Армии где-то в Чите, хорошо знал, как живут россияне. Бедно по сравнению с богатой Радянською Україною. Отслуживший в Западной группе войск в Германии украинец знал, как живут европейцы. Ещё богаче. Вопрос о том, по какой причине возникло подобное неравенство, никого не волновал. Тем более, мало кто мог представить, что Советская Россия дотирует свои окраины. Вы теперь догадываетесь, почему «незалежная» четверть века сломя голову неслась от России в Европу?

Украинские мечты о светлом, почти коммунистическом европейском будущем своими корнями уходят в «милое» советское прошлое. Потому никакая самая изощёренная российская пропаганда не могла изменить подобные

настроения. Как бы это парадоксально ни звучало, но это был миф, выстроенный на личных впечатлениях. Развеять его в прах была способна только реальность – украинская, европейская и российская.

Первые годы независимости украинцы, словно ища подтверждения верности государственного курса «долой от Москвы», сравнивали свой уровень жизни с российским. В лихие 90-е годы сравнение было явно в пользу Украины. Сказывался советский задел. Однако с избранием президентом Российской Федерации Владимира Путина ситуация стала постепенно меняться. В России начало восстанавливаться производство, обновлялась инфраструктура, росли пенсии и зарплаты граждан. С годами говорить о благополучии «Франции №2» стало неприлично, и незалежные пропагандисты сменили пластинку...

Украина – цэ Европа. Украинцы – цэ европейська нация. Благодаря подобной словесной эквилибристике украинцы одним махом стали виртуальными обладателями всех достижений европейской науки, промышленности и культуры. Какой дурак будет спорить, что «Мерседес» «круче» «Лады», а уровень жизни в Германии выше, чем в России? Собственно, только русский Иван-дурак и спорил, тщетно пытаясь доказать украинским братьям, что им до европейского благополучия далеко, как до Луны на велосипеде. Однако переубедить помешавшихся на евроинтеграции было невозможно. Большинство украинцев воспринимало Россию такой, какой её знало по советскому прошлому – нищей и отсталой. К тому же выбирали они уже не между Украиной и Россией, а между Россией и Германией. Таким хитрым

путём, не ударив палец о палец, украинцы в очередной раз одержали феерическую перемогу над россиянами.

Для полного счастья незалежникам осталось вломиться, как им казалось, в широко открытые двери Евросоюза. Собственно, а почему они должны были сомневаться в реалистичности подобной телепортации? Чуть ли не ежемесячно ушлые социологи публиковали свои опросы, которые убедительно доказывали, что половина граждан поддерживает вступление Украины в Евросоюз. В отсутствии логики украинцев упрекнуть нельзя. Ну, если их спрашивают: вы куда хотите вступить в ЕС или ТС, – то из этого следует, что оба варианта возможны!

Ведь до сих пор никому в голову не пришло провести опрос о переселении украинцев на Марс? Нереально. А в Евросоюз со всеми вытекающими из этого благами – реально и очень даже интересно в материальном плане.

Разумеется, мнением второй части общества на Украине предпочитали пренебречь. Считаться с нетитульными русскими на Украине никто не собирался. Они ведь в нищую, тоталитарную азиатскую Московию тянут. Ту самую, которую украинцы хорошо помнили по советскому прошлому.

Мечтам украинцев суждено было сбыться на «евромайдане», после которого выяснилось, что никаких шансов вступить в братскую семью европейских народов нет. Все те, с кем украинцы долгие годы связывали надежды на светлое будущее, оказались бездарными управленцами, редкими негодями и лжецами. Сегодня благодаря этим «вышиваночным патриотам» страна превратилась в одно из самых нищих

и коррумпированных государств в Европе. Именно из-за их безмозглой политики Украина де-факто прекратила своё существование как единое государство. Впрочем, их выбирали украинцы... ну и западные друзья. Зато россияне, политики и эксперты, предупреждали, что это за экзотические фрукты и чем в конечном итоге закончится поход в Европу.

Как тут не вспомнить прогноз Владимира Путина, который он сделал в ходе пресс-конференции 19 декабря 2013 года: «Ведь почему оппозиция, которая борется с действующей властью, постоянно обращается к евротематике? Очень легко спекулировать на этих вопросах. «Хотите жить как в Париже?» – «Хотим!» – «Давайте подписывать!» А кто бы сказал: «Давайте почитаем!» <...> Никто же ни фиги не читает! Вы читать умеете? Посмотрите, что там написано: рынки открыть, денег нет, нормы торговые и технические регламенты ввести европейские. Значит, промышленность надо закрыть, сельское хозяйство развиваться не будет. Я уже сказал, это абсолютно явный крен туда – становиться сельхозпридатком еврозоны, но это выбор кого-то. Хорошо, пожалуйста, их выбор» ...

А теперь попробуйте представить ситуацию, если бы Москве каким-то чудом удалось затащить Украину в Таможенный Союз. Вне всяких сомнений абсолютное большинство украинцев считало бы, что Россия украла у них мечту о процветании в Европе. Получая свои 300-400 долларов (как при Януковиче), оплачивая по божеским ценам услуги ЖКХ, они тем не менее проклинали бы Россию и «пророссийский» режим. Они

бы скулили о гноблении «москалями» украинской культуры, мовы и вообще всего чего только можно...

Оценивая политику Кремля на украинском направлении, я раз за разом вспоминаю афоризм русского немца генерал-фельдмаршала Христофора Антоновича Миниха: «Русское государство имеет то преимущество перед другими, что оно управляется непосредственно Самим Господом Богом. Иначе невозможно объяснить, как оно существует...». Возможно, российские чиновники наделали массу ошибок, но ведь даже если их работа была бы безупречной, то, по сути, это ничего бы не изменило. Украинцы были обречены пройти

путь отрицания своей русскости и стать «европейцами».

Они должны были на своей шкуре ощутить отношение к себе циничных «цивилизованных» бесов, под чутким руководством МВФ убить свою экономику, получить европейские цены на услуги ЖКХ, обнищать до последней стадии, чтобы российская реальность стала для них мечтой.

Только после этого можно надеяться на честный разговор с жителями юго-западного края Руси.

И не дай Бог, если настанет время ещё и переболеть нацизмом, найти конченого негодяя, провозгласить его своим вождём и хлебнуть ещё большего лиха...

Игорь Шафаревич (1923–2017) –
доктор физико-математических наук,
профессор, академик РАН, публицист

Минуты роковые

«Приближается конец света». Эти слова сейчас часто можно услышать – хоть и в шутку. Но чувствуется, что произносящий их не вполне уверен, шутка ли это? Подобные предчувствия и раньше сопровождали переломные моменты истории человечества: их имел в виду Тютчев, говоря о «минутах роковых», изредка переживаемых миром. В его словах за очевидным смыслом угадывается вторая, более глубокая истина: кажется, что ход истории не единообразен, в нём можно различить два разных исторических времени. В пределах одного времени – назовём его «линейным» – история, по крайней мере внешне, имеет характер «объяснимого» и даже отчасти предсказуемого процесса. Доступные нашему наблюдению социальные, экономические и политические факторы влекут естественно вытекающие из них последствия. Другое время – это и есть «минуты роковые». Оно воспринимается обычно как нечто катастрофическое, необъяснимое, как вторжение сил, находящихся вне сферы действия нашего современного типа мышления. Только

позже, когда «минуты» протекли, можно почувствовать какой-то смысл совершившегося переворота – скорее, ответ на вопрос «зачем?», чем «почему?». История резко меняет своё течение, в эти «минуты» она реально и совершается. Значение же наступающего потом «линейного» времени можно видеть в том, чтобы приспособить существование человечества к новому историческому состоянию, в котором оно оказалось. Эти два времени, две компоненты, вместе составляющие исторический процесс, сопоставимы с естественным отбором и мутациями в принятой теперь картине биологической эволюции.

Сейчас мир, несомненно, переживает «минуты роковые» – не только наша страна, но и всё человечество. Наш кризис – лишь часть мирового, в котором общий процесс проявляется более грубо и обнажённо. Сразу после конца войны 1939–1945 годов появился новый элемент в мировом сознании: ожидание глобальной катастрофы. В военное время, как оно ни было тяжело, казалось: надо только его пережить, и тог-

да (конечно, для тех, кто переживёт!) жизнь будет понемногу облегчаться. Но война кончилась, и мы всё яснее стали понимать, что создание атомного оружия приблизило катастрофу совсем другого масштаба, чем все предшествующие войны. Человечество развязало силу, контролировать которую оказалось выше его интеллектуальных и духовных возможностей. В результате гибель значительной части человечества – да и всего живого – рано или поздно представлялась неизбежной. Лет 20 мы привыкали жить в такой ситуации и постепенно к ней привыкли. Тогда до нашего сознания дошло, что мы уже вступили в другой кризис – демографический: взрывообразный рост населения Земли. Казалось, что остановить его могут только вызванные им же мировые катастрофы: войны, эпидемии, голод. Теперь некоторые демографы приходят к выводу, что рост городской цивилизации приводит к снижению рождаемости. По одному из прогнозов, численность человечества может стабилизироваться в XXI веке на цифре в несколько десятков млрд человек. Но тут обозначился третий кризис, угрожающий существованию не только человечества, но и жизни вообще – экологический: стремительное истощение ресурсов природы и её разрушение технической цивилизацией. Он кажется самым безнадёжным, так как связан с самым коренным принципом, на котором построена современная индустриальная цивилизация: постоянным расширением производства. Таким образом, всё время люди жили и продолжают жить в сознании нависшей над всеми ними угрозы гибели, хотя представление о причине этой гибели меня-

лось. То есть уже почти полвека человечество живёт в условиях совершенно нового (сравнительно с несколькими предшествующими веками) – катастрофического сознания.

В жизни цивилизаций отчётливо различаются сменяющиеся эпохи. В «Век Державности» главная личность – это царь, великий полководец. «Век Разума» говорит голосом философа. Центральная фигура «Века Прогресса» – организатор, учёный. В «Век Катастрофы» люди жаждут слышать пророка или святого. Слова «Я пришёл спасти мир» просто не были бы поняты греками эпохи Перикла – им даже не приходило в голову, что мир надо спасать. Зато эти слова не требуют пояснений, когда господствует психология «конца света». Такова, конечно, и наша эпоха. Только теперь, когда эта концепция, даже эти слова слишком чужды нашему сознанию, мы выражаем то же самое мироощущение в терминах: гибель от ядерной катастрофы, демографический взрыв, экологический кризис.

В такие катастрофические эпохи историю движет логика, в принципе отличная от той, которая понятна нашему рационалистическому сознанию. Поэтому не кажутся реалистичными детально разработанные планы «выхода из кризиса» – скорее уж «Откровение Иоанна Богослова» поможет как-то осмыслить происходящее. (Да ещё имеют смысл очень конкретные кратковременные планы.) Но верна и мысль Тютчева, что зрителям этих «высоких зрелищ» открываются грани истории, закрытые от нас в другое время. Недаром первые века до и после Рождения Христова так богаты «апока-

липсисами»-«откровениями». И во многих современных произведениях вроде материалов Римского клуба или прочтений о «конце истории» мы имеем, собственно, такие же «апокалипсисы», только изложенные другим языком – как правило, гораздо менее пригодным к обсуждению подобных концепций. В этом переходном характере от «линейного» времени и соответствующего ему рационалистического сознания к времени катастрофическому, требующему совсем иного понятийного аппарата, – одна из трудностей нашего века.

Наш век

Попытаемся уточнить: что же такое происходит в наш век, благодаря чему мы ощущаем дыхание «конца мира»? И, прежде всего, правомочно ли вообще говорить о современном нам мире как некотором единстве, несмотря на очевидную противоположность демократического Запада и тоталитарного Востока, благополучного Севера и нищего Юга?

Для ответа поставим мысленный эксперимент: предположим, что археолог, живущий через 1000 лет после нас, исследует современное нам человечество. И предположим, сверх того, что по какой-то причине исчезли все письменные источники, так что будущий археолог будет вынужден изучать наше время так, как современные археологи – дописьменные цивилизации: на основе остатков материальной культуры. Тогда, я думаю, он сделает вывод, что изучаемая им наша эпоха отличается от ей предшествовавших как раз необычайным единообразием жизни. На подавляющей части Земли он уви-

дит цивилизации одного типа. Этот тип цивилизации повсюду проявляется такими признаками, как: скопление людей в гигантских городах, жизнь в муравейниках колоссальных домов, господствующая роль механизмов в хозяйстве и быту, ориентация всей жизни на технику, опирающуюся на науку, почти сросшаяся с ней, и жестокий экологический кризис. Старшие поколения в нашей стране так привыкли к противопоставлению «два мира», «две экономические системы», что скорее готовы поменять в этой картине знаки: «положительных» на «отрицательных», чем отказаться от картины поляризованного мира. Эту привычную концепцию не разрушают даже бросающиеся в глаза параллели, когда социалистическая революция решает те же задачи, что и капиталистическая промышленная революция: разрушение деревни, превращение крестьян в пролетариат, урбанизация и индустриализация.

Возвращаясь к нашему гипотетическому археологу, мы можем предположить, что он обнаружит в разных частях Земли эту единую цивилизацию представленной с различной степенью интенсивности... А если он сможет различать разные археологические пласты и восстановит процесс во времени, то увидит, что нашей эпохе (сравнительно с предшествующими) присуща неслыханная скорость изменений. И обнаружит, что цивилизация эта, возникнув сперва на небольшом пространстве Западной Европы, всего за несколько веков подчинила себе весь мир. Он обнаружит несравненно более агрессивную и нетерпимую цивилизацию, чем все ей предшествовавшие. В отличие от всех них, она не терпит рядом с собой иных